В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

6 • 1978

Памятники истории и культуры народов СССР отражают материальную и духовную жизнь прошлых поколений, многовековую историю нашей Роди-

Фото П. Гаврилова

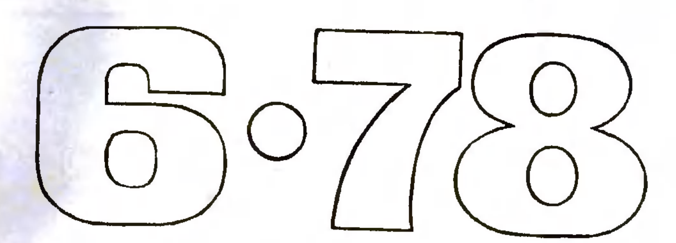

ны, борьбу народных масс за ее свободу и независимость, революционное движение, становление и развитие Советского социалистического государства.

Закон об охране и использовании памятников истории и культуры.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания девятнадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции:
109004. Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны
297-02-51, 297-10-89.

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ

Бережное отношение к историческим памятникам и культурным ценностям народа, оставшимся нам от прошлого, широкая их пропаганда — предмет постоянной заботы Коммунистической партии и Советского государства. Воспитание правильного, основанного на принципах марксизма-ленинизма отношения к истории, ее памятникам и культурному наследию — важный участок в комплексе формирования нового человека, его мировоззрения. И пропагандисты атеизма принимают в этом деле самое активное участие.

На второй странице нашей обложки представлены памятники деревянного зодчества Архангельской области, собранные в местном музее. Об опыте пропагандистов Севера по коммунистическому воспитанию трудящихся читайте подборку, помещенную в этом номере.

Знаменитая на весь мир колокольня Ивана Великого — композиционная ось Московского Кремля, одного из величайших исторических памятников нашего народа. О том, как строилась эта колокольня, какое значение имела, — рассказывается в очерке А. Шамаро, напечатанном в номере. На третьей странице нашей обложки — общий вид и верхняя часть колокольни Ивана Великого.

Внизу — одно из исторических полотен А. М. Васнецова «Спасские водяные ворота Китай-города у Москворецкого моста в XVII веке». Известного русского художника Аполлинария Михайловича Васнецова называют певцом древней Москвы. Большой знаток древнерусской старины, соединивший в себе талант великолепного живописца и исследователя отечественной истории, он с большой достоверностью воспроизвел в своих работах картины жизни наших предков. Справа — фрагмент картины Васнецова.

ЖИВОЕ СЛОВО ЛЕКТОРА

Ежедневно примерно три тысячи лекторов-атеистов в разных концах нашей страны поднимаются на трибуну, чтобы рассказать своим слушателям, что такое научный атеизм, в чем заключается его гуманистическая, жизнеутверждающая сущность, нравственный потенциал, в чем превосходство коммунистических нравственных норм над догмами и заповедями морали религиозной, какова истинная роль религии и церкви в истории народов нашей Родины, каким религиозным гнетом были придавлены трудовые массы в царской России и как Советский Союз стал первой в истории человечества страной массового атеизма, как осуществляются у нас ленинские принципы свободы совести и как наши идейные противники фальсифицируют положение религиозных организаций и верующих в СССР, каковы особенности современного религиозного сознания, какие материалистические, атеистические выводы несут в себе данные современных наук, почему во всем мире религия переживает глубокий, необратимый кризис...

Лекция всегда была и поныне остается наиболее распространенной и массовой формой пропаганды научно-материалистических, атеистических знаний. 80-тысячный отряд лекторов-атеистов изо дня в день делает свое на первый взгляд будничное, незаметное, но такое нужное и важное дело распространения мировоззренческих знаний, формирования атеистических убеждений, духовного освобождения тех советских людей, которые еще не избавились от религиозных иллюзий. Миллион атеистических лекций в год — вот впечатляющий итог благородной и благодарной работы пропагандистов научного атеизма.

Ясно, какое огромное, поистине неоценимое значение для атеистической пропаганды, для мировоззренческого воспитания масс имеет принятое недавно постановление Центрального Комитета КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды». Это постановление явилось ярким выражением той постоянной заботы, которую проявляют наша партия, ее Центральный Комитет о воспитании всесторонне развитых, сознательных и активных строителей коммунизма, о повышении образовательного и культурного уровня советских людей, о выработке у них прочных коммунистических убеждений.

В постановлении лекционная пропаганда названа действенным фактором формирования научного мировоззрения, активной жизненной позиции, высоких идейно-политических и нравственных качеств советских людей. Лекционная пропаганда — важное средство коммунистического воспитания тру дящихся, развития политической и трудовой актив ности масс в выполнении решений XXV съезд КПСС, в реализации возможностей развитого со циализма.

ЦК КПСС четко определяет цель лекционной про паганды: она призвана служить воспитанию у совет ских людей высокой идейности, культуры, граждан ской ответственности, коммунистического отноше ния к труду, нравственной чистоты, советского пат риотизма и интернационализма, готовности к защи те Родины. Так же ясно сказано в постановлении об основных направлениях в содержании лекцион ной пропаганды. Главное место в ней занимает глу бокое и всестороннее разъяснение марксистско ленинской теории, творческого вклада КПСС в е развитие, вопросов внутренней и внешней политик партии, документов XXV съезда КПСС, новой Кон ституции СССР, актуальных проблем научного ком мунизма, разработанных в трудах товарища Л. И Брежнева и других руководителей партии.

Отметив улучшение лекционной пропаганды последние годы и высоко оценив благородный тру многомиллионной армии лекторов, ЦК КПСС глав ное внимание в принятом постановлении сосредо точил на необходимости дальнейшего совершенс вования лекционной пропаганды, повышения ее ро ли в решении задач коммунистического строител ства. Необходимо и дальше повышать идейно-тео ретический уровень наших лекций, добиваться того чтобы они были действенными, способствовал формированию общественного мнения. Надо опе ративно реагировать в лекциях на актуальные проб лемы общественно-политического развития стр ны и международной жизни. В условиях усложн ния идеологической борьбы на международно арене наша лекционная пропаганда должна бы непримиримой и наступательной в борьбе с бурж азной, маоистской и ревизионистской идеологие Следует учитывать возросший уровень образова ности, информированности, культуры советских лю дей, постоянно расширять тематику и обогаща содержание лекций, добиваться того, чтобы о были популярными, живыми, яркими, увлекател ными по форме.

Прежде всего это зависит от самого лектора его знаний, квалификации, опыта, мастерства. В п становлении намечены меры по улучшению подб

ра и подготовки лекторских кадров. Работа лектора-общественника квалифицируется как дело большой политической важности, ему необходимо создавать для этого благоприятные условия, всемерно поощрять лекторский труд.

В постановлении подчеркнута необходимость усилить лекционную пропаганду среди молодежи. Эта работа должна содействовать воспитанию подрастающего поколения в духе коммунистических идеалов, на революционных, боевых и трудовых традициях партии и народа.

Большое внимание в постановлении обращено на деятельность массовой добровольной организации, поставившей своей целью пропаганду в народе политических и научных знаний, — общества «Знание». Оно названо в постановлении важным звеном в системе идеологической работы, активным помощником партии в коммунистическом воспитании трудящихся. В самом деле, за свою более чем 30-летнюю историю общество «Знание» провело огромную работу. Сейчас в его рядах более трех миллионов членов. Около 25 миллионов лекций в год, более чем миллиардная аудитория — вот какими масштабами характеризуется размах деятельности общества «Знание». В приветствии его VII съезду, состоявшемуся год назад, Центральный Комитет КПСС выразил уверенность в том, что общество «Знание» и впредь будет надежным помощником партии в воспитании масс, в осуществлении задач коммунистического строительства. Нынешнее постановление ставит перед Обществом новые, еще более ответственные задачи по совершенствованию лекционной пропаганды, всей его деятельности по распространению политических и научных знаний.

Все без исключения положения и требования постановления ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды» имеют самое непосредственное отношение и к формированию научного материалистического мировоззрения, к атеистическому воспитанию. Пропаганда научного атеизма, критика религиозной идеологии, воспитание атеистической убежденности — органическая составная часть всей многообразной работы по коммунистическому воспитанию советских людей, становлению советского социалистического образа жизни, распространению в массах политических и научных знаний, преодолению и устранению из нашей жизни всех и всяческих пережитков прошлого.

Тысячами живых нитей связана атеистическая пропаганда с идейно-политической закалкой советских людей, с их нравственным и трудовым воспитанием, с пропагандой идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, с развитием художественного вкуса, с овладением правовыми знаниями — то есть со всеми звеньями комплекса воспитательной работы. И сегодня — в свете требований XXV съезда партии и нынешнего постановления ЦК КПСС — задача стоит так: атеистическая пропаганда не может замыкаться в узком кругу сугубо антирелигиозных тем, превращаться в то, что Ленин осуждающе называл «атеистической проповедью». Магистральный путь совершенствования, повышения действенности атеистической пропаганды — это расширение ее тематического диапазона, обогащение ее актуальной проблематикой, почерпнутой из всех названных выше направлений воспитательного комплекса. А для этого необходимо развивать творческие контакты и сотрудничество пропагандистов атеизма с другими звеньями системы идеологической работы: с лекторами-международниками, политинформаторами, пропагандистами естественнонаучных, правовых знаний — со всеми, кто причастен к нравственному, трудовому, патриотическому, интернациональному, эстетическому воспитанию советских людей, особенно подрастающего поколения.

Таким контактам, тесной координации, взаимному обогащению всех этих направлений воспитательной работы призваны всемерно содействовать научно-методические советы и секции по пропаганде научного атеизма. Заслуживают всяческого одобрения, поддержки и развития входящие в практику советов по атеизму контакты их с другими научно-методическими советами — по пропаганде естественнонаучных, философских, правовых знаний и т. д. Советы координируют свою работу, проводят совместные заседания, обсуждают, как выявлять философские, мировоззренческие, атеистические аспекты в лекциях по различной тематике, сообща проводят циклы лекций и другие массовые мероприятия. Это и есть практическое воплощение в жизнь принципов комплексного подхода к воспитательной работе.

Пропагандисты атеизма смогут успешно выполнить требования, выдвинутые в постановлении ЦК КПСС, только при том условии, если будут развивать и укреплять контакты с профсоюзными и комсомольскими организациями, со школами и вузами, с клубами, библиотеками и другими очагами культуры, со средствами массовой информации и пропаганды. Во многих республиках и областях имеется ценный, достойный распространения опыт такой работы. Так, в Узбекистане, Туркмении, на Северном Кавказе в атеистической работе среди женщин активно участвуют женсоветы. В Казахстане, в Винницкой и других областях Украины многое делается для атеистического воспитания молодежи. В Рязанской области серьезное внимание обращается на работу среди пенсионеров и людей пожилого возраста и т. д.

Велением времени стало и внедрение в практику таких форм, которые дают слушателям систематические знания, знакомят с комплексом взаимосвязанных проблем, — атеистических чтений, циклов и курсов лекций, лекториев, кинолекториев и других.

Ростки нового, прогрессивного, рождаемые жизнью, повседневной практикой атеистической пропаганды, следует своевременно поддерживать и развивать.

Наш журнал намечает расширить публикацию материалов в помощь лекторам-атеистам — печатать статьи, освещающие теоретические и методологические основы лекционной пропаганды, ее тематическую направленность и содержание, обобщающие опыт работы лучших пропагандистов, анализирующие атеистическую литературу.

Лекторы-атеисты, как и все пропагандисты научных знаний нашей страны, с одобрением встретили постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения лекционной пропаганды», приняли его как руководство к действию, прилагают все силы для воплощения его в жизнь.

Б. ЯКОВЛЕВ

ПУБЛИКУЕМЫЕ ВПЕРВЫЕ...

Когда читаешь и перечитываешь ленинские статьи и книги, вслушиваешься в звуковые записи его речей или пытаешься воссоздать их доподлинный текст, всегда восхищает непревзойденная диалектическая гибкость политической мысли. Ведь занимаясь любым явлением, процессом, историческим событием, Ленин неизменно глубоко исследует, познает предмет. Охватывает решительно «все его стороны, все связи и «опосредствования». Именно так поступает Владимир Ильич и обращаясь в 1919—1920 годах к самым разнообразным проблемам религии.

В те дни глава Советского правительства безмерно занят. Он помогает военачальникам еще совсем юной Красной Армии оперативно принимать правильные стратегические решения в битвах с интервентами и белогвардейцами. Казалось бы, в таких условиях сверхчеловеческого напряжения некогда заниматься, скажем, письмами священников, жалобами сектантов, претензиями регентов церковных хоров... Однако 8-й том ленинской «Биографической хроники» содержит около ста преимущественно новых фактов, свидетельствующих о пристальном внимании Ленина и к этой стороне жизни.

Вдумаешься в эти факты — и яснее сознаешь, какую полную свободу совести, свободу вероисповедания любой религии (если, разумеется, она не вырождалась в дикое и жестокое изуверство) предоставило своим гражданам Советское государство.

«СВОБОДНАЯ ОБЩИНА РАЗНОВЕРЦЕВ...»

Еще в 1945 году на страницах XXXV Ленинского сборника были опубликованы ленинские резолюции и пометки на записке об организации «общины разноверцев в Туркестане». Автор записки писал в Совет Народных Комиссаров:

«Я хочу поехать в Туркестан и устроить там уголок новой жизни так: мне Советская Республика дает **местечко в юго-восточной части** Туркестана и разрешает там селиться людям, жаждущим мира и работы. Слагается свободная община разноверцев-сектантов, просто тихих людей, ученых, желающих заниматься спокойно наукой, толстовцев и т. д. Все это находится под военным покровительством Советской власти...»

Тогда — в годы гражданской войны — «просто тихими людьми», «жаждущими мира и работы», были, как правило, дипломированные дезертиры или, в лучшем случае, нейтралы, предпочитавшие выждать: «чья возьмет». «Юго-восточная часть» Туркестана недаром подчеркнута Лениным. Она весьма мало подходила в те времена для того, чтобы «заниматься спокойно наукой», не располагая какими бы то ни было, пусть даже самыми примитивными книго- и архивохранилищами, лабораториями и т. д. Зато означенная часть тогда еще не разделившегося на три республики Туркестана примыкала к Афганистану, кишевшему английскими лазутчиками. В этих условиях Владимир Ильич, пожалуй, неспроста подчеркнул крайне политически рискованное намерение автора записки завязать «при помощи сектантов **сношения с Америкой, частным как бы** путем».

В записке рисовалась явно чрезмерно лучезарная картина внерелигиозной кипучей деятельности будущей общины: «Оттуда (то есть из Соединенных Штатов, весьма активно участвовавших в интервенции на Дальнем Востоке! — **Б. Я.**) доставляются плужки, топоры, телефоны, типографии для нужд общины». Обещают инициаторы странноватого объединения «разноверцев» и высокоторжественное прибытие неких «поселенцев» «и из Китая и из Индии», полностью порабощенных тогда империалистами.

Ленин не вступил в политическую полемику с руководителями высокообразованных ученых «разноверцев». Владимир Ильич лишь поручил секретарям Совета Народных Комиссаров:

«Ответить: неисполнимо: тиф проезда нет»...

В XXXV Ленинском сборнике, на страницах которого 33 года назад была опубликована эта ленинская надпись, не указывалась фамилия автора записки. Подготовители «Хроники» установили, что ее адресовала Владимиру Ильичу известная деятельниц[е] советской педагогики. Это ей 2[?] декабря 1919 года Ленин выда[л] такое удостоверение:

«Прошу все советские учреж[-] дения и власти оказывать всяче[-] ское содействие подательнице се[-] го Анне Федоровне Балкаши[-] ной...»

Можно предположить, что руководительнице одной из опыт[-] ных школ Наркомпроса Лени[н] видел добросовестно заблуж[-] давшегося человека, подобно[го,] скажем, лучшим представителя[м] так называемого «добросовес[т-] ного оборончества», не сразу о[т-] казавшимся от поддержки пре[-] ловутой «войны до победно[го] конца», выгодной лишь «минис[т-] рам-капиталистам» Временно[го] правительства. Как бы то ни бы[-] ло, тихому оазису англо-амер[и-] канской разведки под гостепр[-]

Статья вторая, первую см. в № 4.

имной «крышей» сектантского «общежития» так и не суждено было возникнуть и расцвесть в Советском Туркестане...

«ПОСТАВИТЬ ПАМЯТНИК ТОЛСТОГО...»

Как известно, немаловажную роль в духовном и нравственном просвещении и воспитании масс и, следовательно, отвлечении их от церкви с ее впечатляющей обрядностью, отнюдь не лишенной пластической выразительности и музыкальности, Ленин отводил профессиональному искусству — театру и кинематографу, живописи и скульптуре. Особое значение придавал он не только, я бы сказал, «моментальной агитации», какими были революционные плакаты с текстами, принадлежащими таким мастерам, как Александр Блок — после «Двенадцати», Владимир Маяковский в пору его подвижнического труда для «Окон РОСТА», Демьян Бедный, ежедневно выступавший с поэтическими откликами «на злобу дня» в «Правде».

Высоко ценил Владимир Ильич и длительное воспитательное значение «монументальной пропаганды» с помощью памятников деятелям революции.

По замыслу Ленина, открытие каждой такой мемориальной скульптуры — от скромной «скрижали» до монументального памятника или обелиска — призвано было стать подлинным народным торжеством с выступлениями лучших ораторов партии.

В канун 1920 года Ленин беседует с А. В. Луначарским об открытии к 1 мая памятника основоположнику научного коммунизма. Лишь в 1971 году было впервые опубликовано письмо Народного комиссариата просвещения по этому поводу в Совет Народных Комиссаров. Считая совершенно справедливым ленинский упрек, вызванный отсутствием «в Москве хорошего памятника К. Марксу», Анатолий Васильевич сообщал, что в столице есть мастер, «вполне подходящий для единоличного заказа ему статуи Маркса».

«Это, — пишет Луначарский Ленину,— автор превосходного, уже поставленного Московским Советом гранитного монумента Достоевского на Цветном бульваре — художник Меркуров... Он обладает большой мощью, способностью психологического анализа и в то же время является реалистом...»

И Луначарский просит Ленина издать «особый приказ» «о предоставлении Меркурову нужных ему материалов в количестве, которое им заранее будет указано и может быть проверено экспертами, вне всякой очереди, под ответственностью за волокиту перед революционным судом». Более того! Народный комиссар просвещения просит главу Советского правительства «отпустить как для отопления во время самого производства работ, так и для сушки, известное количество дров, опять-таки заранее указанное и утвержденное экспертами».

Да, в «незабываемом 1919-м» Ленин вынужден был чуть ли не лично распоряжаться дровами, ибо каждое полено — драгоценность. Недаром Маяковский в «Октябрьской поэме» «Хорошо!» с неподдельным волнением вспоминает, как он несет заболевшей любимой «две морковинки... и пол-полена березовых дров», которое было тогда дороже ему «всех дорогих даров...» Потому-то, заканчивая письмо Ленину, Луначарский заявляет, что в случае его «несогласия лично поддержать все эти совершенно законные требования художника», он вынужден будет «отказаться от мысли о постановке памятника Марксу в ближайшее время».

Подготовителям «Хроники» еще не удалось точно датировать ленинские высказывания о другом памятнике — Льву Толстому. Узнав в 1919 году от В. Д. Бонч-Бруевича, что писателя «анафематствовали» — отлучили от православной церкви в Успенском соборе Кремля, Ленин предложил именно перед этим храмом

«поставить памятник Толстого, обличающего церковь, громящего царей, бичующего богатство, собственность, роскошь»[1].

«НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ВСЕЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ»

В истории нашей революции 1920-й — год разгрома деникинцев и врангелевцев, пилсудчиков и булак-булаховцев. Почти все рабочее время Председателя Совета Народных Комиссаров принадлежит Красной Армии — ее стратегии и тактике, снабжению оружием и боеприпасами, продовольствием и обмундированием. И все-таки Ленин по-прежнему сам рассматривает письма церковников и сектантов с самыми разнообразными ходатайствами, а порой и предложениями, адресованными Советскому правительству.

23 января 1920 года на очередном заседании Политбюро Ленин участвует в обсуждении протеста Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока против разрешения, выданного Реввоенсоветом Туркестанского фронта секте «божьих воинов», - ваисовцев, создавать самостоятельные сугубо мусульманские формирования.

«Божьи воины» вряд ли отличались советским патриотизмом и тем более пролетарским интернационализмом, составлявшими неодолимую духовную силу Красной Армии. Не очень-то почитал Ленин, как известно, и толстовцев, не противившихся насилию преимущественно со стороны белогвардейцев. Однако 1 марта Владимир Ильич в ответ на полученную телеграмму пишет казанским чекистам:

«София Михайловна Иванова, вдова председателя Толстовского общества, жалуется, что ее обижают, натравливают чернь. Проверьте. Немедленно прекратите безобразия. Сообщите мне телеграфом об исполнении и имя проверявшего, а подробности почтой».

Эти подробности стали известны неспециалистам лишь в 1975 году. В обширном примечании к воспроизведению ленинской телеграммы на страницах образцово подготовленного сборника документов «В. И. Ленин и ВЧК» приведена примечательная справка чекистов из хорошо памятного Ленину города его юношеского «революционного крещения»:

«Иванова была арестована 10 ноября прошлого года особотделом... за оскорбление советских работников и по подозрению в принадлежности к белогвардейской организации... 14-го числа того же месяца была освобождена, так как было принято во внимание ее нервное расстройство вследствие смерти мужа.

[1] См.: К. Н. Ломунов. Ленин читает Толстого. М., 1974, стр. 18.

Никаких натравливаний и бесчинств по отношению к Ивановой допущено не было, что видно из ее теперешнего объяснения. Все отобранное у нее при обыске было возвращено...»

Вдовствующую казанскую толстовку не отличала правдивость ее великого вероучителя, столь беспощадного и к самому себе...

Ленин всегда высоко ценил талантливых и образованных специалистов по марксистской истории религии и научному атеизму.

Столь же естественно, что Председатель Совнаркома отказывался поддерживать всевозможное прожектерство. Когда журналист Н. А. Семенов предложил создать не только специальный отдел Наркомпроса, но и «Международную лигу по борьбе с предрассудками», Владимир Ильич направил сей типично маниловский проект в Наркомпрос «с просьбой дать... краткий отзыв». Вскоре — по поручению Луначарского — Владимиру Ильичу ответила... заведующая внешкольным отделом Наркомпроса Н. Ульянова.

От имени Президиума отдела Надежда Константиновна заявила, что создание нового «особого органа» излишне и нецелесообразно, ибо антирелигиозная пропаганда — «неотъемлемая часть всей просветительной работы Наркомпроса», а новоявленную особую организацию верующие могут истолковать как «гонение на религию, что, конечно, может только подогреть религиозный фанатизм»...

«МЫ НЕ МОЖЕМ ОБОЙТИСЬ БЕЗ РОМАНТИКИ...»

Да, то были столь же трудные, сколь и героические годы, так напоминающие современникам годы Великой Отечественной войны — годы всенародного подвига и самопожертвования, бескорыстия и революционного энтузиазма.

Большевиков принято считать суровыми реалистами, чуждыми романтике, которая чуть ли не отдавалась при этом «на откуп» мелкобуржуазным псевдореволюционным фразерам. Но ведь Ленин, мужественный реалист, бесстрашно смотревший в лицо действительности, порой не только горькой, но и страшной для слабых духом (один из полузабытых очерков В. Д. Бонч-Бруевича красноречиво озаглавлен: «Страшное в революции»!), Ленин, по словам поэта, «самый земной изо всех прошедших по земле людей», в июне того же 1920 года говорил норвежскому коммунистическому деятелю Якобу Фрису:

«...Само собой разумеется, мы не можем обойтись без романтики. Лучше избыток ее, чем недостаток. Мы всегда симпатизировали революционным романтикам, даже когда были несогласны с ними... Всегда выражали наше восхищение личным мужеством...»

Не потому ли так ценил Ленин проявления всего того, что еще в «Великом почине» он назвал типичной социалистической чертой «заботы о дальних»?

Так, 5 января 1920 года Владимир Ильич телеграфирует в Оренбург, предписывая губернскому продовольственному комитету немедленно принять и отправить три вагона пшеницы, «пожертвованной общиной евангельских христиан для Москвы и Петрограда». Обязывает оказать содействие и сопровождающим зерно «представителям жертвователей».

12 марта из Самары, которая, как известно, — подобно Казани, Петербургу и Красноярску, — была одним из городов революционной юности Владимира Ильича, к нему обращается председатель заседавшего там съезда религиозных общин Яковлев. Участники съезда просят Председателя Совнаркома разрешить отправить в Москву адресованные Ленину и Объединенному совету религиозных общин и групп два вагона хлеба, собранного для голодных детей христианами-евангелистами Самарской губернии. К лету 1920-го два вагона самарской муки немало значили для трагически напряженного продовольственного баланса столицы.

Несколько дней спустя, снова ознакомившись с еще одной аналогичной телеграммой из Самары, Ленин пишет:

«Прошу направить этот вагон в Совет защиты детей».

На сей раз христиане-евангелисты — совсем по-советски — включились в доброе большевистское (а для них, естественно, «богоугодное»!) дело, которому обязана сохранением жизни не одна тысяча буквально таявших от голода сверстников пишущего эти строки в Москве, Петрограде, Иванове, Туле...

С особой бережностью относился Ленин к верующим мусульманам Кавказа и Средней Азии. Ведь за ними стояли миллионы трудящихся мусульманского Востока — напоминал Владимир Ильич партийным и государственным работникам. Как отмечается в «Хронике», 2 апреля 1920 года Ленин телеграфирует члену Реввоенсовета Серго Орджоникидзе:

«Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан».

Ссылаясь на свои прежние, видимо устные, указания, Владимир Ильич советует демонстрировать «самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее». В это «и прочее» входила терпимость к религиозным верованиям мусульман, их шариату и т. д.

В апреле Ленин беседует [с] П. А. Красиковым об охран[е] памятников древнерусской архитектуры и живописи в Троице-Сергиевой лавре. Вскоре посл[е] этого Владимир Ильич подписывает декрет «Об обращении [в] музей историко-художественны[х] ценностей Троице-Сергиевско[й] лавры». И этот ленинский декре[т] превращает в достояние народ[а] «все ценные в художественно[м] и археологическом отношени[и] имущество и здания», которы[ми] веками своекорыстно и невежественно распоряжались церковники.

Последние страницы рецензируемого тома охватывают лиш[ь] несколько первых дней июн[я] 1920 года. Впереди — в последующих 9—12 томах! — новые [и] новые материалы не только о Ленине — государственном деятел[е], но и о Ленине — мыслителе, ате[]исте, читателе, критике и реда[к]торе антирелигиозной литерату[]ры. «Биографическая хроника» становится одним из важнейши[х] научно-справочных пособий [по] марксистско-ленинской атеист[и]ческой пропаганде.

ЛЕНИН о марксистском подходе к религии и церкви

А. ИВАНОВ, кандидат философских наук

ИЗВЕСТНО, что Маркс образно назвал социальные революции локомотивами истории. В результате их свершения происходит крутая ломка всего общественного строя, осуществляется переход от одной формации к другой, в значительной степени ускоряется процесс развития общества. Так совершался переход от рабовладельческого общества к феодализму и от феодализма к капитализму. В результате революционных преобразований осуществляется и переход от капитализма к социализму. Однако в данном случае мы имеем дело с революцией высшего типа, революцией социалистической, коренным образом отличающейся от всех ей предшествовавших. В чем состоит ее отличие?

Основное отличие социалистической революции от прошлых состоит в том, что она производит наиболее глубокие изменения во всех сферах жизни общества — политической, экономической и духовной. Если все прежние революции лишь видоизменяли эксплуатацию, заменяли одну ее форму другой, то социалистическая революция искореняет всякую эксплуатацию вообще, ликвидирует эксплуататорские классы, знаменует собой наступление эры бесклассового общества. Если все прежние революции заменяли одну форму частной собственности другой, то социалистическая революция уничтожает частную собственность — основу эксплуатации человека человеком и утверждает общественную социалистическую собственность на средства производства. Если все прежние революции, ниспровергая старый государственный строй, заменяли у власти один эксплуататорский класс другим, то социалистическая революция приводит к власти рабочий класс, трудящиеся массы, утверждает полное и подлинное народовластие. Если все прежние революции меняли только формы духовного порабощения трудящихся масс, но не отменяли его, то социалистическая революция обогащает историю человечества опытом духовного раскрепощения трудящихся.

«Один из «секретов» господства угнетателей всегда состоял в том, что прямое физическое насилие над массами они дополняли насилием духовным, — говорил Л. И. Брежнев в докладе на Торжественном заседании, посвященном 60-летию Великого Октября. — Правящие классы всячески затрудняли трудящимся доступ к образованию и культуре, удерживали их в плену ложных идей и представлений».

Именно эту функцию — держать народные массы в плену ложных идей и представлений, воспитывать их в духе покорности эксплуататорам, гасить социальный протест — и выполняет в эксплуататорском обществе прежде всего религия.

Вот почему, осуществляя коренные преобразования в политической, экономической и духовной сферах жизни общества, социалистическая революция неизбежно затрагивает религию и церковь. Вот почему, творчески развивая марксистское учение в эпоху империализма и пролетарских революций, разрабатывая стратегию и тактику социалистической революции применительно к условиям России, В. И. Ленин касается и многих вопросов, относящихся к религии и церкви, к свободе совести, к теории и практике научного атеизма. Остановимся лишь на некоторых из этих основных проблем, рассмотрение которых позволит, по нашему мнению, наиболее наглядно показать, что они неизбежно вставали перед революцией в России, что их решение было неотъемлемой частью революционных социалистических преобразований.

РАЗВИТИЕ ЛЕНИНЫМ МАРКСИСТСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ О СУЩНОСТИ РЕЛИГИИ

В ряде своих работ Ленин развивает и углубляет марксистские положения о сущности религии как иллюзорного миропонимания, ее социальных корнях и несовместимости ее с наукой и материализмом. Обращение Ленина к этим вопросам, принципиальное научное решение которых содержалось в работах Маркса и Энгельса, не было случайным. Этого требовала обстановка, сложившаяся в начале XX столетия.

С одной стороны, наступала эпоха социальных бурь и потрясений. До предела обострились противоречия империализма. Несмотря на временные поражения, неуклонно нарастало революционное движение народных масс, особенно в России. Среди рабочего класса — наиболее революционной части общества, да и среди других слоев трудящихся все более активно формировалось революционное сознание, широко распространялись идеи марксизма, росла политическая сознательность народных масс. Происходила в связи с этим и ломка религиозного сознания, его разложение, нарастал кризис религии, распространялись идеи атеизма, росло движение за осуществление действительной свободы совести.

С другой стороны, этот период характеризовался наступлением реакции по всему фронту. Империалистическая буржуазия, правящие группировки, правительства буржуазных стран для подавления революционного движения использовали все средства, начиная от прямого полицейского, военного насилия и кончая насаждением идеализма и религии как в грубых, так и в подновленных и утонченных, модернизированных формах.

Пособниками буржуазии здесь выступали различные оппортунистические элементы. Ревизуя основополагающие принципы марксизма, они искаженно представляли народу роль религии и церкви в жизни человеческого общества, приукрашивали ее, пытались «подновить религию», найти общее между религией и наукой, религией и социализмом, соединить их и т. п. Ленин так характеризовал суть и цель всех и всяческих подобных манипуляций: «Полицейская религия уже недостаточна для оглупления масс, давайте нам религию более культурную, обновленную, более ловкую... — вот чего требует капитал от самодержавия»[1]. В контрреволюционных целях русской буржуазии, писал Ленин, «**понадобилось** оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию»[2].

Наиболее рельефно это проявилось в деятельности таких религиозно-философских течений, как «богоискательство» и «богостроительство». Напомним кратко основные идеи каждого из них, хотя, нужно сказать, что в своем существе, в стремлении сохранить и оживить в народе религию они совпадали.

Представители первого — богоискатели утверждали, что

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 435.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 90.

цель человеческой жизни — поиск бога, а назначение истории — реализовать божественное в человечестве, создать богочеловечество. Для этого необходимо «новое отношение» к заветам Христа, нужна новая «народная религия», способная стать потребностью человеческой души. Именно это и даст якобы действенную теорию освобождения людей от угнетения и эксплуатации.

Богостроители же стремились соединить научный социализм с религией, полагая, что в религиозной форме марксистское учение будет легче усваиваться народными массами. Если религию очистить от всего устаревшего и догматического и наполнить социалистическим содержанием, она будет служить делу социализма, считали они. Поэтому и марксизм пытались рассматривать как религиозно-философскую систему, говорили о необходимости расцвета социалистического религиозного сознания.

В этих условиях необходимо было не только защитить от искажений и извращений положения Маркса и Энгельса о религии, подтвердить их истинность, но и углубить их понимание на основе нового жизненного материала, творчески развить применительно к новым историческим условиям. Ленин в следующих словах выразил эту необходимость: «Интерес ко всему, что связано с религией, несомненно, охватил ныне широкие круги «общества» и проник в ряды интеллигенции, близкой к рабочему движению, а также в известные рабочие круги. Социал-демократия безусловно обязана выступить с изложением своего отношения к религии»[3].

Эту задачу Ленин решает блестяще. Называя изречение Маркса «религия есть опиум народа» краеугольным камнем миросозерцания марксизма в вопросе о религии, он подтверждает тем самым, что никакое подновление религии, никакая приодетая в самые нарядные костюмы идея боженьки не меняет ее сущности. Касаясь существа религии, Ленин называет ее одним из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством; духовной сивухой, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

Очень много внимания Ленин уделил критике попыток подновить, усовершенствовать религию или создать новую. Еще в 1909 году в статье «Об отношении рабочей партии к религии» он напомнил упрек Энгельса в адрес Л. Фейербаха за то, что тот боролся с религией не ради уничтожения ее, а ради подновления, сочинения новой, «возвышенной» религии. В статье «Л. Н. Толстой», анализируя, как в творениях этого великого художника выразились сила и слабость, мощь и ограниченность крестьянского массового движения, как этот страстный обличитель обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски образованному писателю, Ленин отметил, что у него «борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс»[4].

Особо беспощадную критику обрушил тогда Ленин на фидеизм махистов и «богостроителей» и не только за превратное толкование сути религии, попытки подновить ее и соединить с социализмом, но и за извращение новейших достижений науки, стремление поставить их на службу мракобесию и реакции. Напомним лишь некоторые моменты из переписки Ленина с Луначарским и Горьким.

В дополнении к письму Луначарскому от 16 апреля 1908 года Ленин замечает, что его дороги разошлись и, должно быть, надолго с проповедниками «соединения научного социализма с религией» да и со всеми махистами, а в письме Горькому, помеченному этой же датой, пишет: «...Разговаривать с людьми, пустившимися проповедовать соединение научного социализма с религией, я **не могу** и не буду»[5].

В другом письме Горькому (вторая половина ноября 1913 г.) Ленин обстоятельно разбивает богостроительский тезис о том, что бог есть комплекс выработанных человечеством идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм. Этот тезис, замечает Ленин, не только неверен, но и насквозь реакционен. Неверен потому, что бог не есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства, а является исторически и житейски комплексом идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом,— идей, закрепляющих эту придавленность и усыпляющих классовую борьбу.

Реакционен этот тезис по той причине, что подкрашивает поповски-крепостническую идею обуздания зоологического индивидуализма, который в действительности обуздала не идея бога, а первобытное стадо и первобытная коммуна. «Идея бога **всегда** усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи **всегда** идеей рабства (худшего, безысходного рабства),— писал Ленин. — Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда **связывала** угнетенные **классы** верой **в божественность** угнетателей»[6].

В статье «Об отношении рабочей партии к религии», а еще раньше в статье «Социализм и религия» Ленин раскрыл социальные корни религиозных заблуждений. Религия как один из видов духовного гнета с такой же неизбежностью порождается бессилием эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами, как она порождалась и бессилием дикаря в борьбе с природой. «Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии»[7].

ЛЕНИН О СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ РЕЛИГИИ В ЭКСПЛУАТАТОРСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Много внимания в предреволюционный период уделяет В. И. Ленин вопросам социальной роли религии и церкви в эксплуататорских обществах, их связи с государственным аппаратом, говорит о них как об испытанных веками средствах угнетения человека, унижения его человеческого достоинства. Естественно, что наиболее подробно эти вопросы рассматриваются на примере царской России, ибо грядущая революция, призванная осуществить коренную ломку в экономической, социальной и политической областях, разрушить старую государственную машину, должна была решить и эти проблемы.

Задача борьбы с религией, указывал Ленин, это историческая задача революционной буржуазии, и на Западе ее в значительной степени выполняла буржуазная демократия в эпоху своих революций или своих натисков на феодализм и средневековье. В России же решение этой задачи почти всецело ложилось на плечи рабочего класса. «Пролетариат есть вождь нашей буржуазно-демократической революции, — писал Ленин.— Его партия должна быть идейным вождем в борьбе со всяким средневековьем, а в том числе и со старой, казенной религией и со всеми попытками обновить ее или обосновать заново или по-иному и т. д.»[8].

В этих условиях одной из главных задач российской соци ал-демократической партии было разъяснение классовой роли церкви и духовенства. И эту задачу в ряде своих выступлений в периодической печати блестяще решает Ленин. Сошлемс на некоторые примеры.

Во всех работах Ленина, где он касается вопросов рели гии и церкви, независимо от того, связаны ли они с россий ской действительностью или с положением в других странах красной нитью проходит мысль о религии и церкви как одном из самых искусных и испытанных веками средств угнетени трудящихся. Например, в статье «Политическая агитация «классовая точка зрения», напечатанной в газете «Искра 1 февраля 1902 года, В. И. Ленин указывал, что благодаря гро мадному распространению в народных массах религиозных за блуждений спокойно спят все капиталисты, живущие трудо этих масс. Вполне естественно поэтому сочувствие эксплуата торов к религии, которая учит безропотно переносить земно ад ради небесного, будто бы, рая. Позднее, в 1915 году, в ста тье «Крах II Интернационала» он говорит, что все и всяки угнетающие классы нуждаются для охраны своего господст ва в двух социальных функциях: в функции палача и в фун ции попа.

Религия верно служила и служит интересам всех эксплуа таторов. Угнетенных она учит смирению и терпению, утеша их надеждой на небесную награду. Она приукрашивает фра зами о любви к ближнему политику угнетающих классов, те самым примиряя с их господством угнетенные классы. Го подствующие же классы она учит благотворительности в зем ной жизни, что служит им дешевым средством для оправд

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 415.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 21.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 155.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.
[8] Там же, стр. 425.

ния их эксплуататорского существования и сходной ценой за билеты на небесное благополучие. Религия обожествляет государство, учит, что оно дается людям по велению бога. Более того, православные священнослужители доказывали крестьянам, что даже крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом.

В ряде работ Ленин раскрывает господствующее положение русской православной церкви в царской России, экономическую и финансовую основу этого господства, союз православия и самодержавия.

В статье «Из экономической жизни России», опубликованной в «Искре» 15 февраля 1902 года, он называет представителей духовенства самыми крупными вкладчиками в государственные сберегательные кассы. Им принадлежало 137 тысяч сберегательных книжек на сумму 46 миллионов рублей. Приведя эти цифры, Ленин замечает, что попечение о спасении души паствы является, должно быть, делом небезвыгодным. В брошюре «К деревенской бедноте» он показывает русскую православную церковь как крупного землевладельца. Вместе с монастырями в ее распоряжении находилось около шести миллионов десятин. Ленин писал в связи с этим: попы проповедуют крестьянам нестяжание да воздержание, а сами набрали себе правдой и неправдой громадное количество земли.

Православная церковь на свое содержание получала крупные субсидии от государства, которые нередко превосходили ассигнования на народное образование.

Раскрывая союз православной церкви с самодержавием, Ленин показывает, как этот союз «полицейского государства» и «жандармов, крепостников в рясах» подавлял всякую свободу, в том числе и свободу совести. Полицейский произвол, инквизиторская травля христианским правительством и православными священнослужителями лиц, не принадлежащих к господствующей православной религии, привели к тому, замечает Ленин, что даже «камни возопияли», даже «предводители дворянства заговорили о свободе совести», «о необходимости признания законом **свободы совести**». Тогдашние законы против людей неправославной веры Ленин называл самыми несправедливыми, самыми насильственными, самыми позорными.

При этом вневероисповедное состояние как таковое в царской России вообще законом не допускалось. Все подданные обязаны были исповедовать какую-либо религию. Распространение атеистических взглядов запрещалось, а выступления против религии и церкви рассматривались как государственные преступления. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» были специальные статьи, по которым люди жестоко карались за «преступления против веры».

Чтобы ликвидировать подобное положение и обеспечить свободу совести, Ленин и выдвинул требование об отделении церкви от государства, о том, чтобы религия была по отношению к нему частным делом со всеми вытекающими из этого последствиями [9]. «Только выполнение до конца этих требований,— писал Ленин, — может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы... преследовавшие за веру или за неверие, насиловавшие совесть человека...» [10]

Как социалистическая революция решала эти вопросы, Ленин со свойственной ему краткостью и ясностью показал в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», опубликованной в газете «Правда» 18 октября 1921 года. Анализируя диалектику соотношения буржуазно-демократической и пролетарски-социалистической революций, когда первая перерастает во вторую, а вторая «мимоходом» решает вопросы первой, закрепляет ее дело, он указывает, что непосредственной и ближайшей задачей революции в России была буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса. Главнейшими пережитками феодализма в России являлись монархия, сословность, остатки крепостничества в землевладении и землепользовании, бесправие женщины, религия, угнетение и неравноправие национальностей.

Эти пережитки средневековья Ленин называет «авгиевыми конюшнями», которые социалистическая революция в России вычистила начисто. За 10 недель, начиная с 25 октября (7 ноября) 1917 года и до разгона «учредилки» (5 января 1918), социалистическая революция в этой области сделала в тысячу раз больше, чем за восемь месяцев своей власти после Февральской революции буржуазные демократы и либералы (кадеты) и мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры). «...Нет **ни одной** из самых передовых стран мира, где бы **эти** вопросы были решены **в буржуазно-демократическом** направлении **до конца**,— писал Ленин.— У нас они решены законодательством Октябрьской революции до конца. Мы с религией боролись и боремся по-настоящему. Мы дали **всем** нерусским национальностям **их собственные** республики или автономные области. У нас нет в России такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины...» [11].

РАЗРАБОТКА ЛЕНИНЫМ ОСНОВ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ В РЕЛИГИОЗНОМ ВОПРОСЕ

Для краткости остановимся лишь на некоторых, на наш взгляд, отправных, заглавных принципах этой политики. Ленин неоднократно подчеркивал, что философской основой мировоззрения партии коммунистов является диалектический материализм — материализм атеистический по своему характеру, решительно враждебный всякой религии. «Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса,— писал он.— Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований» [12]. Партия пролетариата требует, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но сама она не может относиться к религии как к частному делу. Поэтому идейную борьбу с религией Ленин считал азбукой марксизма, общепартийным, общепролетарским, а не частным делом.

Следовательно, основу основ политики партии в религиозном вопросе должна составлять повседневная идейная работа по преодолению религии как превратного миропонимания, уводящего народные массы от реальной действительности в мир иллюзий.

Но если идейная борьба с религией — азбука марксизма, если партия пролетариата должна постоянно вести работу по ее преодолению, то вполне естественно вставали вопросы: какое место она должна занимать во всей многообразной деятельности партии и какой должна быть по своему характеру и содержанию?

Отвечая на первый вопрос, Ленин прежде всего связывает преодоление религии с общими задачами борьбы за экономическое, политическое и духовное освобождение трудящихся, с борьбой, идущей на деле, которая воспитывает массы больше всего и лучше всего, с практикой классового движения, устраняющего социальные корни религии, с борьбой за социализм. «...Атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть **подчинена** ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых **масс** против эксплуататоров» [13]. Это ленинское требование подчинять атеистическую пропаганду практике коммунистического строительства раскрывает решающее значение революционного переустройства жизни для освобождения масс от религиозных взглядов и представлений.

Разъясняя отличие пролетарской постановки вопроса о религии от буржуазно-демократической, Ленин учил не выдвигать религиозный вопрос на первое место, отнюдь ему не принадлежащее, не преувеличивать борьбу с религией, не допускать раздробления действительно революционной, экономической и политической борьбы ради третьестепенных мнений, чтобы не отвлекать внимание масс от самых важных и коренных экономических и политических вопросов, ибо единство действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее, чем единство мнений пролетариев о рае на небе.

Это Ленин говорил в 1905 году. А вот та же мысль, высказанная в речи на первом Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 года, через год после Октябрьского вооруженного восстания: «Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении» [14]. Еще раз Ленин возвращается к этой мысли в 1921 году. В своем предложении к проекту постановления Пленума ЦК РКП(б) о пункте 13 Программы партии он требует переделать его в таком направлении, «чтобы не выпячивать вопроса о борьбе с религией...».

Обращаясь ко второму вопросу — как бороться с религией,— Ленин в статье «Социализм и религия» писал, что партия

[9] См.: В. А. Куроедов. Советское государство и церковь. М., 1976; а также статью «Важная сторона ленинского идейного наследия» в журнале «Наука и религия», 1978, № 4.

[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 144.

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 146.

[12] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 145.

[13] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.

[14] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 186.

требует полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религией чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом, то есть путем антирелигиозной, атеистической пропаганды. При этом Ленин неоднократно подчеркивал, что она должна быть научной, базироваться на прочном фундаменте диалектического материализма и использовать все достижения науки.

Вообще Ленин к атеистической работе подходил с самых широких позиций и в содержательном плане, и в плане разнообразия ее форм. Напомним классическое его положение из статьи «О значении воинствующего материализма» о том, что «массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.»[15].

В содержательном плане атеистическая пропаганда должна включать не только чисто антирелигиозные темы, но и широкий круг вопросов по различным отраслям наук — как естественных, так и общественных (и их мировоззренческое, атеистическое осмысление), по коммунистической морали, достижениям в развитии культуры, всестороннему просвещению трудящихся. Еще в 1902 году в статье «Политическая агитация и «классовая точка зрения» Ленин указывал, что чем шире будет распространяться просвещение, чем более религиозные предрассудки будут вытесняться социалистическим сознанием, тем ближе будет день победы пролетариата, избавляющий все угнетенные классы от их порабощения в современном обществе. Об этом говорил Ленин и позднее.

В пункте о религиозных отношениях «Проекта программы РКП(б)» в 1919 году он отметил, что партия стремится к фактическому освобождению трудящихся от религиозных предрассудков, организуя для этого самую широкую научно-просветительную работу и антирелигиозную пропаганду. Философскую же основу ее должно составлять формирование научного мировоззрения, материалистическое объяснение причин появления религии и ее сущности как иллюзорного, превратного миропонимания, критики попыток обновить ее, модернизировать, совместить с наукой.

Большое внимание Ленин придавал использованию разнообразных форм и средств атеистической работы, изданию научной литературы, созданию антирелигиозных кинофильмов, соответствующей деятельности театров, культурно-просветительных учреждений. В статье «О значении воинствующего материализма» он советовал переводить и издавать для массового распространения боевую атеистическую литературу конца XVIII века, особенно использовать те книги и брошюры, которые содержат конкретные факты о связи классовых интересов и классовых организаций современной буржуазии с религиозными организациями и религиозной пропагандой.

И еще на некоторые важные ленинские требования методологического порядка, предъявляемые к атеистической пропаганде, нужно обратить внимание. Все ленинские атеистические работы, отдельные высказывания по вопросам атеизма и религии пронизывает мысль о том, что атеистическая пропаганда, с одной стороны, должна быть партийной, воинствующей, непримиримой к любым формам проявления религиозной идеологии, с другой — гуманистичной по своему существу, тактичной и чуткой по своему характеру.

Марксистский атеизм гуманен по своему существу, ибо главная его цель состоит в том, чтобы освободить человека от духовного гнета религии, избавить от иллюзорных несбыточных надежд на несуществующий потусторонний мир, раскрепостить его силы для строительства счастливой земной жизни. Он гуманен также по своим формам и средствам работы. Ленин неоднократно напоминал, что необходимо относиться «с полным уважением ко всякому искреннему убеждению в делах веры», «необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма», «бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства».

Воинственность, непримиримость в атеистической работе должны проявляться не в запрещении религии в социалистическом обществе, не в административных мерах борьбы с религией, не в оскорблении чувств и достоинства верующего человека, а в организации последовательной, убедительной, действенной и доходчивой пропаганды, в терпеливом воспитании верующих, в длительной работе по расширению их кругозора, приобщению их ко всем богатствам культуры. Атеистическая пропаганда непримирима к религиозным идеям, но направлена не против верующего человека, а на освобождение его сознания от религиозных иллюзий.

Воинственность, непримиримость марксистского атеизма ничего общего не имеют и с шумливым провозглашением войны религии, с разжиганием религиозной вражды. В связи с этим Ленин напоминает справедливое обвинение Энгельсом бланкистов — беглецов Парижской коммуны за их шумливое провозглашение войны религии, которое Энгельс трактовал как глупость, как анархическую фразу, как лучший способ оживить интерес к религии и затруднить ее действительное отмирание, как неумение понять, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную практику, в состоянии на деле освободить трудящиеся массы от гнета религии.

О разжигании религиозной вражды заботится реакционная буржуазия, указывал Ленин. «Мы, во всяком случае, противопоставим ей спокойную, выдержанную и терпеливую, чуждую всякого разжигания второстепенных разногласий, проповедь пролетарской солидарности и научного миросозерцания»[16]. Это принципиальное марксистское положение нашло свое отражение в новой Конституции СССР. Основной Закон нашего общества не только гарантирует свободу совести, но и запрещает возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями.

В вопросе действительного преодоления религии необходимо стоять на позициях марксистской диалектики: «...Всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «революционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога...»[17].

Так ставил Ленин вопросы, связанные с отношением социалистической революции и партии пролетариата к религии и церкви, таковы основные принципы, на которых должны строиться эти отношения.

Основные ленинские принципы, о которых говорилось в статье, как и все другие, всегда являлись и являются программными положениями, на которых строится атеистическая работа. Коммунистическая партия никогда не рассматривала работу по преодолению религии как самоцель, а подчиняла ее основным задачам классовой борьбы за победу социалистической революции, практике строительства социализма и коммунизма, вовлечению в него верующих людей, ибо религиозные иллюзии эффективнее всего преодолеваются именно в процессе активного участия в коммунистическом строительстве.

В нашей стране велась и ведется большая научная работа по религиоведению, исследованию проблем теории и практики атеизма, по атеистическому воспитанию трудящихся. Эта работа — органическая часть коммунистического воспитания в целом, она играет важную роль в формировании научного мировоззрения у всех советских людей. Вся эта работа строится на основе сочетания идейной борьбы с религией с укреплением единства всех советских людей (безотносительно к тому, являются они убежденными атеистами или еще испытывают влияние религии) в строительстве коммунизма, во всей повседневной жизни советского общества, в решении задач внутренних и внешних, в борьбе за прочный мир и международную безопасность.

Развитому социализму присущи общность коренных интересов и целей людей, нерушимая идейно-политическая и социальная сплоченность трудящихся, их беззаветная преданность благородным идеалам Коммунистической партии. В преамбуле новой Конституции СССР записано, что в нашем обществе сложилось социально-политическое и идейное единство, ведущей силой которого выступает рабочий класс.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции начался период воплощения ленинских теоретических и программных положений по вопросам религии и церкви в партийных документах и государственных актах, их претворения в жизнь, в практику социалистического строительства. Однако рассмотреть это целесообразно в отдельной статье.

---

[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 26.
[16] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 147.
[17] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 421.

Набережная Ленина.

ЗАБОТЫ АТЕИСТОВ СЕВЕРА

Фотохроника ТАСС.

Кузнечиха — район Архангельска, где живут лесохимики.

Ю. САПОЖНИКОВ, секретарь Архангельского обкома КПСС

Незадолго до Октябрьской революции один из «отцов» Архангельской губернии констатировал: «Экономическая и промышленная жизнь этого обширного края находится в полном застое и как бы в летаргическом сне». Зато оживленно было на путях к северным монастырям — Соловецкому, Сурскому, Антониево-Сийскому и другим. На территории губернии действовали 816 церквей и часовен, 275 церковноприходских школ.

Коренные изменения в экономике и культуре Европейского Севера принесла только Советская власть. Сейчас Архангельская область — один из самых северных регионов страны — живет в напряженном трудовом ритме. Производственные коллективы борются за максимальное использование богатейших природных ресурсов. Все более осваивается Северный морской путь. В соответствии с программой развития сельского хозяйства Нечерноземья сооружаются животноводческие комплексы, мелиорируется пойма Северной Двины. На родине великого русского ученого-энциклопедиста М. В. Ломоносова создан и действует важный центр научных исследований Севера. В крае, некогда почти поголовно неграмотном, сейчас трудятся более 126 тысяч специалистов с высшим и средним образованием.

Коммунисты области понимают, что успех решения важных экономических и социальных задач зависит от идейно-нравственного уровня людей. Чтобы успешно трудиться в нелегких северных условиях, без страха и сомнений вступать в единоборство со стихией, надо обладать крепкой волей, иметь прочную мировоззренческую закалку. Атеистическая работа в области ведется с учетом этих особенностей.

В настоящее время наша область, как и ее соседи — Мурманская область, Карельская и Коми автономные республики, отличается сравнительно низким уровнем религиозности. Число крещений, например, за последние 15 лет уменьшилось в области в четыре с половиной раза (всего 2,6 процента новорожденных); церковные венчания очень редки; число прихожан в действующих церквах постоянно сокращается; престольные праздники отмечают сейчас лишь в немногих деревнях. Социологические исследования показывают, что среди работающих верующие составляют около шести процентов (от общего числа обследованных). При этом в их сознании идет процесс истончения религиозности. Большинство верующих только изредка посещают церковь. Таким образом, основная масса трудящихся нашей области ведет атеистический образ жизни, свободный от непосредственного влияния религии.

К сожалению, пока еще результативность атеистической работы в северных районах не стала предметом обстоятельного исследования. А оно необходимо как для выработки наиболее эффективных путей распространения атеизма, так и для определения специфических методов атеистического воспитания в своеобразных условиях Севера.

В прошлом жители северных окраин России всегда отличались свободомыслием. История хранит немало ярких страниц борьбы поморов с церковным засильем. Коренной житель Поморья — ры-

Памятник Петру I.

бак, мореплаватель, земледелец — исполнял по традиции религиозные обряды, но всегда верил прежде всего в свои собственные силы, надеялся на товарищескую взаимопомощь, смело вступал в единоборство с силами природы, хотя действия этих сил были ему не всегда понятны.

Антиклерикальные настроения обусловливались также тем, что на Севере монастыри, заменяя помещиков, исполняли роль крепостных эксплуататоров крестьян, служили самодержавию в качестве тюрем. Все это вызывало протест у народа, дискредитировало в его глазах церковь.

Необходимо учитывать также и обстоятельство другого рода — высокий уровень миграции населения на Севере — внутриобластной и межобластной. В границах нынешней нашей области в 1926 году проживало 852 тысячи человек, а сейчас почти 1,5 миллиона. Если в 1920 году в городах жило 11,3 процента населения области, то сейчас — 72 процента. В последние десятилетия появились новые социалистические города — Северодвинск, Няндома, Плесецк, Новодвинск и другие. Переезд в город или рабочий поселок, вступление в коллектив индустриальных рабочих оказывают существенное влияние на психологию человека, помогают ему приобщиться к культуре и, следовательно, преодолевать суеверия и отсталые привычки. В таких случаях слабеет и религиозное влияние старших в семье, оказывают свое воздействие новые обряды, традиции.

Эти факторы создали благоприятный фон для атеистической работы, на котором развернулась целеустремленная повседневная работа идеологических, культурно-просветительных учреждений под руководством партийных организаций.

Сейчас в системе политического просвещения — партийного, комсомольского, профсоюзного, в лекционной пропаганде областного общества «Знание», в деятельности библиотек, музеев, клубов значительное внимание обращается на формирование научного мировоззрения. Только за последние семь лет более 130 тысяч человек получили систематические знания основ марксизма-ленинизма. Свыше 17 тысяч выпускников вузов и университета марксизма-ленинизма прошли мировоззренческую подготовку в объеме высшего звена. В партийных организациях области активно работают 38 тысяч политинформаторов, агитаторов, докладчиков. Лекторы общества «Знание» ежегодно читают около 170 тысяч лекций.

Успешно используется такая популярная форма лекционной пропаганды, как ежегодные «Ломоносовские чтения». Жизнь и деятельность нашего великого земляка дают богатейший материал для атеистической пропаганды. Как известно, ученый-энциклопедист был последовательным сторонником естественнонаучного материализма, вел полемику с духовенством, четко отделял науку от религии. Ежегодно во время «Ломоносовских чтений» известные ученые, преподаватели и специалисты читают до тысячи лекций по современным проблемам науки. Наиболее интересные из них проводятся в областном драматическом театре, транслируются по областному телевидению. Большую помощь атеистам оказали лекции академика Б. А. Рыбакова «Ломоносов и историческая наука», академика С. Е. Северина «Достижения современной биохимии», министра культуры РСФСР Ю. С. Мелентьева «Духовная культура развитого социализма», летчика-космонавта А. А. Леонова «Успехи советской космонавтики», профессора Н. А. Фигуровского «Материалистическое содержание научной деятельности М. В. Ломоносова».

Способствуют формированию материалистического мировоззрения и другие формы идеологической работы — политическое информирование, устная и наглядная агитация, деятельность культурно-просветительных учреждений, печать, радио, телевидение.

За последнее десятилетие книжные фонды массовых библиотек увеличились на 40 процентов, продажа книг — в два с лишним раза. Удвоилось число телезрителей. Вместе с тем северяне — по-прежнему активные посетители кинотеатров, концертов.

Русский Север, в частности Архангельская область, является средоточием бесценных сокровищ древнерусского искусства — деревянного зодчества и народного костюма, живописи и скульптуры, фольклора и народных обрядов. Свободомыслие, характерное для жителей этого края, известная автономия от ортодоксальной церкви содействовали более смелому и открытому проявлению в искусстве местных мастеров всего подлинно народного, а следовательно, по сути своей антирелигиозного. Интересная, содержательная экспозиция по истории религии на Севере создана в Краеведческом музее. В Музее изобразительных искусств хранятся 2700 произведений живописи и культуры XIV—XIX веков. Под Архангельском на территории более 70 гектаров создается Музей деревянного зодчества — один из самых значительных в стране. Ширится фронт реставрационных работ на Соловецких островах.

Все эти экспозиции содержат богатый материал для атеистической пропаганды, дают широкую возможность для правильной интерпретации культового искусства, позволяют точно разграничивать религиозную форму и народное художественное содержание творчества. Роль музеев в пропаганде атеизма безусловно будет и впредь возрастать в еще большей степени.

Атеисты области стремятся всемерно использовать лучшие народные традиции при внедрении советских гражданских обрядов. В начале 60-х годов был разработан торжественный ритуал бракосочетания, который сейчас проводится повсеместно. Во многих городах и районах области стали традиционными массовые праздники: Проводы русской зимы, Русская березка, Праздник урожая, Союза Серпа и Молота. В Вельском районе, например, с 1955 года проводится ежегодно летний Праздник песни, музыки и танца. Перед жителями района выступают самодеятельные и профессиональные артисты. Здесь устраивают спортивные состязания, массовые гулянья. На празднике, куда съезжаются целыми семьями и трудовыми коллективами, чествуют передовиков производства. В 1977 году тут была проведена декада искусства и литературы. Знаменательно, что

по мере роста популярности этого нового праздника угасал интерес к кириллову дню, который отмечался примерно в те же дни и в прошлом был особо почитаемым. Сегодня о кирилловом дне не вспоминают даже пожилые люди.

Не менее важное значение придается у нас дальнейшему внедрению гражданских обрядов, совершенствованию формы и углублению содержания общегосударственных и трудовых праздников. Работников общественных организаций и культурно-просветительных учреждений справедливо упрекали, например, в однообразии программ трудовых праздников, которые порой проводились без учета специфики профессий и поэтому проходили недостаточно интересно. Привлечение к разработке сценариев опытных специалистов сразу дало положительный результат. Так, к Дню работника сельского хозяйства стали приурочивать выставки плодов, к Дню работника леса — конкурсы на профессиональное мастерство лесорубов и лесопильщиков. В День работника морского и речного флота организуются массовые гулянья на набережной и посещения судов.

Большой популярностью в области пользуются ритуалы, посвященные памяти героев Великой Отечественной войны. Имена более 15 тысяч земляков, погибших за Родину, занесены на мемориальные доски и памятники во многих населенных пунктах. В школах, клубах, музеях хранятся «Книги памяти» со списками не вернувшихся с войны. Ежегодно в День Победы сотни тысяч человек принимают участие в тщательно разработанных торжественно-траурных церемониях на воинских кладбищах, у памятников героям-северянам. Хоры поют реквием, после традиционного «Слова о Победе» у строя воинов проходит перекличка героев, навечно занесенных в списки частей. Затем проводятся марш-парады духовых оркестров, шествия ветеранов Отечественной войны, концерты патриотической песни в парках и на площадях, гулянья молодежи. Эмоциональная насыщенность в сочетании с глубоким идейным содержанием определяют огромное воспитательное значение таких мероприятий.

Анализ работы по атеистическому воспитанию в области позволяет говорить о ее эффективности. Органическое включение ее в общий комплекс коммунистического воспитания, систематическая мировоззренческая пропаганда наряду с коренными преобразованиями социальных отношений — вот главные слагаемые успеха. Однако мы не вправе успокаиваться на достигнутом и сокращать тут свои усилия. Ведь мировоззренческая закалка — один из важнейших факторов в формировании личности эпохи коммунизма. К тому же нельзя забывать, что до сих пор некоторая часть населения (хотя и незначительная) все еще находится под влиянием религии, совершает церковные обряды.

Прежде всего это относится к обряду церковных похорон. Одна из причин этого — явное невнимание общественных организаций к гражданскому погребальному обряду. Недавно организаторы атеистического воспитания подняли вопрос о необходимости создания гражданского ритуала памяти умерших. Думается, это своевременно. Надо сделать традиционным день памяти тех, кто активно участвовал в социалистическом строительстве, примерно трудился. Участие в таком ритуале, приведение в порядок кладбищ несомненно окажет огромное воспитательное воздействие на молодое поколение. Мы уверены, что наших атеистов, актив местных Советов в этом поддержат самые широкие слои населения.

Низкий общий уровень религиозности среди основных групп населения области, традиционный весьма слабый интерес к церковной обрядности, сильные атеистические традиции позволяют нам сегодня решать более сложные задачи в этой сфере. Партийные организации области ставят перед собой цель — формировать у всех трудящихся целостное научное мировоззрение, глубокую атеистическую убежденность. Тут для пропагандистов научного мировоззрения открыто широкое поле деятельности.

Поучительный обмен мнениями об особенностях атеистической работы в специфических условиях Европейского Севера состоялся на зональной научно-практической конференции, созванной правлением общества «Знание» РСФСР в сентябре 1977 года в Архангельске. Ее участники говорили о необходимости дифференцированного подхода в атеистической пропаганде, точного учета специфики различных регионов страны, о важности расширения и углубления в этой сфере конкретно-социологических исследований. Полная и точная картина религиозности поможет сделать атеистическую пропаганду более целеустремленной и конкретной. Конференция вместе с тем подчеркнула важность естественнонаучной пропаганды, борьбы с поверьями и суевериями, связанными со специфическими условиями жизни на Севере. Доклады ученых из Москвы, Ленинграда, Архангельска, сообщения о ценном опыте атеистов областей и автономных республик Севера Европейской части РСФСР, Белоруссии, Латвии и Литвы помогли нам выработать меры по дальнейшему повышению эффективности атеистической пропаганды.

Для нас наиболее важно обеспечить комплексный подход к атеистическому воспитанию трудящихся, то есть добиться органического сочетания всех видов идеологического воздействия для формирования материалистического мировоззрения и коммунистической нравственности, преодоления остатков религиозности, внедрения гражданской обрядности, утверждения советского образа жизни.

Партийные комитеты у нас уже наметили пути более эффективного использования политического просвещения и лекционной пропаганды для распространения знаний о материалистической картине Мира, разоблачения клерикальной пропаганды. Около 400 тысяч трудящихся изучают материалы XXV съезда КПСС, Конституцию СССР. Эта учеба дает богатейшие возможности для действительно научного анализа социально-экономических преобразований внутри страны и событий за рубежом, развенчания идеалистических концепций о сущности движущих сил общественного прогресса.

Научно-методический совет по философии и научному атеизму областной организации общества «Знание» принимает меры для расширения сети народных университетов атеизма, циклов лекций. Хорошим подспорьем в пропаганде естественнонаучных знаний станут планетарии, которые планируется создать в Архангельске, Северодвинске и Котласе.

Особая наша забота — об атеистическом воспитании подрастающего поколения. Высокий профессиональный уровень педагогических коллективов, хорошая подготовленность комсомольского актива, участие родительской общественности позволяют значительно усилить атеистическое влияние на семьи школьников, в первую очередь на религиозные. Действуя тактично, без какого-либо администрирования, педагоги совместно с опытными пропагандистами убеждают верующих членов семьи не оказывать давления на детей, показывают всю пагубность мировоззренческого раздвоения сознания ребенка. В программы всех родительских лекториев при школах и дошкольных учреждениях области обязательно включаются лекции по атеистическому воспитанию детей.

Новый стимул к повышению эффективности работы по коммунистическому воспитанию населения дает новая Конституция СССР. Усилия наших пропагандистов и агитаторов сейчас направлены на тщательное разъяснение этого важнейшего политического и правового документа всем трудящимся, в том числе верующим. При этом особое внимание обращается на необходимость точного соблюдения конституционных положений и законодательства о религиозных культах. В дальнейшей активизации атеистического воспитания видят атеисты области свой вклад в осуществление законодательно закрепленных в Конституции СССР широких функций развитого социалистического общества по всестороннему развитию личности.

ОПИРАЯСЬ НА ТРАДИЦИИ СВОБОДОМЫСЛИЯ

В. ЗАЙЦЕВ,
кандидат
философских наук

Процесс преодоления религии в различных районах страны протекает неодинаково, и даже внутри одного региона уровень религиозности различных слоев населения различен. По данным анкетного опроса, проводившегося в 1972 году в Архангельске и области, верующих среди городских жителей оказалось четыре процента, а среди сельских — 10,7 процента (от общего числа обследованных). Об угасании религиозности свидетельствует и сокращение религиозной обрядности.

В ходе конкретно-социологических исследований выявилось, что в сознании современных верующих религиозные идеи (представления о боге, идея бессмертия души и т. д.) подверглись серьезной деформации. Изменяется проявление религиозности и в культовых действиях. Ежедневная молитва, как известно,— один из главных признаков веры в бога. Однако сегодня значительное большинство верующих ежедневно не молятся, что свидетельствует о серьезном ослаблении религиозных убеждений. Угасанием религиозности можно объяснить и крайнюю малочисленность немногих действующих неправославных общин, члены которых в основном пожилые люди. Так, в составе общины евангельских христиан-баптистов в Архангельске подавляющее большинство — женщины старше 60 лет. Интенсивность религиозной жизни этой общины весьма невелика.

Какими же факторами можно объяснить, что на Беломорском Севере, в Архангельской области, процесс преодоления религии протекает несколько быстрее, чем в других регионах страны? Этому способствовали специфические факторы исторического, социально-экономического и идеологического характера.

Крестьяне и ремесленники, которые поселились на Севере еще в X веке, были выходцами из Новгородской земли. Их языческое мировоззрение находило подкрепление в языческих же верованиях местного населения, культуру которого они ассимилировали. Новый приток русского населения на Север в XI—XII веках из Новгородской и Ростовской земель (здесь язычество также оказывало сопротивление христианству вплоть до XII в.) внес в мировоззрение и психологию северян значительную струю антихристианских взглядов и настроений.

На Севере не сложились крепостнические отношения. Его население не испытало татаро-монгольского ига. Поэтому в сознании северян не создалась такая психологическая основа для восприятия христианства, как у отчаявшихся в своих силах крепостных. А суровая природа вырабатывала в характере людей мужество и коллективизм. Естественно, что христианская проповедь покорности и смирения не имела здесь подходящей почвы.

Другим не менее важным фактором является историческая традиция народного антиклерикализма. Антиклерикальные настроения возникали во всех уголках царской России, но на Севере они имели особую природу. Здесь в силу особых исторических условий единственными феодалами оказались монастыри и церковные иерархи. Так, на Беломорском Севере (речь идет о территории, которую занимает современная Архангельская область) к концу XVII века было более 50 монастырей, до второй половины XVIII века находились владения новгородского, а затем московского митрополитов, московского и всея Руси патриарха, местного архангельского и холмогорского архиепископа. Церковь захватывала самые лучшие земли, а в крае вообще пригодных для обработки земель было не так уж много. Между монастырями и церковными иерархами, с одной стороны, и северным крестьянством, с другой, на протяжении веков велась борьба, достигавшая порой большой остроты. В ходе ее в сознании трудящихся и складывались прочные антиклерикальные традиции, что препятствовало укреплению христианской идеологии.

Развитию народного антиклерикализма способствовала и инквизиторская деятельность северных монастырей. В страшных застенках Соловецкого монастыря по политическим и религиозным мотивам были замучены сотни людей. Такие же функции выполняли и Антониево-Сийский, Николаевский Корельский, Кожеозерский монастыри. Монахи Каргопольского монастыря ослепили, а затем утопили в проруби, в Онеге, вождя крестьянского восстания Ивана Болотникова.

В то же время следует иметь в виду, что сознание трудящихся края в дореволюционный период было отнюдь не безрелигиозным, а тем более не атеистическим. Ведь северянин зависел от стихий северной природы, и это способствовало сохранению в его мировоззрении дохристианских, языческих, религиозных представлений. На Севере были широко распространены самые различные суеверия. Жители Архангельской губернии верили в лешего, домового, водяного, широко использовали заклинания и заговоры. Существовала целая система таких заклинаний и заговоров, бытовала масса различных суеверных примет, связанных со всевозможными сторонами жизни и деятельности северян.

Конечно, христианские идеи, хотя и сравнительно замедленно, проникали в сознание народных масс. Но под влиянием антиклерикальных традиций и языческого мировоззрения христианство тут приобретало синкретический характер, включало в себя большую долю языческих элементов. Кроме того, на Севере существовало, начиная с конца XVII века и вплоть до Октябрьской социалистической революции, старообрядчество беспоповского

толка. Русская православная церковь вела с ним самую решительную борьбу как административного, так и идеологического характера. Одновременно православные иерархи активно выступали против язычества. Однако борьба эта приносила весьма противоречивые результаты: не только в какой-то мере ослабляла влияние старообрядческой идеологии и способствовала разрушению языческих представлений, но и одновременно подрывала веру в бога вообще. К этому надо добавить и борьбу между разными толками старообрядчества.

Все это порождало неожиданный и нежелательный для противоборствующих сторон результат — массовый религиозный индифферентизм. Еще до революции православные священнослужители на Севере не раз отмечали «холодность прихожан к вере и церкви божьей». И именно этот индифферентизм стал одним из важных факторов, способствовавших впоследствии массовому разрыву трудящихся с церковью.

С развитием революционного движения в конце XIX века и усилением репрессий царизма против рабочих организаций Беломорский Север становится местом политической ссылки. В 90-х годах прошлого века в архангельской ссылке находились П. А. Моисеенко, В. К. Курнатовский, Н. Е. Федосеев, А. П. Скляренко, В. А. Шелгунов, А. К. Петров и другие борцы против царизма. Они несли в массы трудящихся Севера революционные идеи марксизма. К 1905 году число ссыльных революционеров в Архангельской губернии достигло двух с половиной тысяч.

Под влиянием революционной борьбы и марксистской идеологии среди трудящихся Севера начинают распространяться атеистические взгляды. Особенно активно происходил этот процесс в годы первой русской революции, когда подавляющее большинство православного духовенства и определенная часть фанатично настроенных верующих (в основном представителей кулачества) выступили в защиту самодержавия.

Таковы исторические предпосылки, подготовившие почву для сравнительно быстрого развития массового атеизма на Беломорском Севере. Однако это только предпосылки. Коренные изменения в экономической, социальной и духовной жизни Севера произошли только в годы Советской власти.

К активному участию в социалистическом строительстве приобщились самые широкие массы трудящихся. Экономические, социально-политические и культурные преобразования создали благоприятные условия для освобождения сознания людей от влияния религии. Под воздействием объективных факторов и целенаправленной атеистической воспитательной работы процесс преодоления религиозности населения шел как бы двумя параллельными путями — сознание трудящихся освобождалось от христианских идей и представлений и от более древних суеверий и предрассудков. При этом процесс освобождения от языческих пережитков шел несколько медленнее. Это объясняется прежде всего тем, что они имели более глубокие исторические корни. Темпы угасания религиозности и суеверий, как известно, зависят от повышения образовательного и культурного уровня населения, а также от изменения характера труда и быта трудящихся. «Опыт революции,— указывал В. И. Ленин,— подтверждает, что смена форм правления — дело нетрудное, что устранение господствующего класса помещиков и капиталистов — вещь возможная в короткий срок, при удачном развитии революции даже в несколько недель, но переделка коренных условий экономической жизни, борьба с теми привычками, которые столетиями и тысячелетиями впитывались в каждого мелкого хозяина, это — дело, которое, при условии полного свержения эксплуатирующих классов, требует долгих лет настойчивой организационной работы» *.

Социалистические преобразования, осуществленные за годы Советской власти, выдвинули Беломорский Север в число развитых экономических районов Советского Союза. Изменился характер труда. Он стал механизированным, требующим профессиональной подготовки и высокого общеобразовательного уровня. Уже в 1935 году неграмотность в Северном крае была ликвидирована почти полностью. В настоящее время подавляющее большинство населения области имеет неполное среднее, среднее, незаконченное высшее и высшее образование. Коренным образом изменился быт людей. Все это объективно способствует преодолению религиозных пережитков.

Как показали исследования, несколько медленнее, чем отмирание идеи бога и веры в существование души, уходит вера в судьбу, предопределение. Тесно связана с этими предрассудками вера в гадания и приметы, сохранившаяся от язычества. Таким образом, хотя основная масса северян в целом и свободна от влияния религии, в сознании определенной части неверующих остаются отдельные элементы религиозных пережитков, еще не сложилось последовательное материалистическое мировоззрение.

Атеисты Севера за многие годы работы накопили значительный опыт воспитания трудящихся. Сейчас они ведут работу по двум основным направлениям. Одно из них — помочь верующим освободиться от религиозных заблуждений. Другое состоит в том, чтобы поднять уровень мировоззрения всех трудящихся до последовательно научного, выработать твердые атеистические убеждения. При этом в наших условиях второе направление приобретает все большее значение.

г. Архангельск

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 121.

В СССР памятники служат целям развития науки, народного образования и культуры, формирования высокого чувства советского патриотизма, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания трудящихся.

Закон об охране и использовании памятников истории и культуры.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ДИВО

П. ГАВРИЛОВ

Интенсивное развитие народного хозяйства Европейского Севера и, в частности, Архангельской области сопровождается ростом новых городов, укрупнением сельских поселений. Переезжают люди из других районов страны, перебираются в город сельские жители. И пустеют когда-то милые, звонкие деревеньки на берегах рек и озер, остаются беспризорными дома — нередко ценные творения народного зодчества.

В 1974 году неподалеку от местечка Малые Корелы для экскурсантов открылись ворота Архангельского музея деревянного зодчества.

Архангельская область. Ее северные границы пролегли по водам студеных морей, от Белого до Карского. Полярные острова Вайгач и Колгуев, Земля Франца-Иосифа и Новая Земля ледяными алмазами сверкают в ее короне. Полноводные реки — Онега и Северная Двина, Мезень да Печора — пересекают ее.

Неприветливый и суровый к чужим, северный край не допустил к себе ни орд татарских, ни иных иноземных захватчиков. Зато укрывал и спасал тех, кто бежал от ига монгольских завоевателей, от княжеского произвола и крепостной неволи. Лесная глушь и Поморье приняли немалое число и несогласных с патриархом Никоном. Сюда отправлялись люди не всякие, а духом сильные и непокорные.

Выходили пришельцы к рекам, двигались по берегам или спускались по течению. Искали место, где деревню заложить. Чтобы жить — удобно и красиво. Чтобы сухо и высоко, далеко окрест видно было и реку в обе стороны, и берег другой, где луга заливные. И чтобы солнышко откуда надо светило, зори и закаты смотрелись, да и холодные ветры не доставали бы.

И начиналась нелегкая крестьянская работа. Зимой валили сообща кондовый лес. Сообща рубили и собирали избы. Плотничали только топором — в перерубленное бревно вода с торца не пойдет, а после пилы тянет оно воду, как сухой гриб. Полы в избах норовили класть из досок аршинной, а то и более ширины. Так поднимались северные дома. Под одной крышей пяти-, а то и шестистенная изба, хлев для скота с поветью-сеновалом над ним, со взвозом. Чтобы возы с сеном прямо туда и завозить. Устанавливался этот дом-корабль лицом к реке и солнцу. А с гребня его крыши рвался в простор вырубленный из того же дерева конь-птица.

Для зерна, для всякого добра домашнего ставили неподалеку амбары. Где прямо на землю, а где — на вкопанные в нее столбики - ножки. На берегу, у самой воды, рубили избушечки-бани. А потом на высоком месте и мельница-ветрянка разлапистыми крыльями начинала махать.

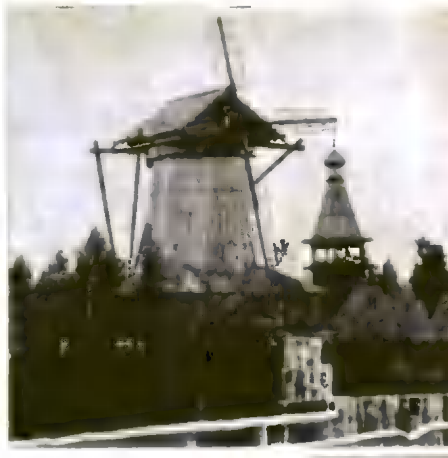
Почти все на Севере строилось и ладилось из дерева. От обеденной ложки и чашки до детской зыбки, от моста до морского карбаса. Дерево здесь веками верно служило человеку с рождения до самой смерти. Не потому ли и до сих пор смолистый аромат и янтарный оттенок бревенчатых стен северного жилища таким неизъяснимым теплом и уютом наполняют человеческую душу...

И сегодня, плывя вдоль берега в лодке, увидишь вдруг за поворотом, что отошел в сторону голубой лес и открыл взору раскинувшуюся на угоре деревеньку. Все ее постройки чудесно вписаны в окружающую местность. Все дышит поэзией.

У самой воды, между выдернутыми на берег лодками, притулились почерневшие от дыма баньки. На высоком берегу, будто всматриваясь в вас глазами-окошками, расположились дома. Возле них, замкнутые на кованые замки, насупились слепые амбарушки. Подальше, на небольшом погосте, словно охраняя его, поднялась высокая группа поседевших елей, а среди них — маленькая и простая, как амбарчик, с похожим на спелую сосновую шишку куполом, часовенка.

Неширокая шоссейная дорога, серой лентой пролегшая по холмистой лесной местности Придвинья, ведет нас в Малые Корелы. На одной возвышенности, откуда открывался вид на неохватную даль лесов и разливы Северной Двины, мы остановились.

Спешили по небу стада весенних кучевых облаков. Были они густы, и солнце, как ни старалось, не могло просунуть между ними ни одного своего лучика. Перед глазами расстилалась неяркая, как акварелью нарисованная, северная панорама. В километре или более отсюда, на поросшей смешанным лесом и надвое рассеченной оврагом территории просматривался поселок. Однако из-за дальности расстояния и неверного, подернутого фиолетовой дымкой, вечернего света, подробности разобрать было невозможно.

Общий вид Архангельского музея деревянного зодчества.

Вверху слева:

Церковь из деревни Кушерека на Белом море.

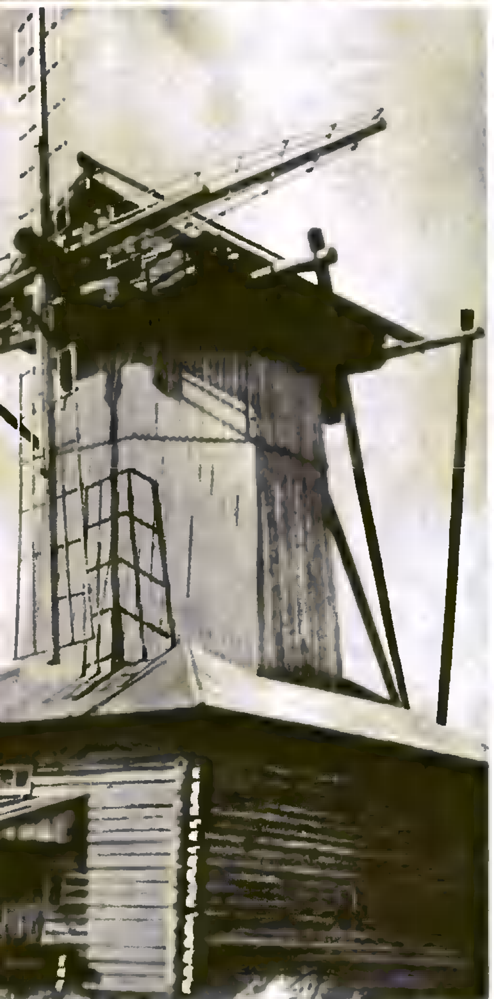
Мельница.

Фото П. Гаврилова.

Пинежские амбары на столбах.

Часовня.

Онежский дом.

Но как только между облаков образовался разрыв и с неба хлынул поток солнечных лучей, произошло чудесное превращение — глазам открылось великолепное зрелище. Дома — скромные, небольшие и огромные, как морской корабль. Возле них и между ними — крошечные домишки, амбары и баньки. В разных местах этого необыкновенного поселения стояли крылатые мельницы.

Но почему-то не было видно какого-либо движения. И тут, словно для утверждения реальности, послышались с той стороны размеренные, редкие удары тяжелого колокола. Его сильные тягучие звуки накатывались почти зримой и осязаемой волной и потом, неспешно уходя, где-то очень далеко замирали...

Это и был музей - заповедник северного деревянного зодчества. Территория Архангельской области разделена на несколько зон, и площадь заповедника соответственно — на участки, представляющие каждую из них: Каргопольско-Онежский, Северодвинский, Пинежский, Мезенский, Приморский. Ландшафт участка сколько возможно выбран в соответствии с его географическим прототипом. Так же подобраны и предметы материальной культуры.

Преодолевая таежное бездорожье, едут, плывут, а то и летят по воздуху в Малые Корелы старинные дома и амбары, бани и овины, ветряные мельницы и промысловые постройки. Сюда перевозят и наиболее интересные творения культового зодчества — часовни, церкви, колокольни. Позднейшие переделки исказили облик многих из них, поэтому опытные реставраторы по архивным документам возвращают им первоначальный вид.

Древнее поселение, отслужив верой и правдой своим прежним хозяевам и давно пережив их, встречает теперь «племя младое, незнакомое», рассказывает о Северной Руси, собравшей и сохранившей у себя многие достижения тысячелетней культуры русского народа.

Север до настоящего времени поражает наше воображение шедеврами зодчества, здесь и сейчас процветают древние ремес-

ла: чернение по серебру и золоту, плетение кружев, резьба по кости и бересте, финифть. В бессмертных памятниках народного эпоса — былинах и суровых старообрядческих песнях, «дольных» напевах и байках, песнях-скоморошинах и плачах — продолжает жить далекое прошлое. Мировым признанием пользуется рожденный в песенных недрах этой стороны Северный академический русский народный хор.

Знакомство с музеем начинается сразу же, как выйдешь из автобуса на остановке «Малые Корелы». Взору откроются две древние шатровые башенки с плетеными «крепостными» воротами. Влево и вправо от них уходит оригинальная деревянная ограда.

Каргопольско-Онежский регион. Над лесом поднялись пятиглавая церковь и шатровая колокольня, построенные еще в 1669 году. Обе из деревни Кушерека, что на Белом море. Кругом — крестьянские усадьбы. Повернувшись окнами к дороге, стоят большие онежские дома с замысловатыми полотенцами, резными причелинами и карнизами.

За домами среди деревьев прячутся две часовни. Как сказочные избушки на курьих ножках, стоят ветряные мельницы. Поодаль устремилась к небу могучая шатровая колокольня XVI века из северодвинской деревни Кулига Дракованово.

В Малых Корелах хранителем и экскурсоводом работает Мария Степановна Батманова. Родом она с Каргопольщины, детство ее прошло едва ли не в одном из тех домов, что стоят теперь здесь. Ведя экскурсию, она расскажет, как в старое время сеяли на Севере лен, как женщины убирали его, покажет, каким тяжким трудом превращался он в пряжу и как на домашних станках ткали в зимнюю пору полотно — на рубахи, на сарафаны, на полотенца. Покажет и орудия, и приспособления, и сами изделия из льна. Даже делянку возле дома, которую засевают здесь голубоглазым льном.

Перейдя по мосту через живописный овраг-речку, оказываемся в зоне остальных регионов. Они занимают большую лесную площадь, и каждый имеет свои особенности и свои промысловые постройки. Недалеко от Пинеги в прежние века существовали солеварни. На Мезени занимались изготовлением глиняной посуды. В иных местах сколачивали сани, в других — делали бочки для рыбы, карбаса шили. Поморье характерно исконным промыслом рыбы и морского зверя.

Трудно не только рассказать, но даже перечислить все значительное, что размещается на территории селений. Здесь много своеобразных построек: оригинальные пинежские амбары на столбах, промысловые избушки, мельницы-столбянки. Интересны два архитектурных сооружения древних мастеров: оригинальная клетская часовня, построенная около 1700 года пинежскими крестьянами вопреки запрещению церковных властей, и древний шатровый храм из Верхнетоемского района, созданный в 1672 году.

Бригадир плотников, ведущих в Малых Корелах реставрационные работы, Александр Николаевич Кудреватых так отозвался о мастерстве своих далеких предшественников:

— Когда восстанавливаешь ту или иную постройку, попадаются такие сооружения, что, даже имея чертеж, долго ломаешь голову, как ее изготовить заново. И диву даешься, как это неграмотные крестьяне могли такое придумать и построить...

Действительно, испытываешь чувство благоговения перед великим трудолюбием, мастерством и талантом тех, кто, не зная грамоты и не имея иного инструмента, кроме топора, создавал замечательные творения.

Побывав в этом музее, увидев организованные здесь фольклорные праздники, мы, восприемники культуры наших предков, испытываем чувство глубочайшего уважения к тем безвестным людям русского Севера, которые, передавая из поколения в поколение опыт труда и знания, культуры и прогрессивных традиций, умножали и донесли до наших дней великолепное наследие культуры русского народа.

ПО СТРАНИЦАМ «ПРАВДЫ СЕВЕРА»

⊙

Новыми экспонатами пополнился фонд мемориального музея М. В. Ломоносова. Это резная икона из мамонтовой кости, выполненная неизвестным мастером начала XIX века, — дар жителей села Ломоносово. Интересны дипломные работы выпускников школы художественной резьбы по кости: сделанные из зуба кашалота шахматы «Петровские времена» (авторы — супруги Хабаровы) и шашки «Поморские корабли» (Е. Кралехова и Н. Малышева).

⊙

Прошлым летом Северодвинская археологическая экспедиция проводила работы по выявлению и изучению памятников эпохи средневековья в Плесецком, Каргопольском, Вельском и Шенкурском районах Архангельской области. Обследовались крепости XVII века, усадьба новгородского боярина Василия Степановича (XV в.), который в конце жизни удалился в свои важские земли и принял монашество под именем старца Варлаама. В могильнике у деревни Корбола (конец XI—XII вв.) обнаружены любопытные находки. После обработки коллекция поступит в Архангельский областной краеведческий музей.

⊙

В северодвинском Дворце культуры имени 50-летия Октября открыта выставка декоративно-прикладного искусства, посвященная 40-летию города. Среди экспонатов — резьба по дереву, выжигание, дары леса, работы по металлу, вышивание и т. д.

Отметил свое пятилетие хор ветеранов труда Дворца культуры. В нем 17 участниц — бывших производственниц, учителей, работников сферы обслуживания.

⊙

Рождается традиция: в Доме культуры села Лешуконское впервые было проведено торжественное снятие с воинского учета рядовых и офицеров запаса. В честь ветеранов был устроен солдатский «огонек». В городе Мезени такие торжества стали традиционными, как и проводы юношей на службу в армию.

„ДЛЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ...”

А. ДАВЫДОВ, старший научный сотрудник Музея деревянного зодчества

В 25 километрах от Архангельска, вверх по течению реки Северная Двина, раскинулись владения Музея деревянного зодчества. Здесь собраны плоды труда замечательных мастеров: ветряные мельницы, деревянные церкви и колокольни, избы, амбары, бани. Вот уже около 10 лет идет создание этого музея. Пока к осмотру представлены 45 памятников, но в недалеком будущем их будет более ста. Экспозиция будет размещена в шести секторах и познакомит посетителей с важнейшими историко-культурными регионами Архангельского Севера. В музее широко представлено творчество русского крестьянина: роспись по дереву, резьба, ткачество, плетение из бересты и другие промыслы, которыми издавна богат и славен наш край.

Особо следует выделить нашу коллекцию колоколов. В ней представлены колокола московского, петербургского, ярославского и даже харьковского литья; есть у нас и местные колокола. Восприняв традиции Новгорода и Пскова, колокольные мастера Севера трудились на Соловецких островах, в Сольвычегодске, Кегострове (пригород Архангельска). Существовали литейные мастерские и на Мезени, на Онеге. Особенно славились на Севере колокола, которые лил в XVIII веке кегостровский мастер Иван Христофоров. В музее есть несколько колоколов голландской работы XVII века. Они не были редкостью на местных колокольнях, так же как и предметы домашнего обихода из Норвегии или Швеции в поморских селах. Ведь до основания Петербурга Архангельск был единственным портом, через который Россия вела торговлю со странами Западной Европы.

Специальная экспозиция, посвященная колоколам, по нашему мнению, вполне правомерна. Еще в I тысячелетии до нашей эры колокол знали в Ассирии, Индии, Египте, Месопотамии — об этом говорят нам результаты археологических раскопок. Одной из первых его функций была помощь пастуху. Небольшие клепаные колокольцы вешали на шею скоту. И у русских, как и у некоторых других народов, так пасли скот вплоть до XX века. «Колоколка» или «ботало», которое и сейчас порой вешает на шею своей корове заботливая хозяйка, имеет более чем двухтысячелетнюю историю. Использовали колокольчик и охотники. Звон его сообщал о попавшей в капкан дичи.

Постепенно колокол и колокольный звон становятся элементами социальной жизни. В Древнем Риме, например, колокольным звоном извещали об открытии рынков, о времени поливки улиц, об открытии общественных бань. Там же колокольчики вешали на шею преступнику, которого вели на казнь.

Колокол воевал. Так, в Древней Греции сторожевые отряды колокольным звоном сообщали друг другу о приближении неприятеля. Звон колоколов, висевших на стенах древнегреческих городов, был призван оберегать их жителей от «нечистой силы». Колокольчик был оберегом-лекарством — его привязывали к постели больного.

Первые колокола были клепаными и паяными, позже стали литыми. Формы их тоже различны: от полусферы до конуса. Разнообразен материал, из которого изготовляли колокола: медь, бронза, железо. В Китае известны фарфоровые колокола, в Эфиопии — глиняные.

Христианская легенда, не учитывая столь древнюю историю колокола, приписывает его «открытие» святому Павлину. Понтий Мероний Павлин Многомилостивый (353—431 гг. н. э.) был епископом города Нолы, в итальянской провинции Кампания. Однажды он уснул в поле, где росли полевые цветы — колокольчики. Тут якобы и явились

А. Давыдов. Фото П. Гаврилова.

к нему ангелы и сделали его первым слушателем колокольного концерта. Проснувшись, святой Павлин поспешил в Нолу, где медник отлил ему копию полевого цветка. Так, согласно этой легенде, появился на свет колокол. А епископ, вооружившись колотушкой, вышиб из него первые звуки дотоле неслыханной чудной небесной музыки.

Папа римский Сабиниан (604—606 гг.) узаконил употребление колоколов при богослужении. Именно в это время и появилась легенда о святом Павлине. Совсем нетрудно заметить в ней определенную тенденцию: христианство полностью присваивало себе идею изобретения колокола и колокольного звона, а церковь выступала в роли создателя культурных ценностей.

Став сигналом к началу христианского богослужения, колокола получают широкое распространение в средневековой Европе и в России. О музыкальном искусстве говорить еще рано, пока колокол — только сигнал.

На Руси первое упоминание о колоколах относится к 988 году — году принятия христианства. Церковное имя колокола — «кампан» (от названия итальянской провинции Кампании — вспомните легенду о святом Павлине) здесь прижилось плохо. Как и большинство европейских народов, русские называли церковные колокола так же, как те колокольчики, которые брякали на шеях коров. В XII веке летопись сообщает нам о первых колоколах, отлитых уже русскими мастерами.

До появления колоколов на Руси народ призывали в церковь, ударяя колотушкой в деревянную доску или в металлические полосы. Их называли «билами» или «клепалами». Ударяя по разным местам била, можно было извлекать звуки разной высоты. Вероятно, при этом использовалась также особая ритмика. Надо сказать, что наши сведения о билах очень скудны. Одно из таких бил выставлено в экспозиции Новгородского музея-заповедника.

На первых колокольнях — «виселицах» могли висеть как била, так и колокола. Конструкция такой колокольни была довольно проста: два вертикально врытых в землю столба, соединенных перекладиной. Вероятно, они послужили прообразом каменных колоколен, какие уже часто встречаются в XIV—XV веках: каменные стены с высокими проемами, в которых висели колокола.

Колокола на Руси звонили не только к молитве. Велико было их гражданское значение. Особый звон извещал народ о пожарах, столь частых в старинных деревянных селениях. Звонили колокола в непогоду, указывая заблудившемуся путнику дорогу к человеческому жилью. Звон предупреждал население о подходе врага, звал на бой. Вечевые колокола в Новгороде и Пскове созывали граждан на вече — народное собрание.

Более того, эти вечевые колокола были в Новгороде и Пскове своеобразными символами политической самостоятельности этих городов. Не случайно Василий III, великий князь московский, в 1510 году повелел отобрать у покоренного Пскова вечевой колокол. «И бе тогда во Пскове плач и стенания во всех домах... И спустиша колокол вечный (вечевой.— **А. Д.**) у святой Троицы и начаша псковичи на колокол смотре и плакать по своей старине и по своей воле...» Так описывает это событие современник. А про новгородский вечевой колокол народная молва сочинила красивую легенду, как он, не выдержав позора плена, разбился, рассыпался на тысячи ямских колокольцев, звенящих по просторам России.

Порой колокол призывал к бунту, и за это цари расправлялись с ним, как и с бунтовщиками — руководителями народных восстаний: секли кнутом и ссылали в Сибирь (колокол, который созвал народ на бунт после гибели царевича Дмитрия в Угличе); вырывали язык (так поступили с набатным колоколом Московского Кремля, оповестившим жителей Москвы о начавшемся бунте в 1771 г.).

Колокольные звоны были одной из характерных черт русской жизни в прошлом. Об этом писали в XVII веке иностранцы, посещавшие Россию,— Павел Алеппский, Бернгардт Таннер, Адам Олеарий, оставившие довольно подробные описания русского быта того времени. Манера звона в России отличалась от манеры звона в большинстве стран Западной Европы. На Западе колокол жестко крепился на перекладине, которая свободно была вставлена обоими своими концами в пазы стен колокольни. Часто на этой же перекладине закрепляли маховик, чтобы облегчить работу звонаря — ведь надо было приводить в движение порой огромный колокол, чтобы он ударял своей стенкой по неподвижно висящему языку. Такой способ звона был довольно неудобен — один колокол приходилось раскачивать нескольким людям сразу. В России звонарь ударял в колокол, раскачивая язык. Это позволяло одному человеку звонить сразу на нескольких колоколах.

К XVII веку русские литейщики достигают высокого искусства в изготовлении колоколов. Такие мастера колокольного литья, как Филипп Андреев, Флор Терентьев, Емельян Данилов, Александр Григорьев, Андрей Чохов, навсегда вписали свои имена в историю отечественного и мирового литейного искусства.

На протяжении без малого тысячи лет православная церковь в России так и не сумела создать ни одной школы, где бы учили звонарей искусству колокольного звона. Хотя при этом в церковных учебных заведениях учили пению и даже игре на скрипке. Поэтому искусство колокольных звонов несло в себе весьма сильные фольклорные традиции, в их основе лежала народная музыкальная культура.

Количество колоколов на колокольне церковью не регламентировалось — тут мог висеть и один колокол, и два, и несколько десятков. При этом доступ на колокольню для простого народа заказан не был. Еще в 1678 году во время путешествия польского посольства в Московию Бернгардт Таннер отмечал, что звонить на колокольне можно было «по желанию каждого прохожего, потому что доступ во все постоянно открыт для всякого». Тот же автор пишет, что «вообще при храмах г. Москвы было по крайней мере по 8 колоколов, приспособленных для произведения музыкальной гармонии». В любом случае вплоть до XIX века на колокольню по праздникам мог войти всякий, и часто раздавались с нее мелодии отнюдь не церковного характера.

Звонница часовни из деревни Федоровская Плесецкого района.

Фото В. Гайкина.

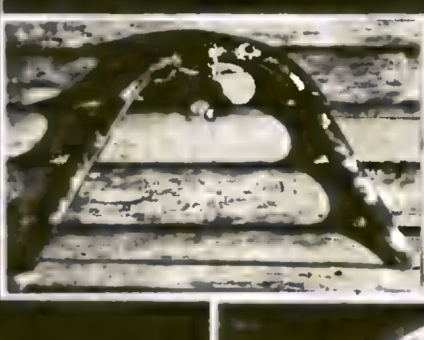
Эмблема Архангельского музея деревянного зодчества.

Рисунки М. Белошеевой.

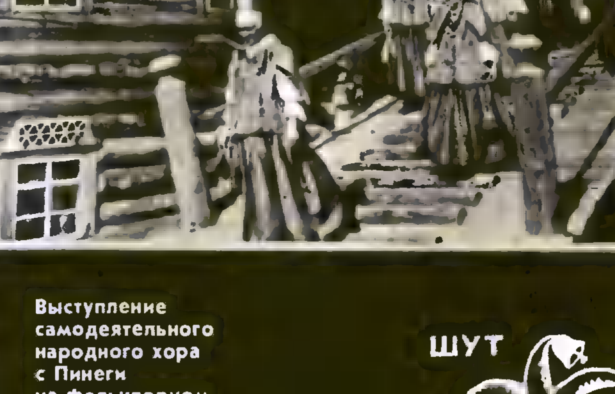

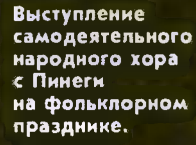

М. Костяева — одна из первых «звонарей» музея.

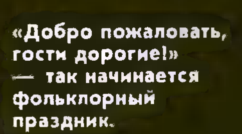

Поддужный колоколец.

Выступление самодеятельного народного хора с Пинеги на фольклорном празднике.

«Добро пожаловать, гости дорогие!» — так начинается фольклорный праздник.

Фото В. Вешнякова.

Этнографы XIX века отмечают интересные моменты из жизни северных крестьян. Известны случаи, когда в праздники молодые парни и девушки забирались на колокольни и состязались в искусстве игры на колоколах. А на Пинеге (приток Северной Двины) в XIX веке, как свидетельствуют записи ученых того времени, девушки в праздники на колокольнях «круги водили» (то есть водили хороводы и пели песни — хороводные, праздничные, связанные еще с дохристианскими календарными обрядами). Колокольный звон, праздничный, торжественный или безудержно веселый, был неотъемлемой чертой народного гулянья.

Не случайно во многих произведениях классиков русской музыки («Иван Сусанин» Глинки, «Борис Годунов» Мусоргского, «Князь Игорь» Бородина, «Псковитянка» Римского-Корсакова, «1812 год» Чайковского, «Кремль» Глазунова и других) колокольный звон звучит как характерная черта народного праздника. Примечательно, что торжественные звоны русской церкви звонари заучивали при помощи частушек и поговорок, чаще всего нерелигиозного содержания. «А у нас деньги украли, а у нас деньги украли...», «А мы знаем, да не скажем, а мы знаем, да не скажем...» — так порой перекликались торжественные звоны.

Многогранны традиции музыкальной культуры русского Севера — здесь и песенное многоголосие, и бойкая ритмика плясовой, и частушечный перебор, и звон колоколов. Показать колокольные звоны как часть старинной народной музыкальной культуры, как одно из проявлений богатейшей фольклорной традиции русского народа и решили сотрудники Архангельского музея деревянного зодчества и профессионалы-музыканты из Архангельского музыкального училища.

В 1975 году 23 колокола из нашей коллекции были отобраны для новой экспозиции, которую мы назвали «Северные звоны». Колокола подвесили на трех колокольнях музея. Группа по созданию «Звонов северных» вела работу сразу в двух направлениях. Работа в библиотеках и архивах, поиски записей старинных звонов чередовались с занятиями на колокольне. С тех пор вот уже два года молодые музыканты под руководством преподавателя Архангельского музыкального училища В. В. Лоханского знакомят посетителей музея с древним искусством игры на колоколах. О. Истомина, Т. Гапоненко, М. Костяева, овладевшие мастерством звонаря, стали полноправными участниками фольклорных праздников народной музыкальной культуры, которые проводит Архангельский музей деревянного зодчества.

Перед началом такого праздника у входа в музей собирается большая толпа. В 10 часов утра медленно отворяются ворота, навстречу посетителям выходит девушка в национальном русском северном наряде, неся на полотенце хлеб-соль. Радостно бьют колокола, возвещая о начале праздника: добро пожаловать, гости дорогие! Посетителей ждут встречи с «живой стариной». Затем звучат протяжные северные старинные песни, показываются на зелени полян узоры хороводов, оживают сценки старинной свадьбы...

г. Архангельск

Духовный мир человека

Труд души

УРОКИ ОПТИМИЗМА

Л. ГРАФОВА

Однажды в редакцию пришло письмо:

«Здравствуйте! Я уверен, что подобные письма приходят не часто, ибо пишет вам человек, который не видит смысла жизни. Мне 20 лет, и я совершенно не понимаю: зачем жить! Ведь жизнь — это всего лишь игра со смертью, в которой всегда побеждает смерть. Так зачем же играть, зная, что будешь побежден!

Большинство людей на вопрос: «Зачем вы живете!» — отвечают: «Ради своих детей». В детях, мол, наше бессмертие. Но, позвольте, ведь по этому закону (размножение и продолжение рода) живут и животные, и вообще все живое.

Но человек не животное, а значит, у него должна быть какая-то другая, более высокая цель жизни! Какая! Вы можете мне напомнить о работе, о пользе, которую каждый человек должен принести людям, обществу. Но ведь и это — не самоцель. Революционная борьба, построение социализма и коммунизма — все является лишь средством для достижения одной главной цели, и эта цель — счастье. Да!

Значит, вот он, ответ на извечный вопрос «зачем жить!» — для счастья! Поймите меня правильно, я сознательно не говорю о том, что никто из нас не может быть абсолютно счастлив, пока томятся в застенках патриоты Чили, пока идет колониальная война в странах Африки, а говорю о конечном итоге всей борьбы и деятельности. В данном случае важен принцип, а в принципе смысл жизни — борьба за счастье, не правда ли!

Ну, а если я не хочу быть счастливым, а я действительно не хочу, тогда как! Мне становится страшно от того, что так утилитарен, оказывается, смысл жизни. Вдумайтесь: человек живет для счастья. А для чего счастье, для чего! Вы себе никогда не задавали такого вопроса! Ведь счастливым при благоприятных условиях может быть и животное. Но человек ведь не животное (опять приходится это подчеркивать). Но какая, какая у человека цель, кроме счастья! Я ее не знаю, может быть, подскажете вы!..

Я не хочу быть счастливым, ибо любое счастье призрачно, преходяще, а затем следует смерть.

Только не подумайте, пожалуйста, что я идеалист или верю в загробную жизнь. Нет и нет, я верю только в развитие материи. Но ведь по законам диалектики все, что появилось (а раньше не было), должно когда-то исчезнуть. В мире нет ничего вечного, кроме самой материи. Исчезают планеты, галактики, исчезнет когда-нибудь наша Земля и все, что на ней есть. Большинство людей над этим совсем не задумываются, а зря. Понимаете, умрем не только я и вы, он и она, а исчезнет все, все человечество! Но ведь в этом случае нет абсолютно никакого смысла жить, страдать, бороться.

А. Китаев

На конверте стоял московский штемпель. Очень хотелось найти этого человека. Понять. Увы! — фамилия оказалась вымышленной. И теперь остается только гадать: что за письмом? Минутное настроение? Поза?

Если же предположить, что письмо искреннее, становится страшно. Страшно не за себя (я и раньше, положим, догадывалась, что когда-нибудь умру), страшно не за нашу бедную Галактику, которая действительно когда-нибудь, в неведомой дали, исчезнет, нет, страшно за автора письма.

Что же надо было пережить, чтобы в 20 лет так отчаяться? Снова и снова перечитываю письмо. Похоже, что автор разочаровался в жизни не из-за каких-то частных невзгод и неурядиц, а исключительно из-за несовершенства мирового порядка.

Полно, да всерьез ли это? Скорей всего юноша просто пошутил, на следующий день забыл о своем письме. Стоит ли волноваться по такому поводу? Но почему-то обидно. Ведь в письме упомянут вопрос вопросов, который

действительно является предметом мучительных размышлений для всего человечества: зачем жить, если все равно умрешь?

И в прошлом, да и в настоящем для многих людей, которые обратились к религии, вверив свою жизнь потусторонней воле, первым толчком тут стал страх перед неотвратимой смертью. Сколько сожжено свеч и бессонных ночей, сколько истрачено чернил и пролито крови, чтобы доказать бессмертие человеческого духа. И разве не для того всходил на костер Джордано Бруно, не для того звенели кандалами революционеры, не для того сотни известных и безвестных героев предпочитали достойную смерть недостойной жизни, чтобы доказать торжество внутреннего человека над человеком внешним, торжество целей жизни над ее средствами?

Между тем письмо вызывает чувство досады особенно потому, что из рассуждений его автора странным образом выпало понимание сущности человека, который ведь тем в первую очередь и отличается от животного, что мало ему довольства и «благоприятных условий», а требуется ему еще и осознание истины, и красота вокруг, и добро. И все эти чувства и стремления не являются чем-то привнесенным «свыше», но определяются сущностью человеческой природы. Именно поэтому счастье и приходит к человеку как следствие нравственной, созидательной жизни, а вовсе не как самоцель.

Кстати, «А. Китаев» напрасно считает себя редким исключением. Большинство людей, как и он, задумываются над «страшными вопросами». И живут дальше. И очень хотят быть счастливыми.

О краткости человеческой жизни задумываются едва ли не все — и верующие в бога, и неверующие. Правда, при этом они приходят к различным выводам, но мысли эти для любого человека — совершенно естественны. Для тех, кто не верит в потусторонние силы, ощущение краткости жизни только усиливает любовь к ней, повышает ответственность перед собой и перед обществом за каждый прожитый день, заставляет бережней относиться к окружающим: незаменим и неповторим каждый. Спеши согреть человека. Может статься, ты его видишь в последний раз.

Нет, не для человека, который поставил под письмом вымышленную фамилию, говорю все это. Спорю, пожалуй, с собой и, может быть, с тобой, читатель, — у нас ведь тоже порой нет-нет да и мелькнет мысль, схожая с риторикой вышеприведенного письма. Разве не бывает — задумываешься о том, что Вселенная бесконечна, и берет дрожь: как это? Невозможно представить. А «конечность» представить легче? Да, больно сознавать, что человек смертен. Но если бы вдруг «А. Китаеву» была предоставлена возможность изменить порядок вещей, что бы он сделал? Приказал траве не расти, а то вырастет — пожелтеет? Приказал ручью не течь, а то с речкой сольется — ручьем быть перестанет?

Беспомощность попытки остановить жизнь доказана еще гётевским Фаустом. И что остается?

Любить жизнь. Она, сколько б претензий мы к ней ни предъявляли, была и остается прекрасной, непрестанно новой. Она несет в себе больше неожиданностей, чем способен сочинить самый смелый фантаст. Отдадим себе отчет: каждое новое открытие современной науки влечет целую цепочку других, и не подозревавшихся ранее гипотез. Сколько еще неизвестного, и как быстро все меняется? Подумать только: до половины прошлого века люди, не принявшие, забывшие Коперника, были убеждены, что Земля — центр мироздания, вокруг которого вертятся и Солнце, и звезды. Даже Пушкину в лицее преподавали астрономию по Птолемею. Невероятно! Так откуда ж нам знать, как через следующие за нами 150 лет будет представляться людям бесконечность Вселенной и место человека в ней?

Что касается смысла жизни, его, очевидно, трудно отыскать путем абстрактных рассуждений. И вообще, мне кажется, смысл жизни нельзя «найти», его можно только заработать трудом собственной души.

Я все веду к тому, чтоб рассказать об Ирине Триус. Как прочла впервые письмо «А. Китаева», сразу подумала о ней, о моей Ирине. Если б можно было разыскать этого юношу и познакомить с Ирой, ему б обязательно стало стыдно за свое капризное: не хочу быть счастливым. Я лично не знаю человека, которому жизнь давалась бы труднее, чем Ирине. И не знаю человека, который любил жизнь неистовее, чем она.

Встретились мы с Ириной давно, лет 14 назад. Я пришла в ее дом на улице Остужева как корреспондент газеты, и очень скоро Ира стала мне другом. Собственно, именно благодаря ей я впервые серьезно задумалась о смысле жизни. Ее судьба, вернее ее сопротивление своей судьбе стало для меня самым неопровержимым аргументом в защиту высокого и прекрасного смысла жизни.

Помню, когда впервые шла к ней, был дождь, а я нарочно замедляла шаги. Потом, в коридоре, вместе с каплями влаги хотелось стряхнуть неуместную очевидность своего здоровья. Вот сейчас войду, а она будет лежать, пройдусь по ее комнате, а она не встанет: «прикована к постели» — кто-то когда-то образно сказал эти слова, но они стали термином, в них безжалостная точность! Прикована... Вдруг я услышала смех. Казалось, искры фейерверка летят сквозь стену. То был смех-искренность. Смех — состояние души.

В прошедшие с тех пор годы мне приходилось видеть Ирину разной, но, как жестоко ни испытывает ее жизнь, она остается все та же, как в первую встречу, — очарованная душа. Очарованная жизнью душа.

Движение, движение, движение... Мчаться так, чтоб в ушах — свист и не просто ветра, а всего, что проносится мимо, — пусть шумят навстречу сосны, облака и горы, приветствуя скорость поезда. И поезд ведет она, девчонка, стоящая у контроллера, ей на эти часы доверена жизнь людей.

Так было. На Северном Кавказе, в дни студенческой практики, она водила поезда, и вот тогда с какой-то яростью полюбила движение. Впрочем, готова была к этому с детских пор.

«Все спешу охватить, побольше видеть, слышать, знать. Мне хочется жить так, чтобы каждый

Ирина Триус.

час, даже каждая секунда оставляли след», — писала Ира-школьница своей подруге. Она действительно спешила жить. Первая среди сверстников вступила в комсомол, а потом в партию. В 16 лет стала студенткой. Она спешила жить и за брата Мишу.

У многих взрослых воспоминания о детстве связаны с бабушкиными сказками. Ира помнит сказки, рассказанные Мишей. Старший брат ушел воевать с пятого курса Менделеевского института и погиб в первый год войны. У этого студента уже было свое, утвержденное Наркоматом здравоохранения открытие — оригинальный способ изготовления отечественного фуксина. Дом всегда был полон его друзей. Ирина слышала разговоры: «Наш век — это техника, строительство. Каждый порядочный человек обязан быть инженером». Ему никогда не стать инженером. Значит, место брата должна занять она и как можно скорее. Ира училась тогда в 8-м классе. Программу за 9-й и 10-й сдала экстерном, все на отлично. И в том же 1943 году стала студенткой эвакуированного в Томск Московского института инженеров транспорта.

Необычная эта учеба — студенческие годы в войну. Утром — лекции, вечером и ночью — дежурство в госпитале. А иногда целый день — работа с лопатой. Строили Томскую окружную дорогу, она была очень нужна городу. В ботинках — такая же холодная, чавкающая слякоть, что и на земле. Насквозь промокла телогрейка. Одна за другой выбывают девушки, но Ирине нельзя уставать — она бригадир. Простудившись, она не уходила. Тяжело болела, но работала: долг! Дорога была проложена, по ней побежали поезда. Движение! Но для Ирины та дорога стала началом неподвижности. Она закончит институт, два года еще поработает в депо, но именно с той простуды на стройке для нее загорелся красный светофор: покой. Болезнь Павки Корчагина тоже началась, как известно, на строительстве узкоколейки. Какие роковые совпадения сочиняет порой жизнь!

Страшно сказать: Ирина Триус прикована к постели вот уже 27 лет. Сначала она жила надеждой на выздоровление. Две сложнейшие и безрезультатные операции на позвоночнике, консультации у всех возможных светил, десятки поставленных и отвергнутых диагнозов постепенно разрушали надежду. Ее болезнь относится к числу тех, перед которыми сегодня медицина бессильна, — эта суровая правда входила в сознание постепенно, но попробуйте хоть на минуту представить, каково смириться с такой правдой. Каково жить, постоянно испытывая боль в спине, а с годами стали появляться все новые боли. Нет, мы, здоровые, не в силах себе это представить, как невозможно со стороны представить, понять, где берет она силы любить такую, казалось бы, невыносимую жизнь.

Но в том-то и дело, что в человеке (вот где главное отличие от всех других живых существ), кроме жизни тела, есть еще жизнь духа! Можно ли привыкнуть к боли? Не знаю. Но то, что можно научиться душевным усилием превозмогать боль, — знаю по Ирине.

Я потому так долго не решалась писать о ней, что со стороны объяснить ее жизнь трудно. Потом вот что случилось: Ирина сама написала о себе. Ее первая книга «Спасибо вам, люди!» была одной из тех книг, которые просто не могут остаться ненаписанными — так невозможно удержаться и не выразить каким-то способом благодарность, переполняющую твое сердце. Ей действительно повезло на людей. На прекрасных родителей. На верных друзей. На совершенно незнакомых людей, которые, узнав ее случайно, становятся близкими.

Вторая книга так и называется: «Жить стоит». Она была удостоена премии имени Н. Островского. В нынешнем году книга была переиздана — большой на нее спрос. И вот я вновь перечитываю уже знакомые страницы.

Многие мысли ее исповеди, пожалуй, если не ответ, то близки к возможному ответу на извечный вопрос о смысле жизни. Я думаю, эту книгу можно давать как лекарство самым отчаявшимся. Теперь объяснение тайны ее оптимизма читатель может узнать, так сказать, из первых рук. Мне остается лишь прокомментировать некоторые, на мой взгляд, важные открытия. Но как просты они, как обыкновенны! Да, книга повторяет знакомые истины, но, выстраданные автором наедине с собой, наедине с судьбой, они звучат откровением:

«Мы с ученической скамьи усваиваем, что труд создал человека. И не задумываемся над этим особенно. Мне пришлось испытать на себе, как труд, именно труд способен буквально вернуть к жизни».

Не вставая с опостылевших досок — «постели», она закончила второй институт, изучила пять языков, а потом, имея два диплома — инженера и экономиста, с помощью поверивших в нее людей добилась в общем-то в ее положении невероятного: штатной работы. Все годы, которые я ее знаю, Ирина весьма успешно работает научным сотрудником в ЦНИИ информации Министерства путей сообщения. (Друзья привозят ей работу на дом, потом увозят, качество сделанного всегда оправдывает эти сложности.) Ирина удостоена звания «Почетный железнодорожник». Награждена орденом «Знак Почета». Недавно ее приняли в Союз писателей. Но главная ее победа совсем не в том, что «осталась в строю, несмотря на...». Этим она всего лишь уравняла себя с другими людьми. Но в том-то и дело, что она сумела пойти дальше других. Нет, знание пяти языков, два диплома здесь ни при чем. Можно достичь и большего, но остаться сумрачным человеком.

А как сохранить такую вот внутреннюю счастливость?

«Было страшно, что стану одним из тех скептиков, которых я так ненавидела: «Хорошие люди! Да где вы их видели, хороших людей! Друзья! Нет на свете настоящих друзей! Любовь! Не бывает любви, она только в книжках...» Я испугалась и заставила себя оглянуться вокруг».

Оглянуться вокруг — значит увидеть, совсем как впервые, ну хотя бы свою, сотни раз хоженную улицу. Почувствовать, что и камни, и машины, и пешеходы, то есть вся окружающая жизнь, какой-то частью принадлежит тебе, как и ты — ей.

Улица недоступна. Неба не видно. Белый потолок палаты, белые простыни. А те, кто рядом, — бывшие пешеходы — тоже, как и она, застыли в неподвижности. И все же, заставив себя оглянуться, Ирина увидела: ее соседку по палате, молодую обреченную женщину, так сильно любит муж, что это чувство врачует лучше всех лекарств. Она пишет: «Чужая любовь спасла и меня». А было это, между прочим, в ту пору, когда саму Ирину оставил человек, годы называвший ее «единственной». Он просто устал ждать. Нет, она его не судит.

«Жизнь сделала меня мудрой. Теперь, когда нет надежды на исцеление, я перестала считать, чего в моей жизни нет. Считаю то, что в ней есть».

В одну из зим школьники, давние ее друзья, пригласили Ирину... в лес, в турлагерь. Чепуха какая-то! — было первой моей мыслью, когда Ирина сообщила о предложении. Ее пугали врачи, отговаривали близкие, и все это, конечно, из любви к ней. Но еще, пожалуй, и от неумения понять до конца. Всем нам хотелось уберечь ее от мстительной болезни. А получилось — и от жизни мы пытались ее уберечь. Позже я столько раз поражалась: если выпадает ей хоть малый шанс полнее глотнуть жизнь — идет на любой риск, не думая о неизбежной расплате. Плохое приходит само, выбирать мы вольны только хорошее: так стоит ли думать о цене?

После «туристской» недели Ира месяц не могла оторвать голову от подушки. Но в книге об этом ни слова. Пишет о другом:

«...Я или не знала до сих пор, или успела забыть, что снег так удивительно пахнет.

...Пою я хоть и плохо, но громко, не стесняясь, как не пела уже давно.

...Так в мою жизнь вошли дети. Не мною рожденные и не мною взращенные, а все-таки мои! Ибо теперь-то уж в каждом из них живет частица моей души».

Я как-то спросила: «Ира, сколько ж у вас детей?» Она ответила сначала горьким молчанием, потом встрепенулась: «Да, да, конечно, Игорь Демьянов — мне сын. — А Миша? — Да. А Маритэ? Алеша?» И она уже сама вспоминает многих, кто говорит и пишет ей «мама»...

Трудно постичь, как один человек в силах сделать столько добра, вместить в свою жизнь столько судеб. После каждой статьи, ее или о ней, кровать заносит метелью писем. Когда был жив отец — второе «я» Ирины, ее второе дыхание, она успевала отвечать каждому. Да разве дело только в ответах? Пользуясь лишь бумагой, ручкой и еще телефоном, она помогает в таких житейских делах, какие не удаются порой даже организациям. Как же так?

Слышу голос Ирины:

«По долгу человек способен сделать для другого все, что он может. Когда же чувство долга совмещается с умением страдать за того, кто страдает, человек делает больше возможного».

Это написано не о себе, но это и есть объяснение ее — да —могущества. Пожалуй, это точное слово. Но все-таки зачем ей при ее-то несчастье, при загруженности работой, зачем взваливать на себя хлопоты о каких-то далеких, незнакомых? Зачем, к примеру, пять лет переписываться с одним заключенным, в которого поверила, и добилась-таки пересмотра его дела. Зачем? Если я скажу: необходимо для полноты счастья — иной читатель не поверит. Ну что ж, вроде бы неожиданный пример в доказательство.

Как-то в разговоре с народным артистом СССР М. И. Жаровым я услышала: «А, знаете, у меня есть прекрасные письма для «Комсомолки». И Жаров рассказал «потрясающую биографию» автора писем, а затем эпизод: перед премьерой он, народный артист, нервничал и, чтоб как-то себя успокоить, позвонил тому своему корреспонденту. «И, представьте, ее смех помог мне войти в роль». Речь, оказалось, шла об Ирине... Позже, когда она сама рассказывала об этом знакомстве, комментировала игру Жарова, я думала: для Ирины понятие «чужая радость» не существует, так же как «чужая боль».

А однажды был день, когда я видела чудо: Ирина вела электровоз! 22 года спустя она решилась приехать в родное депо «Москва-1», где многие люди помнят ее молодой. Лежа в «москвиче», она объехала почти все цехи, и всюду были рельсы, гудки — звали... Люди, знавшие Ирину, сами догадались о заветном желании, про которое она боялась заикнуться. Итак, «москвич» въехал на платформу, Ирину как-то подняли, и она оказалась в кабине электровоза, и вот... Снизу не видно, она или стоящий рядом парторг нажимает рычаги и кнопки. Но когда состав тронулся и прошел символические 30 метров до «мачты» и столько же обратно, у многих стоявших на земле дрожали губы. И ни у кого не было сомнений — сама Ирина, как прежде, ведет поезд. Путейцы молчали, встречая и провожая этот рейс.

Потом я видела, как Ирину провожали букетами, подарками и благодарили. Я думала: правильно благодарят. Все мы, достающие для нее лекарства, приносящие цветы и книги, а порой, когда ей особенно трудно, молча сидящие рядом, — все мы в долгу перед нею. За то, что она нужнее нам, чем мы ей. За то, что к ней приходишь за уроками оптимизма.

Откуда в ней эта притягательность? Может быть, болезнь, многое отнявшая, дала взамен такое, что мы, здоровые, в суете теряем? А может, столь острое ощущение бытия доступно лишь тому, кто берет жизнь с бою? Нет, это обидная теория, да и неверная: ведь не существует пропасти между больными и здоровыми. При абсолютной несхожести судеб все мы, люди, имеем общие ценности, ради которых жить стоит!

«Я по-прежнему верю, что счастье человека — в нем самом. И зависит не от того, как складывается судьба, а прежде всего от того, что представляет собой человек и его внутренний мир».

Эту простую истину, что жить стоит, если даже жизнь становится невыносимой, Ирина доказывает себе и нам каждым своим днем. И удается ей это, наверно, только потому, что она — человек с «трудящейся душой».

Юрий ИЛЬИНСКИЙ

УЛИЦА ОПАЛЕННОЙ ЮНОСТИ

ИЮНЬ. Подмосковье. Стелется по земле тополиный пух, зеленеет сочная, в человеческий рост трава. Все вокруг залито солнцем. Растопленная смола медленно стекает по шершавой коре сосен, а небо голубое, чистое, промытое теплым предутренним дождиком, просушенное ветром.

От платформы Ильинская, к которой только что подошла электричка, поток людей мимо потемневших от времени деревянных домиков с резными наличниками, невысокими заборами, приземистыми скамейками направляется к скромному памятнику. Его установили местные жители в честь своих земляков, школьников-девятиклассников, ушедших добровольцами на фронт и навсегда оставшихся на полях войны. На памятнике 22 имени...

По незыблемой традиции ежегодно в день, когда началась война, сюда приходят сотни людей. Они едут со всех концов страны. Памятник утопает в цветах. В почетном карауле замирают школьники соседних школ. Тревожно звучит горн, дающий знак к открытию траурного митинга.

И как всегда, я и трое моих товарищей, кому «выпало жить», стоим здесь и вспоминаем наших одноклассников — вихрастых, озорных, веселых — таких сосредоточенных в тот печально памятный воскресный июньский день. Утром наш 9-й «Б» собрался, чтобы вместе с классным руководителем Иваном Григорьевичем отправиться в дальний поход по Волге. Услышав, что началась война, мы подхватили рюкзаки и отправились на станцию. Приехав в Раменское, наш райцентр, мы скопом ввалились в военкомат и потребовали, чтобы нас послали на фронт.

Когда в армию нас по возрасту зачислить отказались, обиде нашей, казалось, не было границ. Поостыв немного, решили: мы — комсомольцы, поедем в Раменский горком партии. Настойчивость наша в конце концов увенчалась успехом: райвоенкомат согласился допустить нас на медицинскую комиссию. Тут нас ждали новые испытания. Худенький, невысокий Костя Косминков, например, попал в армию только потому, что вместо него в кабинет глазного врача пошел его товарищ. Сам Костя видел плохо, носил очки, и врачи его наверняка бы не пропустили.

«Первый бой» в тревожно-шумном военкомовском кабинете, в многолюдных, ульем гудящих комнатах медкомиссии закончился нашей победой. Через несколько недель нам удалось попасть не только в одну дивизию и в один полк, но и в одну роту, даже в один взвод.

Портреты учеников 9 «Б» выпуска 1941 г. на стенде музея школы поселка Ильинское.

Александр Хватов.

Валентин Смирнов.

Юрий Новоселов

Владимир Рябов.

Виктор Кузнецов.

Константин Косминков.

Однако, для того чтобы понять, почему мы были такими, почему так страстно добивались права идти на фронт в первые же дни войны, надо вспомнить, что было до этого рокового дня, как мы росли, чем дышали...

Предвоенное поколение жило в эпоху удивительных событий! Поход «Челюскина». Подвиг советских пилотов и первые Золотые Звезды, которыми их героизм отметила страна. Четверка папанинцев на дрейфующей полярной станции. Алексей Стаханов ставит свой рекорд. Валерий Чкалов летит в Америку...

Но — как пели тогда — в воздухе пахло грозой. Мы помним гневные митинги трудящихся в защиту Испанской республики, шапочки испанских детей на улицах Москвы. С каким напряжением следили мы за героической защитой Мадрида! Сколько мальчишек рвалось тогда в Испанию! Сколько их «зайцами» пробиралось в Одессу. Сколько их снимали с кораблей, грузивших продовольствие и медикаменты для республиканской Испании.

Война подходила и к границам нашей страны. На страницах газет мелькали названия застав, отражавших наскоки самураев. Сопка Безымянная, сопка Заозерная, озеро Хасан... В политуправление пограничных войск шли и шли письма с просьбой зачислить в пограничники. В дни, когда советские и монгольские войска отражали атаки японских агрессоров на реке Халхин-Гол, сотни тысяч комсомольцев и пионеров записывались в оборонные кружки — учились точно поражать мишени из малокалиберных винтовок и пистолетов, прыгали с парашютом, уходили в многодневные походы, учились разжигать костры в мокром от проливных дождей лесу, ориентироваться по компасу и звездам, переправляться через реки.

Газет в те годы издавалось меньше, чем теперь, да и тиражи их были скромнее. Телевизоров не было и в помине, а радиоприемники считались редкостью: даже на обладателя слабенького детекторного приемника мы, мальчишки, смотрели с завистью... И тем не менее мы ухитрялись знать обо всем важном и интересном, что происходило в нашей стране и за ее рубежами. Дело, вероятно, в том, что недостаточное — с точки зрения сегодняшнего дня — развитие средств информации возмещала ненасытная жажда ее.

Когда я сегодня думаю о своем довоенном детстве и пытаюсь определить самое главное, самое характерное в моем тогдашнем душевном настрое, на ум приходят слова: сопричастность всему тому, чем жил тогда наш народ. Сопричастность самая искренняя, живая, я бы сказал — трепетная. Нам не просто было «интересно узнать», как идет строительство Магнитки или война в Испании. Мы физически ощущали себя на строительной площадке возле горы Магнитной, на выжженных солнцем полях Испании, в десятках других мест, удаленных порой на тысячи километров от тихого подмосковного поселка, в котором мы росли.

Стоит ли говорить о том, как зачитывались мы книгами о революции и гражданской войне, как десятки раз смотрели кинофильмы «Чапаев», «Мы из Кронштадта», «Красные дьяволята», знамени-

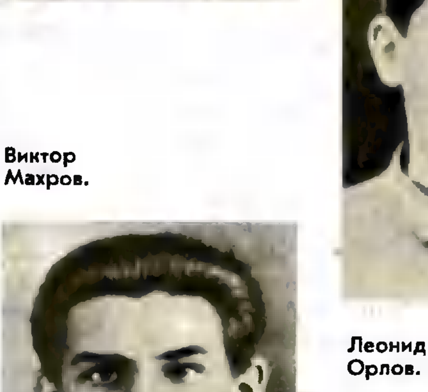

Михаил Махров.

Виктор Махров.

Леонид Орлов.

Валерий Федорцев-Синицын

Анатолий Серегин.

Александр Кудряшов.

тую трилогию о Максиме, переживая вместе с Борисом Чирковым заводскую юность и боевую молодость его героя.

Юность тридцатых годов активно противостояла религии. В те годы на сценах городских и сельских клубов устраивались антирелигиозные спектакли, проводились диспуты. Залы всегда были переполнены. И вспоминая ныне свое детство, свое отношение к религии и церкви, я не нахожу никаких принципиальных противоречий между ним и моими теперешними взглядами человека, перешагнувшего порог своего пятидесятилетия.

Тридцатые годы стояли за спиной юнцов, которые в сорок первом надели красноармейские гимнастерки и шинели. Все, чем жили, чем дышали мы, известие о нападении гитлеровцев на нашу страну в мгновение ока как бы сконцентрировало в сгусток решимости, воли и ненависти, и это в первый же день войны, в первый же ее час двинуло нас к дверям военкомата...

Суровая военная судьба разбросала моих друзей по фронтам. Саша Хватов стал летчиком, Юра Новоселов — артиллеристом, Толя Серегин, Миша Федоров, Леша Бурков — моряками. Многие, в том числе и автор этих строк, воевали в пехоте. Витя Кузнецов, по прозвищу Кузя, веселый, неунывающий, озорной парнишка, от которого трещали все заборы в поселке, стал на фронте снайпером. В октябрьских боях на подступах к Москве он метко стрелял по атакующей фашистской пехоте, дрался до конца. Когда бойцы ринувшись в контратаку, подбежали к траншее, где находился снайпер, он уже не дышал, лежа на россыпи стреляных гильз.

Тщедушный Костя Косминков, обманувший глазных врачей, был назначен санитаром и очень обиделся на взводного за это. Позже Костя стал связным. Нелегко было ему бегать с винтовкой и гранатами у пояса по раскисшей осенней земле, но он не жаловался. И когда потребовалось под вражеским огнем доставить донесение в штаб батальона, он первым вызвался выполнить поручение. Был ранен, но добрался до штаба. Лишь передав пакет, упал. Приказ был выполнен, но Костя погиб.

Командир батареи Юрий Новоселов не раз останавливал огнем своих пушек вражеские танки, одним из первых переправился через Днепр на плоту и, установив орудия на самом берегу, не давал фашистам приблизиться и сбросить в воду защитников плацдарма. Летчик-истребитель Александр Хватов, охраняя аэродром, отгонял фашистские бомбардировщики и не раз вступал в схватки с гитлеровскими асами. На приборном щитке Саша укрепил фотографию родителей и писал в одном из писем, что они воюют как бы вместе, втроем. Фотография сгорела вместе с самолетом летом 1943 года.

Отличный спортсмен, вратарь поселковой футбольной команды Леша Бурков стал командиром небольшого судна-сейнера, приспособленного для перевозки грузов. Его кораблик курсировал между крымским и кавказским берегами, под огнем подвозил десантникам, высадившимся на Керченский плацдарм, продовольствие, снаряды, эвакуи-

Георгий Епишин.

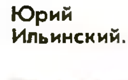
Евгений Саприко.

Алексей Бурков.

Юрий Ильинский.

Михаил Федоров

ровал раненых. Однажды сейнеру пришлось вывозить раненых в особенно трудных условиях. Высокий береговой накат мешал погрузке, поблизости рвались снаряды, фашистская артиллерия яростно обстреливала судно. Когда последний раненый десантник был перенесен в трюм, командир отдал приказ отходить. В этот момент его скосила пулеметная очередь...

Мужественно дрались с врагом братья Виктор и Михаил Махровы. И оба погибли в боях. Витя Махров внешне выглядел рослым крепышом, но в детстве перенес тяжелую болезнь, последствием которой было серьезное осложнение на сердце. В военкомате он о своем недуге умолчал. Потом, на передовой, после тяжелых, изнурительных переходов и непрерывных боев Виктор часто чувствовал себя плохо. Он принимал нарочито залихватский вид, бодрился. Однажды, вымокнув под проливным осенним дождем, он двое суток лежал в окопчике, следя за противником. Доложив командиру о результатах наблюдений и передав ему листок, на котором были отмечены огневые точки, Виктор потерял сознание, очнулся в госпитале. Больше двух месяцев он боролся с недугом. Солдату в постели умирать не положено. Именно так писал Витя матери: лежу, хвораю, ем без памяти, ем для того, чтобы поправиться и снова бить проклятых фашистов. Виктор сумел вернуться в часть.

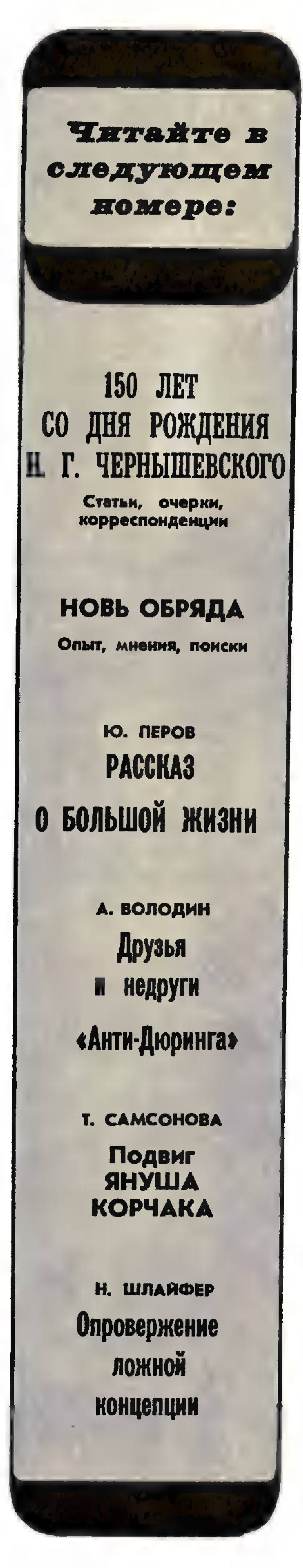
Похоронен он в братской могиле.

Кончилась война. Я приехал в родной поселок и чуть ли не на следующий день получил из школы приглашение на товарищескую встречу с бывшими учениками. Сейчас такие вечера стали традицией, а тогда это было редкостью.

В школе было людно. В коридоре играл оркестр, из каждого класса доносились веселые голоса. Я поднялся на второй этаж, где помещался наш 9-й «Б». Нетрудно представить, как я волновался. Стоял перед дверью и думал: вот сейчас войду и сразу увижу своих товарищей, о которых ничего не знал долгих четыре года! В эту минуту я как-то не обратил внимание на странную тишину. Я открыл дверь и замер на пороге: класс почти пуст. За учительским столом сидел наш дорогой старенький Иван Григорьевич, а за партами трое в военной форме — те, кто уцелел из нашего класса. Из двадцати шести мальчиков, ушедших на фронт, назад вернулись четверо.

Мы вышли из школы и пошли к маленькому озеру, где когда-то всем классом летом купались, а зимой катались на коньках. Долго стояли на берегу и вспоминали погибших друзей.

Спустя много лет, когда увидела свет моя повесть «Опаленная юность», где я рассказывал о своих школьных товарищах, об их короткой, но достойной жизни, я получил сотни писем, меня приглашали на десятки читательских конференций. Большой радостью стало для меня то, что заглавие книги перешло на таблички, прикрепленные к бревенчатым стенам на той улице моего родного поселка, где находится наша школа. Теперь это улица Опаленной юности. В ее начале стоит памятник вечной славы моим одноклассникам, отдавшим свои юные жизни за свободу и счастье нашей Родины.

О ВЕТРЕ И ХЛЕБЕ, ГОРАХ И ЯБЛОКАХ

В. ЗЫБКОВЕЦ, Л. ЧУЛЬСКИЙ,
специальные корреспонденты
журнала «Наука и религия»

НА ВОПРОС: «Что Вы видели в Казахстане?» — один турист ответил словами, вынесенными в заголовок: «...Ветер да хлеб, горы да яблоки». И он в общем-то прав. Но...

Конечно, Казахстан — это бескрайняя степь, распаханная и засеянная за последние 20 лет, совхозы, из конца в конец которых хоть на самолете летай, мороз с ветром зимой и сухой зной с ветром летом. Где еще можно стоять под дождем и быть сухим? А в Казахстане бывает, что капли дождя испаряются, не успев упасть на сухую землю. Казахстан — это также горы и предгорья с их быстрой сменой климатических зон.

Однако разнообразие пейзажа и растительности свойственно многим районам Земли. И ледники и яблоки есть на Кавказе и на Памире, во французских и итальянских Альпах.

Можно еще добавить, что горы — да и не только горы — Казахстана содержат чуть ли не все полезные ископаемые, за которыми рыщут по планете геологи. Это известно всем. Что же еще — специфическое, особое, характерное для гигантских просторов этой союзной республики?

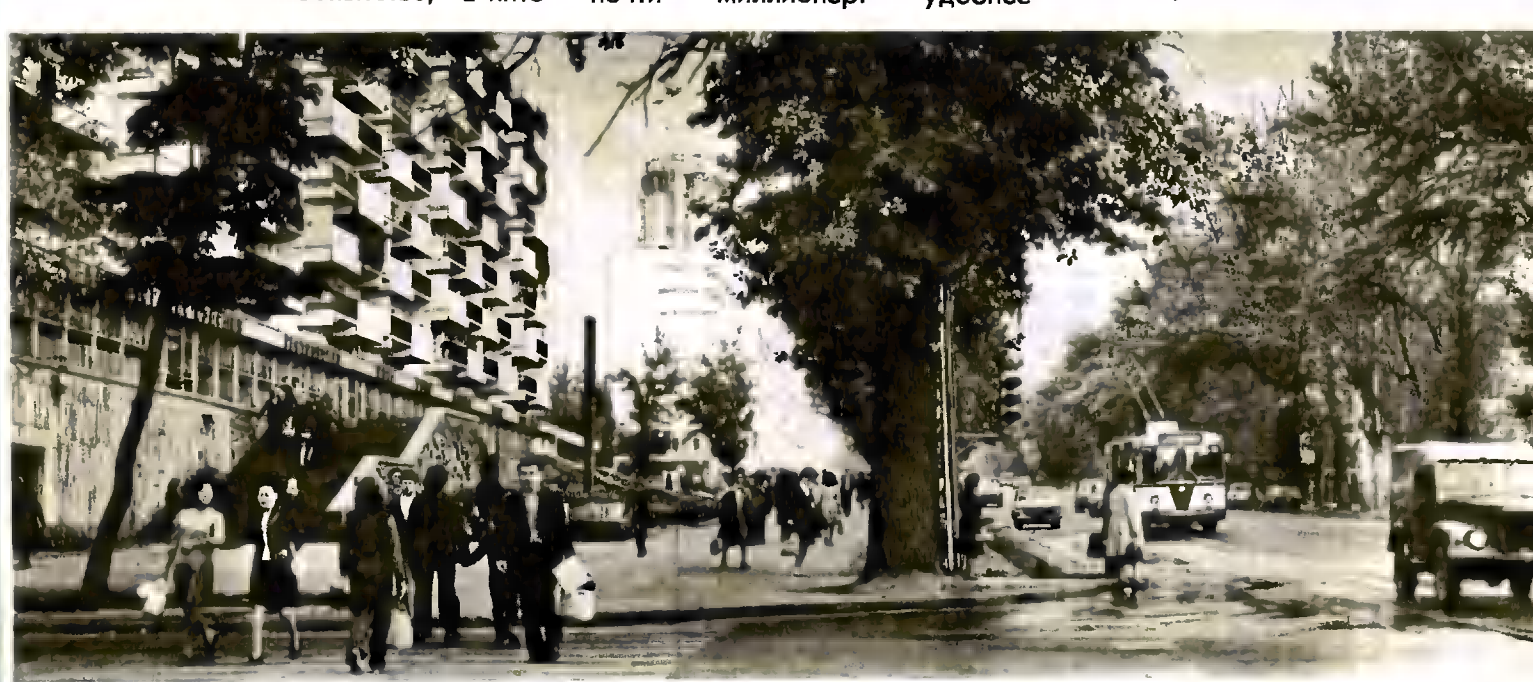
Опытный путешественник знает: к поездке нужно готовиться, «настраиваться» не нее, избавляясь от предубеждений и стереотипов. Второе правило: брать с собой не любопытство, а интерес. И тогда увидеть можно гораздо больше. При этом давно замечено, что все неподготовленные видят одно и то же, а более искушенные — каждый свое. Именно поэтому после возвращения домой им есть чем дополнить обнаруженное другими.

Есть такие «удобные» города, где улицы образуют строго прямоугольную сеть. В них легко ориентироваться: улиц мало и все они длинные, поэтому, зная общее направление, можно идти к цели разными путями. Таковы старая часть Кирова, Херсон.... Чем крупнее город, тем реже встречается такое. Но большой город Алма-Ата — по населению почти миллионер! — удобнее всех: его квадратная сетка положена на спускающийся к северу склон горы. Он почти окружен гигантской дугой гор. С них спускаются по двум небольшим речкам талые воды ледников и снежников. Многочисленные арыки и фонтаны получают идущую самотеком воду. Ее хватает и для людей, и для пышной растительности — Алма-Ата один из самых зеленых городов страны, и зелень его — не кустики, не чахлые березки. Огромные деревья дают обилие тени и прохлады.

Но Алма-Ата — город очень слабых ветров — полукольцо гор преграждает путь воздушным потокам. 77 процентов времени зимой и 45 процентов летом воздух почти недвижен — скорость ветра меньше одного метра в секунду. Это плохо: слабая вентиляция почти не разбавляет воздух, загрязняемый промышленными предприятиями и транспортом. Но дышится здесь легко — центр вечером кажется курортом, потому что за состоянием воздушного бассейна следят в Алма-Ате очень строго.

В городе нет крупных «грязных» производств. 80 процентов загрязнений воздуха создает автомобиль — в столице Казахстана транспорт развивается так же бурно, как и по всей стране. И на него обращается особое внимание: в автохозяйствах созданы контрольные посты на токсичность, благодаря им содержание

Алма-Ата. Проспект Ленина.
Фотохроника ТАСС.

окиси углерода в выхлопе уменьшено в 3—4 раза.

В Институте органического катализа и электрохимии Академии наук Казахской ССР созданы вещества, очищающие вредные выбросы автомобилей. Эти очистители запатентованы в ряде стран. Казахский гидрометеорологический институт организовал наблюдение над перемещением выбросов в атмосфере города. Наблюдения велись и с самолета, оснащенного специальными приборами. Закрываются коммунальные котельни, принимаются и другие меры по охране окружающей среды. В результате аэрозольное, пылевое загрязнение значительно сократилось.

Внимательно следят в городе не только за количеством зелени, но и за ее качественным составом. Ведь не только украшают улицы цветы, не только тень и прохладу дают деревья. Растения очищают воздух, но очищают поразному. Большая испарительная поверхность дает лиственным деревьям ряд преимуществ перед хвойными. (Ученые ФРГ подсчитали, что, например, один взрослый бук вырабатывает в час более полутора килограммов кислорода — «паек» для дыхания 64 человек — и при этом испаряет 400 литров воды в сутки). Подбор пород деревьев, своевременный и квалифицированный уход за ними — безусловная заслуга озеленителей столицы Казахстана.

Впрочем, говоря о деревьях вообще, мы забыли об одном из главных деревьев Алма-Атинской области — о яблоне. Ведь и само название города в переводе на русский — «отец яблок». Более 100 лет назад русский переселенец Егор Редько привез из-под Воронежа саженцы яблонь и скрестил их с местными сортами. Гибрид прославился на весь мир. У знаменитого алма-атинского апорта вес плодов нередко приближался к килограмму. Однако впоследствии за многие годы сорт начал вырождаться — плоды уменьшились до 200—300 граммов. Это более чем устроило бы, например, подмосковных садоводов, но алма-атинцы помнят о возможностях сорта. Много раз — и в Обществе охраны природы, и в Талгарском сельскохозяйственном техникуме, и на выставке работ садоводов-любителей — слышалась фраза: «Возродим былую славу апорта!»

Кто будет возрождать? Конечно, молодежь. В июле 1976 года пленум центрального совета Казахского общества охраны природы был специально посвящен природоохранному воспитанию молодежи. На нем говорилось, что за прошлую пятилетку фонд зеленых насаждений вырос более чем на 100 миллионов гектаров, что в республике 160 школьных лесничеств, что во всех вузах республики читаются курсы по охране природы. И именно молодежь в свободное время создала большую оранжерею в Талгаре.

Г. А. Токмагамбетов у одного из горных ледников Казахстана.

Ни лес, ни сад не вырастут без воды. А откуда ее взять в Казахстане, одном из наиболее удаленных от моря участков планеты? Ну, конечно, с гор. Но и здесь не все просто. Вода больше нужна весной и в начале лета. А ледники и снег в горах начинают интенсивно таять позже, когда достаточно прогреваются. Этот вопрос был одним из важных на всесоюзной встрече гляциологов в Алма-Ате осенью 1976 года. А зачем вообще изучать ледники? На этот вопрос ответил председатель Географического общества республики, заведующий сектором географии АН КазССР кандидат географических наук Ганибек Аскарович Токмагамбетов:

— Распространение льда на Земле существенно сказывается на формирование климата, гидрологических процессах, на планетарном круговороте воды. В нашей стране объем воды, хранящейся в ледниках, в несколько раз превышает годовой сток всех рек. Особое значение запасы влаги имеют для Казахстана с его сухими степями и полупустынями. Нам нужно научиться использовать эти запасы и одновременно уметь предотвращать катастрофические явления. Вот для чего необходимо знать, сколько воды аккумулировано в ледниках, каковы ресурсы льда. Созданы казахскими учеными 14 книг «Каталога ледников».

Основная масса ледников располагается на юге и на востоке Казахстана. Общая площадь оледенения — 2036 квадратных километров, а объем льда составляет 100 миллиардов кубометров. Это примерно равно годовому стоку всех рек республики.

— Как управлять ледниками, чтобы помочь разрешить проблему орошения земель?

— Управление тем или иным природным процессом возможно только тогда, когда он хорошо изучен, когда исследованы все его сложные взаимосвязи. К сожалению, всех законов развития ледников мы пока еще не знаем. Мы, в частности, не можем ответить на вопросы: могут ли ледники, уничтоженные при современном климате, возникать вновь, к каким изменениям циркуляции атмосферы приведет частичное уничтожение ледника и т. д. Вот почему мы сейчас тщательно изучаем явления и факторы, связанные с ледниками. И на многие вопросы уже можем ответить.

Так, по подсчетам, таяние ледников Казахстана дает ежегодно около двух миллиардов кубометров воды; этого достаточно для поддержания в засушливый год необходимого минимума влаги на площади около полутора миллионов гектаров. Встает вопрос об искусственном усилении таяния ледников: сейчас он в центре внимания исследователей. Мы считаем, что этот способ воздействия на природу целесообразно применять лишь в наиболее за-

сушливые годы. Ведь запасы пресной воды, законсервированной в ледниках, не безграничны, следует подумать и о том, как их пополнять. Сейчас в республике проводятся опыты по искусственному увеличению осадков в горных районах. Видимо, со временем мы сможем вызывать снегопады в горах.

Надо сказать, что ледники являются также источником крупных катастроф — селей. Жители гор знают: снежное покрывало, искрящееся под солнцем, может в одно мгновение обрушиться стремительной лавиной, уничтожающей дома, леса, линии связи и т. д. Один из наиболее селеопасных районов в нашей стране — хребет Заилийский Алатау. В последнее десятилетие на его северном склоне зарегистрирован ряд катастрофических селевых потоков, связанных с деятельностью ледников. Гляциологи разрабатывают научно обоснованные методы прогноза ледниковых селей и расчета их параметров, что необходимо для проектирования селезащитных сооружений. Уже действуют станции, прогнозирующие образование лавин. Но это лишь часть проблемы. Ученые ищут закономерности территориального распространения лавин, частоты их в том или ином районе, динамических свойств, чтобы создать средства защиты.

Чем больше мы проникаем в глубь этой, казалось бы, локальной проблемы, тем больше убеждаемся: природа редко задает науке простые задачи. Проблема ледников имеет исключительно сложные причинно-следственные взаимосвязи с другими природными явлениями и с деятельностью человека. Однако в конце концов наука обязательно раскрывает тайны природы и всегда оказывается, что в них нет ничего сверхъестественного.

Но ледники помогут только предгорьям. А ведь большая часть республики — степи. И степи маловодные.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» есть строка о проведении исследований и проектных проработок, связанных с проблемой переброски части стока северных и сибирских рек в Среднюю Азию, Казахстан и в бассейн Волги. Эта работа начата. По одному из проектов должен быть проложен канал от устья Иртыша до Нукуса.

Но и этого мало. Вода должна быть не только обильной. Она обязательно должна оставаться чистой. А чистая вода — это та, в которой живет рыба. Опыт охраны вод в Казахстане накоплен немалый. Это очистные сооружения и традиционный «Месячник охраны нерестующих рыб». Это удачный опыт восстановления озера Басенты вблизи Экибастуза: обмелевший из-за большого расхода воды на орошение водоем был спасен каналом, по которому пришли к нему воды Иртыша. Сейчас у горняков Экибастуза здесь зона отдыха, Дом рыбака. Удачный опыт вдохновляет: намечается пополнение иртышской водой и других озер.

Эта задача тесно связана с проблемой охраны лесов. Ведь лес обеспечивает равномерность стока рек, сам живет, если есть вода. Друг без друга воде и лесу плохо везде, в Казахстане особенно. Теперь это становится понятным.

Однако в тонких вопросах экологии осторожность никогда не бывает лишней. Еще недавно, например, алма-атинцы гордились тем, что алтайская белка прижилась в Заилийском Алатау. Сейчас уже ясно, что, расплодившись неумеренно, она способна съесть все семена уникальной тяньшаньской ели. Эта ошибка не страшна — ее можно исправить. Но ведь есть природные взаимодействия, значительно более сложные, с очень многими и разносторонними связями. И ученые стремятся их тщательно изучить, учесть, чтобы не допускать даже малейшего просчета в охране, сбережении природы Казахстана.

Человек — дитя природы, но он должен стать и рачительным ее хозяином. В Казахстане выбрано в этом смысле правильное направление. И поэтому так обнадеживающе звучали рекомендации смотра-конкурса, который провели комсомол и Общество охраны природы республики совместно с Министерством просвещения, Госкомитетом по профтехобразованию и Министерством высшего и среднего специального образования.

О чем писали русские газеты и журналы в июне 1878 года

Воскресенское приходское попечительство (Макарьевского уезда Нижегородской губернии. — **Ред.**) с ноября прошлого года и по настоящее время остается без председателя. Приход выбрал тогда председателем местного землевладельца г. Немчинова, но воскресенскому духовенству весьма «не по нраву» этот выбор прихода, — не по нраву потому, что новый председатель может взглянуть совершенно иначе на свою обязанность и может увидеть многое такое, чего прежний председатель не мог или не хотел замечать... Так, приход наш вот уже лет пять ропщет и стонет под чрезвычайными поборами своего духовенства, но ропот и стон его далее Антипина, Косолапова, Голодаева, Каменки и других деревень со включением самого Воскресенского никуда не заносится.

А будь председателем их приходского попечительства г. Немчинов, наверное, он не упустил бы случая и вполне излил бы пред его преосвященством жалобу бедного прихода... Например, мог ли бы остаться не разоблаченным следующий факт. 23 мая к г. Немчинову приходит крестьянин деревни Антипина Степан Никонов и заявляет, что священник Ф. Богородский не хоронит его отца и даже не дозволяет внести гроб в церковь, прося предварительно за погребение три рубля, а он, Степан Никонов, дает ему два рубля, которые с большим трудом занял у соседа, и более ни одной копейки не имеет и взять не знает где. Г. Немчинов как частное лицо на этот раз только мог ему посоветовать обратиться к становому приставу с заявлением на корыстолюбивого священника и попросить пристава сделать зависящее с его стороны распоряжение о погребении умершего крестьянина за рубль, а будь г. Немчинов председателем попечительства, наверное, этот факт не прошел бы бесследно. Вот почему духовенству и нежелательно иметь его председателем.

«Неделя»

Усердие прихожан к храму сказывалось... в том, что на всех иконах нижнего яруса иконостаса были новые ризы, но, признаюсь, я от души пожалел, что это усердие выразилось именно в такой форме. Дело в том, что все иконы в этом древнем храме были писаны по заказу строителя храма, бывшего владетеля села В., каким-то знаменитым художником и представляли, по свидетельству людей, знакомых с живописью, редкие образцы в этом роде. Теперь же аляповато сделанные ризы заслонили и живое выражение ликов, и удивительно нежные тоны и оттенки ландшафтов.

«Странник»

Григорий МЕДЫНСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ

Имя писателя Григория Александровича Медынского хорошо известно. Его книги «Марья», «Честь», «Трудная книга», «Разговор всерьез» привлекали и привлекают гражданственной позицией, мужеством и принципиальностью в подходе к сложнейшим нравственным проблемам, требовательной любовью к человеку.

Сейчас Григорий Медынский работает над книгой воспоминаний. Отрывки из нее мы предлагаем читателям журнала.

Фотография 1917 года.

В записке секретарю В. И. Ленин пишет об одной сотруднице, что если она «далеко живет и пешком ходит, то ее жалко» и ей в какие-то дни, когда нет вопросов, над которыми она работает, «можно раньше уходить и даже не ходить».

Жалко... Хорошее русское слово! Народное слово! Может быть, это одна только веточка, даже клетка в пышном древе нравственной философии человечества, но абсолютно необходимая клетка, без которой и все древо засохнет на корню, как евангельская бесплодная смоковница.

Расскажу в этой связи один давний, наводящий на размышления случай.

Семья моей жены Марии Никифоровны была большая — восемь человек детей и один, по сути дела, кормилец — Столяров Никифор Алексеевич, честнейшей и добрейшей души человек, выбившийся из крестьян в среднего ранга чиновника. Зимними вечерами при свете лучины отец семейства плел лапти, сбывая их знакомым крестьянам в обмен на меру картошки, летом, во внеслужебное время, вел свое полукрестьянское хозяйство на небольшом пригородном участке. Благо — ребят много, рабочие руки свои, а главное, есть немудрая, но пригодная лошаденка, любовно прозванная Малюткой.

Вот с ней-то и связан тот случай, о котором мне хочется рассказать.

«Святая», пасхальная ночь. У икон, в углу, мигают лампадки, в доме торжественная напряженность. Семья собирается в церковь, готовится, наряжается. Еще минута — и все выйдут на улицу и чинно-благородно, с достоинством, пойдут по знакомой дорожке, через мостик, к маячащему неподалеку, на «соборной горке», храму.

Вдруг — стук в дверь, частый, тревожный.

— Никифор Алексеевич! Никифор Алексеевич!

— Что такое?

В двери стоит девочка из знакомой, не то что семейно, но хорошо знакомой семьи.

— Никифор Алексеевич! Мама умирает!

— Что такое? Не может быть!

— Правда! Ее в больницу нужно срочно. Дайте лошадку! Пожалуйста!

Легко сказать — лошадку. А пасха? А семья?.. Ведь это значит — нужно самому запрягать и ехать, больше некому. Моментальный взгляд на жену, немного своенравную, сварливую, несговорчивую, потом — еще вопрос к Машеньке:

— А может, перетерпит до утра?

— Нет! Ей очень плохо! Очень! Очень! — в голосе девочки слезы, отчаянная мольба.

Минута колебания.

— А как же церковь? — вмешивается жена.

— Нюша!.. Стыдно!

Это было в его устах верхом осуждения — «Стыдно!»

Не переодеваясь, во всем праздничном, как был, Никифор Алексеевич запряг свою Малютку и помчался за больной.

Оказалось, что все было действительно плохо. Очень плохо. До утра больная не дожила бы. Зато потом, придя в себя после срочной операции, она на всю жизнь заказала дочери почитать Никифора Алексеевича как родного отца.

Прошли годы, Никифора Алексеевича не стало, а Машенька, превратившись в Марию Михайловну, перенесла свою любовь и признательность на всю его семью, прошла войну, вступила в партию, много лет работала на ответственной работе и, даже выйдя на пенсию, продолжает активную партийную деятельность.

Нет, жалость — не пережиток, это — нормальное, естественное, благородное человеческое чувство, больше того — это эмбрион, почка, из которой вырастает внимание к человеку, любовь к человеку, все то пышное древо общественной нравственности, которое делает человека человеком. И, очищая это древо от разного рода исторических, в том числе и религиозных наростов и елейных искривлений, берегите эту его первородную и животворную почку, почку доброты, потому что иначе...

Все это я понял много позже, прожив жизнь и

столкнувшись во множестве с труднейшими судьбами трудных людей, героями «Чести» и «Трудной книги», в которых я по-человечески жалел и граждански ненавидел, ненавидел и жалел погибающие в них человеческие сущности. А пока... А пока я расскажу, как я к этому шел.

Я — сын сельского священника и, вероятно, поэтому стал ярым безбожником. Ленин высказал как-то очень важную мысль: каждый идет к социализму своим путем. Для меня таким путем было преодоление религии, а потом борьба с ней. Эта борьба была для меня формой отталкивания от старого мира, но не простым, не вульгарно-нигилистическим: «Крой, Ванька, бога нет!»,— а углубленным осмысливанием этой всемирно-эпохальной, исторической проблемы.

В. А. Сухомлинский в его лучшей, на мой взгляд, книге «Рождение гражданина» пишет: «Нельзя «одним взмахом» расправляться с религией, объявив ее «мракобесием», «тормозом науки». Такое «ниспровержение» религии только усиливает интерес подростков к ней. **Подростки должны понять религию** как отражение окружающего мира в сложной, противоречивой духовной жизни человека. Без понимания религии невозможен настоящий атеизм. А без атеизма, без настоящего свободомыслия невозможна коммунистическая идейность, убежденность в справедливости благороднейших идеалов человечества».

Таким примерно путем я и шел в своем развитии. Но зародыши этого были заложены, как я теперь понимаю, в моем детстве, в юности, в моей семье, интересной, своеобразной и не совсем обычной для того круга; дух ее значительно отличался от затхлого духа замшелого сельского духовенства.

И прежде всего мне хочется сказать о своей матери. Она рано умерла — когда мне было одиннадцать лет, и, может быть, поэтому у меня сохранилось о ней впечатление как об источнике света и любви. Это была женщина сильная и благородная. Мне было, по моим расчетам, шесть-семь лет, когда она, хозяйка дома, мать четверых детей, оставила их на руках отца,— конечно, с его ведома и согласия,— и на несколько месяцев,— помнится, на всю зиму,— уехала в Калугу на акушерские курсы. У нее были две сестры и брат, все они были сельскими учителями, демократами, а она оказалась попадьей. Но душа у нее была живая, и, видимо, поэтому мама не смирилась с судьбой, сумела найти свой жизненный путь и призвание. Вернулась она акушеркой, и с тех пор до последнего дня ее жизни я помню это ее служение народу. Родильных домов тогда не было, и вот в ночь-полночь, в осеннюю слякоть и зимнюю стужу возле нашего дома останавливается подвода, мама собирает свой инструментарий и едет куда-то принимать в мир нового человека. Вот почему ее образ остался во мне самым светлым, самым святым на всю мою жизнь, и пусть на свете будет больше таких людей, как она, моя мама.

С отцом все было сложнее. С ним связано больше лет жизни, больше возникавших в процессе этой жизни вопросов, проблем, осмысливаний и переживаний, больших и маленьких, и острых, доходивших до серьезнейших, чуть не насмерть, идейных споров, даже ссор.

Это был человек широкой натуры, общительный, как говорится, компанейский, любивший — да! — и выпить, и угостить, и угоститься. И когда я смотрю на знаменитую картину Перова «Сельский крестный ход на пасхе», вижу еле держащегося на ногах, оплывшего от частых угощений лохматого попика, перевернутую кверху ногами икону, валяющегося под крыльцом «в дымину» пьяного «крестоносца» — всю эту смесь религиозного ханжества и элементарного человеческого свинства, я живо представляю знакомые картины нашей «приходской» жизни.

Все это меня сначала огорчало, потом возмущало, вызывало протест, из которого вырастали все больше обострявшиеся и углублявшиеся конфлик-

Иллюстрациями к «Воспоминаниям» Г. Медынского послужили картины советских художников первых послереволюционных лет.

И. Владимиров. Долой орла! 1917.

ты. И в то же время мой отец был человек умный и остроумный, умевший понять другого человека, вникнуть в его жизнь и, чем можно, помочь. Жил он открыто, широко, имел много знакомых, друзей, умел понимать и привлекать людей. Прихожане тянулись к нему — кто выпить, кто поговорить, отвести душу, решить какой-то семейный или хозяйственный вопрос или просто так «потолковать».

Нет, я не собираюсь делать из отца какое-то исключение, перекрашивать его из одного цвета в другой. В конце концов, это был обыкновенный «служитель бога на земле», выполнявший все, что ему было положено по должности,— крестил, венчал, отпевал, провозглашал многолетие государю императору и всему царствующему дому. Но в то же время для своего круга и времени он был человеком широких умственных и общественных интересов, много и во многом разбирался. В его библиотеке я читал такие книги, как «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханова, горьковские сборники «Знание».

Вот за это я благодарен своему отцу. Он привил мне широту взглядов и способность мыслить. «А почему ты так легко соглашаешься со мной? — подзадоривал он меня в разговорах.— Ты спорь, спорь!» Я благодарен ему за то, что не сделал меня белоручкой, барчуком — я много работал, пахал, возил навоз, любил косить и очень понимал Левина, когда читал потом толстовскую «Анну Каренину».

Я благодарен своему отцу за то, что он никогда не натаскивал меня в божественных вопросах и, когда мне пришла пора учиться, отдал меня не в свое «профессиональное», духовное училище, которое могло определить мою судьбу, а в светскую казенную гимназию.

Я благодарен своему отцу и за то, что, сам любя литературу, он прививал эту любовь и нам, своим детям. «Над седой равниной моря ветер тучи собирает»,— горьковский «Буревестник» я впервые услышал в его чтении. И знаменитые короленковские «Огни». И Некрасова. И многое-многое другое. И, может быть, из этих вечерних семейных чтений выросла моя любовь к нашей великой, бессмертной русской литературе. На ней мы, юноши того времени, учились углубленному пониманию жизни и смысла нашего существования, и патриотизма, и любви к человеку, любви к правде и ненависти ко злу и лжи.

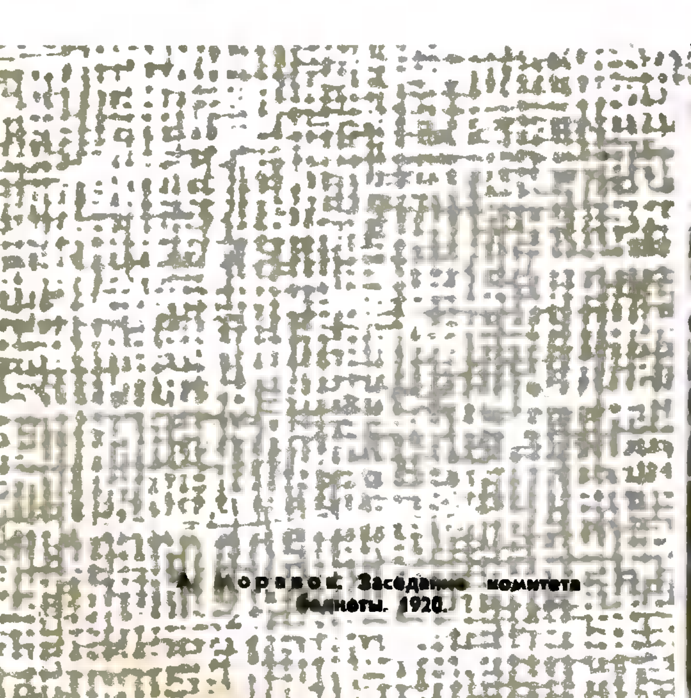
...На нашем мирном деревенском кладбище хоронили солдата, который вернулся с фронта после тяжелого ранения и вскоре умер. Над его могилой теперь голосила и причитала жена, охватившая руками двух тоже кричавших детей. Я все это видел и спросил себя и господа бога: как он допустил это, он, которого религия называет всемудрым, всеблагим и всесильным? Зачем? Почему? «Самодержец мира, ты неправ!» — сказал я себе словами популярного тогда стихотворения.

И всему этому служит мой отец!..

И вот в «Воскресении» Льва Толстого, в описании богослужения, я читаю разоблачение того, что я видел в натуре: показной стороны богослужения, его мишуры и фальши. «Ты говоришь, что Христом поставлены великие заветы,— писал я отцу.— А что сделано по их осуществлению? Две тысячи лет существования христианства были историей все большего и большего нравственного падения церкви, а вместе с нею, пожалуй, и человечества, и лишь помимо церкви, даже вопреки ей лучшие люди стали выдвигать другие принципы и идеалы...

Вы представляете жизнь, которая официально зиждится на религии, на идее бога, того самого, всемудрого и всеблагого: она, эта идея, утверждает и освящает и царя, и пресловутого Гришку Распутина, и бессмысленную войну 1914 года, и все прочие мерзости жизни.

Вы игнорируете действительность, вы создаете химеры, миражи, пускаете мыльные пузыри, за которыми бесплодно гоняются несчастные людишки!

А. Моравов. Заседание комитета бедноты. 1920.

А мы, опираясь на мысль, на науку, ищем правду и на этом прочном фундаменте строим идеалы, не обманчивые, как ваши, а вполне досягаемые и земные».

Правда, я написал это после революции, когда Октябрьский перелом развел нас по разные стороны идейных баррикад. А тогда я к этому только шел. Но шел...

В желтой, уже обтрепанной временем, но каким-то чудом сохранившейся через грохочущее полстолетие записной книжечке тех лет я читаю сейчас свою запись: «Ну, а если ты сознаешь, что этот «всемудрый» и «всеблагий» есть только камень, за который ты прячешь свою голову? Если ты, веря или желая верить в эту иллюзию, понимаешь, что это ложь, выдумка, опять тот же проклятый камень? Тогда-то как же?»

Из этой «драматической» ситуации я нахожу простой выход: беру в одну руку икону, в другую топор и раскалываю икону пополам. На всякий случай я закрываю глаза в ожидании грома небесного, но... но грома не следует, и с богом у меня таким образом покончено раз и навсегда.

Мальчишество? Может быть? Может быть! Может быть, даже хуже. Определенно хуже! Но тогда для меня это было всерьез, даже слишком всерьез. Это был шаг к будущим и далеко не мальчишеским мыслям о жизни без бога, о нравственности без бога, с которым я знаком был в детстве и которому не нашлось во мне места в зрелости и на склоне лет. А это и есть, на мой взгляд, подлинная нравственность, не навязанная и не предписанная свыше под страхом наказания, а своя, собственно человеческая нравственность, когда не возвышенные словеса и лозунги, а сама жизнь, работа, деятельность человека говорят сами за себя — какова его вера и каково его учение. Как писал Феликс Дзержинский в своей автобиографии: «За верой должны следовать дела». А без этого любая религия и все наимудрейшие учения и архиреволюционные лозунги мертвы.

Это то, к чему я пришел теперь — «под вечер жизни моей». А тогда первым результатом истории с иконой был мой доклад в нашем тайном ученическом кружке — нет, не революционном, а, так сказать, мыслительном, в котором мы обсуждали разные научные и мировоззренческие темы. Там я и сделал доклад на тему «Есть ли бог?». Это было где-то в преддверии Февральской революции. Тогда, осмысливая океан новых проблем, возникших в жизни, я записал в своем к счастью сохранившемся дневнике того огнедышащего времени: «Наше время — время переходное, время переоценки всех ценностей, когда разбиваются старые скрижали и пишутся новые. Потому-то и необходимо запечатлеть этот момент борьбы двух мировоззрений, постигнуть их сущность, понять — что в этих мировоззрениях хорошее и что плохое.

Этот кризис должен прежде всего касаться области философии и религии. Религия — создание человека, которое до сих пор считалось великим, поставившим человека на пьедестал святости и славы от соприкосновения с божеством.

Теперь это создание рушится, как негодный истукан, и на его место воздвигается новый кумир — позитивная, материалистическая философия, отрицающая всякое инобытие, кроме человека и его матери — природы. Интересно понять и образно выразить столкновение этих двух мировоззрений».

Образно мне это выразить не пришлось, так как литературное развитие мое пошло другими дорогами, но решению, вернее рассмотрению этой проблемы я посвятил несколько лет, а по существу — не выпускаю ее из поля своего внимания и до сих пор.

Итак: «Есть ли бог?» Эта тема моего юношеского доклада послужила зерном, точнее эмбрионом дальнейшего моего развития. Потом к этому гимназическому вопросу прибавились взгляды идеологов боевого французского материализма XVIII века, идеи Маркса. А так как в это время пересматривались основные человеческие ценности, то оно, это время, и явилось плодоносной почвой, на которой, видимо, и развился тот самый эмбрион. Я много думал, много читал по истории и философии религии, занимался в семинаре по антирелигиозному воспитанию и, наконец, работая в детском приемнике для беспризорных, присматривался и прислушивался к жизни, к суждениям и настроениям детей, не прекращая работы над своим «эмбрионом», ставшим моей кровной темой.

Я стал работать над книгой, которая сначала называлась «Человек или божество?». Сверху нарисована эмблема — гора Голгофа — место распятия Христа, над нею — пятиконечная звезда, из нее молния ударяет в стоящий на Голгофе крест, он падает, и на его место водворяется Красное знамя. Через несколько лет в результате этой работы увидела свет моя первая книга под заглавием «Буржуазия и религия», вышедшая в издательстве «Атеист» в 1928 году [1]. Книга компилятивная, перенасыщенная многочисленными цитатами и ссылками, подкрепляющими и иллюстрирующими известную концепцию Энгельса по данному вопросу. Это и было пунктирно выражено в подзаголовках: «Буржуазия погорячилась», «Буржуазия спохватилась», «Буржуазия обосновывает религию».

В общем и целом я писал вот о чем.

Меняются времена, меняются и нравы. Добившись власти, буржуазия из класса революционного стала классом консервативным, даже реакционным, и, в соответствии с этим, в ее философии начинается коренной сдвиг: от материализма она поворачивает к идеализму, от атеизма к теизму. Но уже один тот факт, что на место старого «бородатого» бога стал бог «бритый», принимавший формы различных философских построений и измышлений, вроде «Мирового Разума» Гегеля, «Мировой Воли» Шопенгауэра или эмпирического бога Джемса,— один этот факт говорит о том, что юношеское увлечение буржуазии атеизмом не прошло для нее даром, что устои религии начали шататься, несмотря на все попытки и усилия подкрепить ее разного рода подпорками и философскими суррогатами бога. Однако эти «подпорки» не оправдали себя и одна за другой тоже рушились, не будучи способными сделаться широкими, обобщающими принципами человеческого опыта. И тогда оставалось одно, говоря устами поповствующего фило-

[1] Эта книга, так же как и две последующие, вышли под моей фамилией — Г. А. Покровский. Г. Медынский — мой литературный псевдоним.

софа Сергея Булгакова,— «возврат к вере детских дней, вере в распятого бога и его святое евангелие, как высочайшую и глубочайшую истину о человеке и его жизни» («Интеллигенция и религия»). Круг замкнут!

Такова в общих чертах концепция и структура этой моей книги, и в ней — больше, пожалуй, в структуре, чем в концепции,— редакция «Атеиста» увидела ее ценность. Об этом мне и сказал главный редактор И. А. Шпицберг. Книга была принята, очень быстро вышла, и я с глупым, вероятно, видом, как отец своего первенца, держал ее в руках — зелененькую, очень, по современным критериям, простенькую, но такую милую и трепетную.

Считаю своим долгом сказать что-то и о «восприемнике» этого моего детища — об издательстве «Атеист».

Прежде всего, это было не государственное, а общественное издательство, созданное усилиями небольшой группы энтузиастов, воспринявших гениальный ход ленинской стратегии — новую экономическую политику — как высвобождение и развертывание не только «купецкой», но и более общей и многосторонней инициативы в разных областях общественной жизни, в том числе и идеологической.

Помещалось это издательство в Москве, в небольшом, в три комнатки, флигелечке возле Никитских ворот (Гранатный переулок, 1). Две из этих комнат занимало собственно издательство, а в третьей жил его основатель и бессменный руководитель Иван Анатолиевич Шпицберг, одинокий, лет под пятьдесят человек, обрусевший латыш.

Это был интересный человек, с острым, аналитическим умом и неутолимой жаждой знаний. Он обладал не столь часто встречающимся талантом слушать, быстро улавливать суть вещей и таким образом восполнять недостатки своего образования. Человек несколько эпикурейского склада, общительный, открытый, без излишней подозрительности и догматической узости, он умел видеть людей, понимать их и привлекать к своему делу.

А дело он затеял необычное. Одно время он был на сложной следственной работе, затем какими-то своими путями пришел к пониманию важности и необходимости углубленной постановки антирелигиозной пропаганды, в отличие от той лобовой, а порою и озорной и, следовательно, вредной практики антипоповских карнавалов типа «Комсомольского рождества» и «Комсомольской пасхи»:

Долой, долой монахов,
Долой, долой попов!
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов.
И т. п.

Именно поэтому он организовал небольшую группу энтузиастов, из которой потом выросло это интересное и своеобразное добровольное научное общество «Атеист».

Эпиграфом для всех его изданий было: «Религия — дурман для народа», а эмблемой — фигура освободившегося от оков человека, разбивающего и ниспровергающего мощным ударом молота статуи богов. В его программе, печатавшейся на обложке почти каждого издания, указывались основные направления издательства: церковь и государство, история атеизма, библиография и хроника антирелигиозного движения у нас и за рубежом. Первым значился отдел «религиозно-исторический и культурно-исторический, посвященный вопросам истории религии и культуры как в нашем, т. е. материалистическом освещении, так и в освещении чуждых нам, но дающих обширный фактический материал исследователей, **особенно иностранных**, поскольку этот материал может быть использован в интересах воинствующего атеизма».

Одним словом, это Общество, а вместе с ним и все его издания — книги и ежемесячный журнал «Атеист» — носили не поверхностно-агитационный, а серьезный, углубленный, научный характер. В качестве примера могу назвать «Историю атеизма» И. П. Вороницына, большой, из пяти объемистых выпусков, труд, действительно охватывающий всю историю — от атеизма древности, через эпоху Возрождения, французского просвещения, немецкой философии, к свободомыслию в России и к марксизму в русском революционном движении.

Из иностранных работ подобного рода не могу не отметить издание капитальнейшего — более тысячи страниц, разбитых на четыре выпуска,— иссле-

К. Юон. Парад Красной Армии. 1923

дования 74-летнего члена британской академии Джемса Фрэзера — «Золотая ветвь» — по истории и сущности первобытной религии и ее пережитков в современности. В предисловии к этой книге профессор Московского университета П. Ф. Преображенский, отметив недостаток труда почтенного академика («диалектика религиозного развития рассматривается им сама по себе, без связи с экономическими и социальными условиями», «он не касается вопроса об истинности и ценности религиозных верований»), тем не менее указывал на несомненную научную и культурную ценность этой колоссальной работы, оказавшей «чрезвычайно большое влияние на европейскую науку о духовной эволюции человечества» и «заставившей пересмотреть теорию о происхождении религии».

Еще с большей определенностью говорится о работе Фрэзера в редакционных замечаниях «Атеиста»: факты, приводимые исследователем, «метят дальше и выше, чем это угодно их автору», и потому «Золотая ветвь», «вскрывая самые истоки основных религиозных представлений и обрядов, давая их, так сказать, эмбриологию, оказывает незаменимую услугу марксизму и атеизму».

В другом месте:

«Советская антирелигиозная мысль до сих пор в объяснении происхождения и развития основных культов, и прежде всего христианства, подчеркивала и выпячивала сравнительно религиозный момент, выводя мифологические и обрядовые элементы этих культов из простого заимствования и приспособления классовой церковью тех или иных представлений и обрядов варварской религиозной мысли. Такое объяснение оставляло зияющий пробел в атеистической истории и критике религии». А потому, как сказано в заключительных замечаниях, «мы не сомневаемся, что «Золотая ветвь» заставит наших антирелигиозников кое-что пересмотреть в вопросе о происхождении религии».

Таково общее направление и общий, лишенный узкого догматизма, дух этого интересного Общества. А вот его будни.

Передо мной случайно сохранившийся, напечатанный на тонкой, папиросной бумаге протокол № 129 общего собрания членов общества «Атеист» от 24 ноября 1929 года: «Слушали: доклад И. А. Шпицберга о научно-пропагандистском плане «Атеиста» на 1930 год и об утверждении такового общим собранием». Оглашается «список изданий, находящихся в настоящее время в работе и имеющих выйти к 1 января 1930 г.». В этом списке 30 наименований, тираж изданий 40—60 тысяч, все издания обеспечены бумагой. В плане изданий на 1930 год — 70 наименований, работы по этому плану частью уже закончены, частью — в стадии завершения.

«В прениях по докладу,— читаем дальше,— высказываются члены собрания». Предлагается внести в план «Атеиста» дополнительно пять брошюр серии «Секты и религии Востока»: а) шаманизм, б) исламизм, в) шейхизм, г) ламаизм, д) дервишизм... Подвергаются критике некоторые брошюры, изданные «Атеистом», указывается на необходимость внесения в план следующих книг: 1. «Идеалистическая философия и проблема материи» и 2. «Случайность, необходимость и целесообразность». А в заключение, после доклада об экономическом положении организации («долгов у организации нет, а прибыль составляет 23 тысячи рублей»), выносится решение «о посылке 60 бесплатных библиотечек по 50 рублей каждая Дальневосточной Красной Армии им. Блюхера».

Вот в такую творческую и демократическую атмосферу я попал с первым моим опусом и сразу почувствовал себя там своим человеком. Я увидел ободряющую заинтересованность — мне сразу предложили новую работу.

— А что вы думаете насчет Есенина? — спросил меня Иван Анатолиевич.

Что я мог думать насчет Есенина? Конечно, я знал и любил его поэзию. Но слышал и бесконечные разговоры о каких-то его похождениях и, наконец, о его трагическом конце. В разговорах этих, а в конце концов и в печати, все больше и чаще стало звучать слово «есенинщина», и вот о ней-то заговорил Иван Анатолиевич.

— Что такое есенинщина? Думаете, просто хулиганство? Это — упадочничество, духовная пустота, уход от жизни, да, и в хулиганство, но и в трогательную грусть, и в безнадежность, а в конце концов в смерть. А ведь поэт! Божией милостью поэт. Прочитаешь о каком-нибудь клене или белоствольных березках — сердце щемит. А помните вы такие строки:

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил,
Горько мне, что не верю теперь.

— Так, что же он — верил или не верил? — спросил Иван Анатолиевич.— Накрутил он тут и напутал много. Что если разобраться?.. А? Попробуем?..

Так зародилась книга «Есенин — есенинщина — религия».

Ушел я в эту работу с головою. Целыми днями просиживал в Ленинской библиотеке, проработал и прочувствовал все четыре тома первого полного собрания произведений Есенина, всю журнальную литературу о нем. И многое понял. В предисловии к одному из последних сборников он пишет:

«Самый щекотливый этап — это моя религиозность, которая очень отчетливо отразилась в моих ранних произведениях. Этот этап я не считаю творчески мне принадлежащим. Он есть условие моего воспитания и той среды, где я вращался в первую пору моей литературной деятельности. Я вовсе не религиозный человек и не мистик. А реалист». Поэтому он убеждает читателя не усматривать в произведениях этого этапа какие-то «протухшие настроения» и относиться «ко всем моим Иисусам, божьим матерям и Миколам как к сказочному в поэзии». То же самое я прочитал и в его автобиографии: «От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как **путь поэта до революции».**

В том-то и дело: пройденное невозвратимо, и отказаться от него нельзя, потому что все это и составляет путь поэта в его объективной целостности. А потому заглянем, хотя бы мельком, в это пройденное.

Есенин повез в Петербург свои первые пробы пера. Что он там встретил?

Атмосферу идеализма, мистики и эстетства, которой дышали многие литераторы предоктябрьской поры и которая захватила Есенина. Об этом кое-что рассказывал мне позже Сергей Митрофанович Городецкий. Сборник его стихов «Ярь», тоже наполненный полуязыческими-полурелигиозными образами, оказал на молодого Есенина некоторое влияние. В интересах точности сошлюсь на воспоминания самого Городецкого, напечатанные в свое время в «Новом мире» (1926, № 2).

— Что дал я ему? — спрашивает автор.— Положительного — помощь в первых литературных шагах. Отрицательного — много больше: все, что воспитала во мне тогдашняя литература питерская — эстетику рабской деревни, красоту тлена и безысходного бунта... Стык наших питерских литературных мечтаний с голосом, рожденным деревней, казался нам оправданием всей нашей работы и праздником какого-то нового народничества. Нам казалось, что празднуем мы, а на самом деле торжествовала свою победу идеалистическая философия, теория нисхождения Вячеслава Иванова, который тоже весьма сочувственно отнесся к Есенину. Но была еще одна сила, которая окончательно обволокла Есенина идеализмом. Это — Клюев... Он был лучшим выразителем той идеалистической системы образов, которую нес в себе Есенин и все мы. Но, в то время как для нас эта система была литературным исканием, для него она была крепким мировоззрением, укладом жизни, формой отношения к миру.

Можно ли отнять или изъять у Есенина его религиозные стихи и кастрировать таким образом противоречивое, сложное, и именно сложностью этой богатое, творчество поэта, не рискуя нарушить и даже разрушить его органическую художественную целостность? Попробуйте-ка отделить религиозный вопрос от всего остального творчества у Достоевского. Ничего не выйдет: религия как мироощущение и мироотношение была тем центральным узлом, где сходились для него все острейшие проблемы современности. Так же и Есенин.

Вот эта, лишенная упрощенчества позиция и легла в основу моей книги о Есенине, есенинщине и религии. Нет, не одна только лирика, клены и белые березы, не одни рязанские просторы составляют основу поэзии Есенина. Это куда более сложный и, я бы сказал, трагедийный путь — через крутые виражи и острейшие противоречия эпохи, с которой он прожил свою до обиды короткую, но такую звучную жизнь. И чувство Родины, основное в его творчестве, соответственно менялось и углублялось в разные периоды этой сложной жизни:

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь,
Сенокос некошеный,
Лес да монастырь.

Этот общий тон, являясь исходным в есенинском восприятии России, резко меняется, когда «задремавшая Русь» проснулась, и «кроткая «Родина» показала себя в огневом семнадцатом году. Революция принята сразу и без остатка. И уж коли так:

Да здравствует революция
На земле и на небесах.

Но подлинная революция шла своими, земными путями, она разбила мистический ореол, которым окружили ее горячие головы, и показала свое настоящее суровое лицо. И поэт задумался:

Е. Чепцов. Переподготовка учителей. 1925.

С. Лучишкин. Праздник книги. 1927.

О, кого же, кого же петь
В этом бешеном зареве трупов?..
Кто это? Русь моя, кто ты? кто?

Поэт испытывает чувство растерянности:

И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Это и было то самое настроение, состояние души, что получило название «есенинщины».

Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.

И вот трагедия отрыва от идущей мимо него жизни той Родины, которую он так любил и воспевал во всю силу своего искреннего и честного таланта: «В этом мире я только прохожий».

Так постепенно раскрывался передо мною смысл тех есенинских строк, с которых начался наш разговор с Иваном Анатолиевичем.

Следующую тему я сам предложил И. А. Шпицбергу — «Достоевский и религия». Иван Анатолиевич охотно утвердил мою заявку. И опять целые дни, проведенные в «Ленинке», опять — книги, журналы, воспоминания и даже изучение в архиве собственноручных, тогда еще неопубликованных, записей Достоевского — с еще не разобранными до конца словами.

«Маша лежит на столе, увижусь ли с Машей?» — запись в день смерти его первой жены. Или другое: «Социалисты хотят переродить человека, освободить его (здесь слово не разобрано) без бога и без семейства. Они заключают, что, изменив насильно экономический быт (его), цель достигнута. Но человек изменится не от внешних причин, а не иначе, как от переделки (это слово написано неразборчиво) нравственной».

Все это приводилось в моей, появившейся в результате большой работы книге: «Мученик богоискательства (Достоевский и религия)». Я не буду говорить о ней подробно — в сокращенном виде она впоследствии вошла в мою обобщающую книгу, посвященную всем этим вопросам,— «Религиозные влияния в русской литературе» [2]. Вышла она в 1933 году (под псевдонимом Г. Мединский), когда я стал членом Союза советских писателей. Так как общество и издательство «Атеист» к тому времени были ликвидированы, то книга, о которой идет речь, вышла уже в Государственном антирелигиозном издательстве (ГАИЗ). И сам я, кстати, стал членом Союза воинствующих безбожников, включился в его и организационную и пропагандистско-лекционную работу.

Здесь я хочу остановиться на самой постановке вопроса: почему «религиозные влияния», а не «атеизм» в художественной литературе?

Конечно, важно и полезно показать развитие атеистической идеи в литературе, ее непобедимую силу. Но читателя интересует и другое — религиозные мотивы в творчестве Достоевского, Блока, некоторые не всем понятные нюансы в поэзии Некрасова, Шевченко, даже Горького... Они подают записки и на литературных вечерах, и на атеистических лекциях. Защитники религии тоже не обходят этих вопросов, стараясь использовать их в своих интересах. Можем ли мы оставлять им это поле деятельности, стыдливо замалчивать острые вопросы, ограничиваться лишь популяризацией атеистических мотивов в художественной литературе, затушевывая, а то и игнорируя религиозные мотивы в ней?

Наша пропаганда должна быть глубокой, острой, боевой, наступательной и потому — смелой. Не только популяризировать несомненное, а разъяснять сомнительное, спорное, не обходить острые моменты, а вскрывать их и давать им правильное разрешение — вот наша задача, не исключающая, а предполагающая, конечно, и показ положительных образцов атеистической мысли.

Поэтому нельзя говорить об атеизме Пушкина и не объяснять его стихи, в которых идет речь о боге. Нельзя говорить о Горьком и обходить молчанием его «Исповедь», его проповедь богостроительства. Или взять Некрасова. В его творчестве четко вскрывается классовая роль религии. С другой стороны, Христос для него — «бог угнетенных, бог скорбящих», «бог гнева и печали», прибежище для рабов, высший судия, карающая десница для царей земных, и в то же время воплощение высших нравственных качеств и вдохновитель революционера, идущего в Сибирь за народное дело.

Кстати, разбору именно этих вопросов была посвящена моя книга, вышедшая еще во времена «Атеиста»,— «Поэт Некрасов и религия».

Подобные же мотивы, мотивы идеализации «чистого» христианства, попытка сблизить его с коммунизмом, представление о христианстве как о воплощении высших этических принципов мы встречаем у утопических социалистов (Сен-Симона, Кабе, Фурье, Вейтлинга) с их религиозно-романтической концепцией «правосудного бога», «бога правды», «бога справедливости», освящающего дело революционной борьбы. Все это было выражением незрелости движения, незрелости сознания народа. Ведь марсельезой Крестьянской войны в Германии был гимн «Господь — наша сила».

«Чтобы воздействовать на массы,— замечает по этому поводу Энгельс,— она (поэзия прошлых революций) должна отражать и предрассудки масс того времени».

Одним словом, нельзя искусственно кромсать живое тело литературы в поисках только «атеистических мотивов»; в этом случае и Толстого с Достоевским можно сделать чуть ли не безбожниками. Писателя нужно брать во всей его сложности и противоречивости, популяризируя сильные его стороны, вскрывая и объясняя слабые и делая из всего этого поучительные и воспитующие выводы. Важно объективно исследовать роль литературы и ее наиболее крупных представителей в том великом историческом процессе преодоления религии, который продолжался и продолжается на протяжении столетий.

Естественно, что в своей книге «Религиозные влияния в русской литературе» я особое внимание

[2] Разумеется, с высоты минувших десятилетий легко увидеть изъяны этой книги — упрощение в подходе к художественному творчеству, односторонность в оценке тех или иных писателей. И естественно, что современные литературоведение и критика вносят соответствующие уточнения (см., например, статью В. Г. Базанова «Судьба одного мифа» в журнале «Вопросы литературы» № 2 за 1978 г.).

уделяю творчеству Достоевского и Толстого, для которых вопросы религии занимали центральное, стержневое положение.

«Нам прежде всего надо предвечные вопросы решить»,— говорит Иван Карамазов своему брату Алеше. Достоевский и Толстой бьются над этими «предвечными» вопросами — о боге, о душе, бессмертии и т. д., и т. п. Вдумайтесь в ход их мыслей, в аргументацию, и вы увидите, что за этим «идеологическим дымом» скрываются актуальнейшие общественно-политические вопросы того времени.

Чем жить? Как жить? Может ли разум лежать в основе человеческой деятельности? Какова вообще роль разумности в жизни? Что должно лежать в основе человеческих действий? Можно ли жить бунтом? Есть ли пределы человеческому своеволию? Какова роль насилия? И какова природа этических принципов? Что из всего этого характерно для русского человека? Можно ли вообще говорить о «русской душе»? Какова роль и назначение русского народа? Каково его отношение к другим народам? И, наконец,— каково его отношение к революции и социализму?

Все эти вопросы варьировались и переплетались у Достоевского и Толстого, за всеми ними, как это очевидно, скрывались коренные вопросы назревающей революции.

Уже самый факт постановки «предвечных» вопросов в ту эпоху играл несомненную роль в деле пробуждения мысли, что я испытал и на самом себе. Есть ли бог, или нет бога? Вопрос, который раньше был уделом Прометеев, избранных героических личностей и мыслителей, теперь ставился во весь рост перед рядовым читателем. Пусть сами писатели разрешили его каждый по-своему, но мысль читателя шла своими путями — перед ней ставились немыслимые раньше вопросы, раскрывались совершенно неожиданные их стороны и грани, и то, что раньше казалось нерушимым, как крепость, начинало шататься.

Стремление укрепить религию заставило писателей очищать ее от всякой гнили. Это приводило к критике церкви, к разоблачению связи ее с эксплуататорскими классами, к вскрытию классовой роли религии.

Соответствующие места из произведений Толстого общеизвестны. Но и Достоевский дает нам немало прекрасных примеров подобного рода. Возьмите историю с Ришаром, которого провожают на эшафот с ханжескими вздохами «умри во господе», возьмите рассказ князя Мышкина о казни, которую он видел за границей, и роли попа в этой казни. А знаменитый разговор «милой» карамазовской семейки о мистике, когда на слова Ивана, что «коли истина воссияет, так вас же первого сначала ограбят, а потом упразднят», Федор Павлович цинично заявляет: «Ба! А ведь ты, пожалуй, прав! Так пусть стоит твой монастырек, Алеша, а мы, умные люди, будем в тепле сидеть да коньячком пользоваться».

Наконец, Достоевский и Толстой как великие писатели-реалисты не могли не отразить и социально-психологических корней религии. Возьмите формулу Дмитрия Карамазова, что бог есть «трагический гимн подземных человеков», или не менее яркую мысль Кириллова: «Человек только и делал, что выдумывал бога, чтобы жить, не убивая себя». Припомним потрясающий по своей психологической напряженности и жизненной правдивости разговор Раскольникова с Соней. «Что бы я без бога-то была?» — говорит проститутка Соня, потерявшая всякую радость в жизни и ощущая ее в боге. И сопоставим это с несправедливо забытой у нас сценой, когда Катюша Маслова после безумного бега за поездом, увозящим Нехлюдова, осталась ночью, на ветру, одна... Эту потрясающую сцену Толстой заканчивает короткой, но многозначительной фразой: «С этих пор она уже никогда не верила в бога».

Б. Иогансон. Рабфак идет. 1928.

Е. Чепцов. Заседание сельячейки. 1924.

Гениальные писатели, предчувствовавшие великую социальную бурю, силою своего художественного гения наносили религии сокрушительные удары и этим самым, часто против своей воли, помогали передовым общественным силам в деле подготовки этой бури, в деле расшатывания, выражаясь словами Гольбаха, «мрачного шатающегося здания суеверия».

Но буря идет, буря нарастает, и вот уже раздается ее вещий призывный клик: «Пусть сильнее грянет буря!» Горький.

И в ответ... В ответ слышен ноющий голос собачьей старости, или, по выражению Плеханова, «бледной немочи» российской буржуазии:

Последним ароматом чаши —
Лишь тенью тени мы живем
И в страхе думаем о том,
Чем будут жить потомки наши?

Д. Мережковский

Вместо объективной действительности — потусторонняя «реальность», вместо факта — намек, вместо познания — мистическая интуиция, вместо идеи — настроение, неясное «томление к иному бытию». Таково идейное содержание искусства тех, кто «ищет дорогу на небо, потому что потерял дорогу на земле» (Плеханов).

А мелкобуржуазная литература тех лет (Арцыбашев, Юшкевич и др.), не становясь открыто на защиту религии, на все лады критиковала безрелигиозное мировоззрение, действуя методом доказательства от противного. Доказывала, что жизнь без бога — сплошной ужас и отчаяние, «провал», «черная дыра», убеждала отказаться от широких социальных целей и «идти своей дорогой, так как я иду своей, ничего не утверждая, ничего не обещая, для себя отыскивая путь, зная только то, что я ничего не знаю» (Арцыбашев).

А Горький всем этим мистическим устремлениям «куда-то» и «к чему-то» противопоставил свое ясное, реалистическое восприятие жизни с ненавистью к «живоглотию», с презрением к мещанскому «скотному двору спокойного довольства самим собой» и со страстной уверенностью в победе Человека.

Закончив книгу «Религиозные влияния в русской литературе», я переключился на другие земные дела и темы — в частности, написал и не мог не написать, «Марью», мой отклик на события Великой Отечественной войны. Повестью о школе «Девятый А», получившей теплое «добро» от А. С. Макаренко, было положено начало новому направлению в моей работе. Меня целиком и полностью захватила проблема формирования человека — сначала в нормальных, школьно-семейных условиях («Повесть о юности»), а затем в условиях сложных, исключительных («Честь», «Трудная книга» и т. д.). Эти последние вызвали лавину читательских писем и откликов, которая меня и обрадовала и испугала — настолько все это было широко и глубоко. И я, можно сказать, забыл о религиозной теме, которой отдал когда-то несколько лет жизни и столько душевного жара.

Но среди многих писем поступали и такие, которые не просто касались, а ставили вопросы религии, связывали их с задачами воспитания, нравственности. Я отвечал на них, порою заводя довольно интересные споры. Однако до какого-то времени это оставалось где-то на боковых линиях моих интересов. Я по-прежнему считал, что религия исторически обречена и эти письма и мнения — неизбежные ее пережитки.

Но ход жизни и наблюдения над нею показали, что точку здесь ставить еще рано. Вот, может быть, и уникальный, но весьма симптоматичный случай: 26 лет человек был учителем и любил свое дело, потом оставил школу и стал священником. Сам он объяснял это так: вокруг в жизни много безнравственности, а воспитательная работа ведется односторонне: «Люди жалуются на грубость, неуважение к человеческому достоинству, вульгарность, мещанство, бессердечие и как результат — преступность». В доказательство он приводит в своих письмах многочисленные факты, взятые и из своей, местной жизни и из печати. «Мне кажется, как на одну из причин этого печального явления нужно указать на забвение или полное отсутствие нравственного воспитания в школе...»

Так уж сложилось, что в моей жизни всегда большое место занимало изучение религиозности. Вспоминается такая самодеятельность, как анкетные опросы воспитанников детского приемника, в котором я работал. Уже много позднее, в бытность мою в Союзе воинствующих безбожников, я имел от него две командировки с этой же — исследовательской — целью: одну в Воронежскую область, а другую — под Москву, в Егорьевский район, считавшийся тогда центром старообрядчества. Прожил я там лето дачником, помогал колхозу, работал в поле — вязал снопы, таскал их в «крестцы». И заводил знакомства, беседовал «о том о сем». «Веду на личное сближение» — так было записано в моей путевой тетради.

Теперь я перелистываю эти свои многостраничные записи различных высказываний старообрядцев и поражаюсь.

«В России будет еще царь, Михаил Федорович. Он не умер, но спит во храме святой Софии. Проспится и будет еще царствовать три года. А потом народится антихрист».

«Бабка купила себе к смерти туфли. Искала с хорошими подошвами: «А то на том свете огненную реку придется переходить — чтобы не растопились».

«Церковь не закрыта, но попов нет, привозили одного из какого-то другого села, но он напился и свалился в канаву, сломал ребро. С тех пор его перестали отпускать оттуда, берегли. Теперь служат старики по каким-то древним книгам. Первый из них Федосей, лохматый, диковатый. Лешак, как его прозвали в деревне. Ночью он караулит колхозную ригу, интересуется звездами, а днем лежит на печке и читает «святые книги». Очень боится ареста».

Все это — воспоминанья прежних лет, преданья старины глубокой. Все это ушло в историю. Но жизнь сталкивала меня с этими проблемами и позднее.

Продолжение следует

ЗЛАЯ РАЗЛУЧНИЦА

Размышления над письмами

А. БЕЛОВ, кандидат философских наук

НЕ ПОМНЮ УЖЕ сейчас, где и когда я услышал это меткое определение, но оно всплыло в памяти, когда я читал письмо Ольги Коротковой, для которой религия стала действительно «злой разлучницей». В своем письме девушка поведала историю, полную драматизма.

История эта в общем-то как будто довольно банальная, но вместе с тем и не совсем обычная. Жили в одном городе двое молодых людей — юноша и девушка, которые встретили друг друга и сразу же поняли, что сведены судьбой. Дружили они около четырех лет, и ни у кого из окружающих сомнения не было, что связывает их большое и крепкое чувство.

Как правило, такие истории имеют благополучный конец. Ну что, кажется, может помешать счастью молодых людей, которые любят друг друга? Но на этот раз случилось иначе. Юноша и девушка не нашли своего счастья, оно растаяло как дым. В их сердцах осталось лишь чувство горечи и боли.

Что же произошло? Они познакомились на одном из вечеров во Дворце культуры завода, где он работал шофером, а она учетчицей. Оба учились в школе рабочей молодежи, любили музыку, кино — одним словом, интересов общих нашлось немало. Стали регулярно встречаться. И не было ничего удивительного в том, что в один прекрасный день он предложил ей, как говорят, руку и сердце. Однако неожиданно на их пути к счастью возникло препятствие. Вот что пишет Ольга:

«Никогда не предполагала, что все кончится в тот самый день, когда Виктор приведет меня в дом своих родителей. Понимаю, что родительское благословение нужно, и пошла я в его дом с открытой душой, без каких-либо мыслей о том, что может что-то выйти не так. Но приняли меня там сдержанно, сразу же почувствовала я себе холодное отношение, хотя вначале причину этого понять не могла. Люди меня не знали, почему же заведомо возник у них ко мне отрицательный настрой?

Все стало понятным на следующий день, когда Виктор сказал, что его родители — люди глубоко религиозные и никогда не благословят наш брак, если я не приму крещения, не стану верующей. Для меня это было полной неожиданностью: ведь раньше и разговора-то у нас об этом не было. И в мыслях не было, что подобное может случиться.

Я спросила у Виктора, а верит ли он сам в бога? До той поры он мне ничего о том не говорил. Он ответил уклончиво: дескать, вроде бы и не верует, как положено, однако обычаи, установившиеся в его семье, чтит и строго соблюдает. «Но как же так,— спрашивала я,— значит, совсем безразлично, верю я или не верю, лишь бы делала вид, что верю? Только тогда мы сможем быть вместе?» Он подтвердил, что в ином случае у нас ничего не выйдет, придется расстаться: против воли родителей он не пойдет.

Не сразу пришла я в себя, не сразу все осознала. Конечно, я могла бы поступить, как он того желал, покривить душой, и тогда никаких препятствий для нашего брака не было бы. Несколько дней провела я в раздумьях и все-таки не решилась на этот шаг, не пошла на сделку со своей совестью. Я думала о том, что с этим человеком и в этой семье мне придется прожить жизнь. Но если непременным условием ставится сделка с собственной совестью, то можно ли надеяться на счастье в будущем? Поймите, не так-то трудно было бы мне подчиниться обычаям этого дома... Куда труднее было бы жить с мыслью о том, что ты лжешь сама себе, другим. Да и если эта ложь служит нитью, которая связывает людей, то нить уж очень непрочная, счастье из нее не свяжешь.

Мы много говорили потом с Виктором. Он убеждал меня не противиться, говорил, что человек не переломится, если придется поклониться старикам против своей воли, советовал не ссориться с ними. Но я наотрез отказалась. Подруги меня тоже уговаривали, называли упрямицей. А я стояла на своем. И вовсе не из-за упрямства. Не хотела я кривить душой...

Так и не сложилась моя судьба. Мы не стали с Виктором мужем и женой. Отношения наши охладели, жизнь развела нас в разные стороны. Конечно, обидно до слез, что так все случилось. Но все-таки я считаю, что поступила правильно».

Читая эту исповедь, я искренне сочувствовал Ольге и Виктору, которые нашли друг друга, но стали жертвами религиозной нетерпимости. Ведь таких примеров немало. Недавно мне довелось познакомиться с письмом С. Еременко, в котором он поведал о том, как был вынужден расстаться с женой, тщетно пытавшейся заставить его вступить в секту пятидесятников.

Они прожили вместе семь лет, имели сына. Жили ладно, и, казалось, ничто не может омрачить их семейного счастья. Но случилось так, что его жену втянули в свою общину пятидесятники. Вначале он не придал этому значения, думал: пройдет время, она образумится. А вышло иначе. В общине ее подчинили своему влиянию настолько, что некоторое время спустя потребовали, чтобы она и мужа заставила вступить в общину. И когда он наотрез отказался, настояли, чтобы она ушла от него. Женщина подчинилась своим духовным наставникам. В результате распалась семья.

Два письма. Две жизненные драмы. Разве не являются они красноречивым свидетельством несостоятельности утверждений религиозных проповедников о том, что религия — основа прочной и крепкой семьи? А ведь они это постоянно внушают верующим. И те, с легкой руки своих духовных пастырей, твердят о том, что, дескать, стало много неудачных браков, разводов, а все потому, что молодые перестали освящать свой союз в церкви, отказываются от ее благословения.

Что ж, разводов ныне стало действительно больше по сравнению с дореволюционным временем, когда исключительное право совершать брак было предоставлено церкви. Но не потому, что в ту пору семейный союз освящался именем божьим, а из-за того, что развестись было крайне сложно. Если католическая церковь вообще запрещала разводы, то православная допускала их лишь в исключительных случаях. Например, одним из оснований для развода было решение одного из супругов уйти в монастырь. Но если бы женщина потребовала развода, ссылаясь на жестокое обращение мужа, даже на применение им физиче-

ской силы, то получила бы отказ.

Да и что такое брак в представлении церкви? Сделка — и ничего более. Взаимная любовь? Совпадение духовных интересов? Крепкая и бескорыстная дружба людей, решивших связать свою жизнь? Все это мало интересовало церковников, совершавших таинство брака. Не случайно один из современных религиозных проповедников заявил: «В браке важно не то, что люди называют счастьем, важно, чтобы он помогал людям почитать бога».

Потому и освящали священнослужители неравные браки, браки по расчету. Потому и требовали сохранять брачный союз даже тогда, когда совместная жизнь мужа и жены становилась невозможной. «Человек, подневольно соединенный браком, — заявляло духовенство, — должен переносить свое супружество как подвиг, как жребий, присужденный ему богом, и этому подвигу должен оставаться верен до конца жизни, и тогда получит всякую награду на небесах».

А вот против брака с инаковерующими, а тем более с неверующими православная церковь выступала весьма решительно. В одном из законов дореволюционной России прямо говорилось: «Российским подданным православного и римско-католического вероисповедания брак с нехристианами, а протестантского — брак с ламаистами и «язычниками» вовсе запрещается». Печальным, а порой и прямо страшным отголоском прошлого звучат в наши дни требования некоторых верующих людей, чтобы в семейный союз вступали люди одной и той же веры. Нередко результат таких требований — разбитое счастье молодых, несбывшиеся надежды, разрушенные семьи.

Разумеется, далеко не все верующие проявляют подобную нетерпимость, но немало и таких, о которых рассказала в своем письме Ольга Короткова. Их фанатизм сплошь и рядом подогревается наставлениями духовных пастырей, будь то православное или мусульманское духовенство, руководители сектантских религиозных общин или католические ксендзы, — всем им, по сути, нет дела ни до чувств, ни до личных взаимоотношений тех, кто стремится к счастливой супружеской жизни. Более того, хоть и несчастливый брак, но освященный религией единоверцев, для них куда важнее, чем истинное человеческое счастье молодых, исповедующих разные веры или вовсе неверующих. Ну, что ж, если семейные отношения не сложились, считают они, — не беда. Люди должны воспринимать это как перст судьбы, указание свыше и терпеливо переносить тяготы совместной жизни. «Всем несчастным в браке, — заявляют религиозные проповедники, — остается сказать только одно: несите свой семейный брачный крест до конца! Если даже он становится с каждым днем тяжелее и невыносимее, несите свой семейный брачный крест до конца».

Не берусь предсказывать, как сложилась бы совместная жизнь Ольги и Виктора, если бы девушка смирилась с требованиями его родителей. Но даже если бы все обошлось удачно, то вовсе не потому, что они стали, как говорят, жить по одной вере. Ведь истинное счастье они познали как раз до того, как в их жизнь вошло само понятие «религия». Ну, предположим, смирилась бы Ольга, пошла бы против своей совести, жила бы с мужем, постоянно терзаясь тем, что кривит душой, идет против своей воли, подчиняясь тому, что чуждо ей по духу, и всем безразличны ее терзания. Вряд ли может человек долго находиться в таком вот двойственном положении, в разладе с самим собой.

Но вполне очевидно: родителей Виктора все это не интересовало. Они даже не попытались разобраться, насколько привязаны молодые люди друг к другу, а руководствовались лишь принципами своей веры, стремлением, чтобы жена сына непременно разделяла ее. И их фанатичное упорство привело к тому, что распался союз людей, который мог бы принести им счастье.

Вот еще одно письмо. И вновь крик души:

«Помогите! Подскажите, что мне делать. Год назад я вышла замуж и попала в семью очень религиозных, набожных людей. Свекровь требует, чтобы я постоянно ходила в церковь, справляла бы все церковные праздники, совершала бы обряды. Мой муж полностью подчинен воле своей матери, женщины глубоко верующей и в то же время властной, не терпящей никаких возражений. Когда я пытаюсь противиться ей, происходят скандалы, которые, чувствую, разрушают наши отношения, разрушают семью. Что мне делать. Подчиниться? Но я выросла в семье неверующих, никогда в бога не верила... От самого сознания, что идешь в церковь, не веруя, вопреки своим убеждениям, неприятно. А им все равно, лишь бы обычаи соблюдала. Вижу, как разваливается семья, а что предпринять, не знаю. Посоветуйте, как сохранить семью».

Очень нелегко отвечать на такие письма. В самом деле, что тут можно посоветовать? С одной стороны, конечно, очень хочется, чтобы семья не распалась, чтобы люди жили счастливо. А с другой? Советовать поступиться своими убеждениями? Лгать себе и другим, отдавая дань традиции?

Виновниками таких конфликтов, семейных драм обычно становятся люди, не уважающие убеждений своих ближних, хотя они кичатся своим благочестием, высокими моральными устоями. Но можно ли вести речь о каких-то нравственных принципах тех, кто заставляет других приносить в жертву свои убеждения, заведомо идти на обман, лишь бы удовлетворить требования старших в семье?

Любопытно, что мог бы ответить на подобное письмо церковный проповедник? Посоветовать женщине смириться со свекровью, пойти на сделку с совестью? А как же с библейской заповедью, осуждающей ложь? Решительно отказаться подчиниться требованиям свекрови? Отказаться от посещения церкви? Что-то не знаю случая, когда бы служитель культа занял подобную позицию. Заботясь о том, чтобы сохранить паству, свое влияние в приходе, духовенство сквозь пальцы смотрит на то, что есть немало людей, соблюдающих религиозные обычаи, но делающих это отнюдь не в силу своих убеждений, а ссылаясь на традицию: так, дескать, не нами заведено, а мы лишь следуем тому, что досталось в наследие от дедов и отцов наших. Более того, ревнители религии стремятся убедить прихожан в том, что исполнение религиозных обрядов, участие в религиозных празднествах — традиция народная. Православную веру якобы нельзя оторвать от самого понятия «Русь».

Заблуждение? Нет, сознательное по самой сути своей иска-

жение фактов во имя сохранения религии. Но разбираются в этом, к сожалению, далеко не все...

Я перечитываю письма, свидетельствующие о том, как религиозная нетерпимость становится препятствием для создания прочной, счастливой семьи, и пытаюсь вспомнить хоть один случай, когда бы неверующие люди ставили непременным условием для верующего отказ от его убеждений. И припомнить такого не могу. Ведь сам наш гражданский брак, который признается единственно законным в Советской стране, не обусловлен никакими требованиями относительно религиозной принадлежности. Атеист волен вступить в брачный союз с верующей, никто не препятствует браку людей, исповедующих разные религии. Наша Конституция провозглашает: «Семья находится под защитой государства. Брак основывается на добровольном согласии женщины и мужчины; супруги полностью равноправны в семейных отношениях».

Уже в этих словах заключена гуманнейшая забота государства о счастье семьи, прочности семейных отношений. И это началось не сегодня. Еще шесть десятилетий назад декретом Советской власти «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» было определено, что для вступления в брак принадлежность к той или иной религии не имеет никакого значения. Да это было бы и противоестественно в обществе, где провозглашен и практически реализуется принцип свободы совести. И когда некоторые верующие люди пытаются ставить препятствия желающим соединить свои жизни молодым, это противоречит не только нравственным устоям нашего общества, но и государственным установлениям, касающимся семейно-брачных отношений.

Естественно, что в условиях нашего общества христианские богословы и проповедники говорят о семейно-брачных отношениях в соответствии с духом времени. В проповедях они не выступают против брачного союза верующих и неверующих, а, напротив, даже вроде бы находят оправдание ему в Библии! Так, в статье «Священное писание о браке и разводе», опубликованной в № 5 журнала «Братский вестник» за 1973 год, говорится, что «брак есть союз равных», и делается ссылка на слова апостола Павла: «Если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим» (Первое послание Коринфянам, гл. 7, ст. 12—14).

Автор статьи заявляет, что церковь должна освящать брак верующих и неверующих, если есть убеждение, что «побуждения верующей стороны чисты и что, кроме того, другая сторона хотя и не состоит членом церкви, но бесспорно целомудренна...». Однако тут же подчеркивается, что «брак вполне совершен только тогда, когда муж выпрашивает себе жену у господа и жена также»; что верующий «принадлежит к «народу особенному» и должен иметь общение с подобными себе». Вполне понятно, какие выводы могут делать из этого верующие.

Любопытно, что автор признает возможность развода верующих людей в ряде случаев, но развод между верующим и неверующей не допускает, оговариваясь все же, что на этот счет «прямого указания Христа не имеется». Логика этого баптистского богослова состоит в утверждении, что «верующая сторона ни в коем случае не должна оставлять неверующую, должна переносить все с кротостью и любовью, ожидая, не спасется ли неверующая сторона». Практически речь здесь идет о том, что в таких браках верующий должен приложить все силы, чтобы убедить человека, с которым связал жизнь, в необходимости принять религиозную веру, встать «на путь спасения». А вот если неверующий проявит инициативу, то «верующая должна принять этот развод с кротостью».

Но все-таки, что же ответить на письма, авторы которых ждут совета, помощи и поддержки? Очень сложно давать какие-то рекомендации в таком щепетильном деле, как интимные взаимоотношения людей. Ведь со стороны никогда не постигнешь того, что несут в своих сердцах эти люди, не поймешь их переживаний, а потому, я убежден, никакими советами тут помочь нельзя. Решение должны принимать сами молодые, которые хотят связать свои судьбы. Их счастье зависит в первую очередь от них самих, от их жизненных позиций, отношения к предрассудкам и к носителям этих предрассудков. Ведь именно обветшалые нормы и обычаи, которым подчас следуют молодые люди, нередко бывают причиной горьких разочарований.

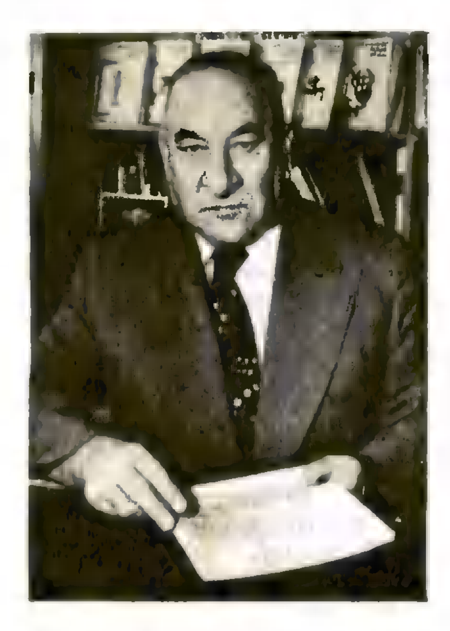
Думаю, вряд ли пришлось бы писать Ольге Коротковой свое письмо-исповедь, если бы Виктор не отнесся беспринципно к требованию своих родителей. Конечно, речь не о том, что ему следовало во всех случаях идти на конфликт с ними. Но человек должен иметь твердые принципы, отстаивать их и, чувствуя свою правоту, не идти на компромисс с совестью. Прояви Виктор твердость, быть может, не пришлось бы ни ему, ни его избраннице сетовать на неудачно сложившуюся судьбу.

Вполне вероятно, что кто-то мог посчитать Ольгу упрямицей, не пожелавшей «уважить» родителей своего избранника. А вот мне ее жизненная позиция понятна. Она не пошла на это не из-за упрямства, а потому, что не захотела идти наперекор своим убеждениям, не захотела лгать, обманывать себя и других, кривить душой. Она поступила честно и принципиально. И если бы Виктор задумался над этим, он понял бы, что его избранница обладает качествами, которые он просто не смог по достоинству оценить.

«Злая разлучница». Сказано очень точно. И как бы ни старались религиозные проповедники убедить в том, что религия способствует созданию прочной семьи, на практике все оказывается по-иному. Религиозная убежденность нередко еще служит препятствием для людей, желающих соединить свои судьбы. Счастье, казавшееся таким близким, становится недостижимым. И тому свидетели — письма людей, на пути которых к семейному счастью неодолимой преградой стала религиозная вера.

Б. РЫБАКОВ, академик

ТРАКТАТ, НАПИСАННЫЙ НА КОРАБЛЕ

Академик Б. А. Рыбаков.

ПО ЛЕСТНИЦЕ ЭПОХ

Академику Борису Александровичу Рыбакову исполняется 70 лет. Видный историк, археолог, директор Института археологии Академии наук СССР, член многих зарубежных научных обществ известен каждому, кто интересуется социально-экономической и политической историей восточных славян и Древней Руси. В 1976 году он удостоен Ленинской премии за цикл работ по истории русской культуры X—XVI веков, опубликованных в 1963 — 1974 годах. Ремесло и культура наших предков, метрология, хронология, летописание, народный эпос в их зарождении и развитии рассмотрены, обобщены в трудах академика Б. А. Рыбакова.

Уже в первых работах конца 20-х — начала 30-х годов Б. А. Рыбаков показал себя исследователем, комплексно использующим исторические источники двух типов — письменные и археологические (вещественные). Последние служат для ученого не только объектом описания и классификации, но прежде всего ос-

Нет более туманного и неопределенного термина, чем «язычество»: возникнув в церковной среде, термин этот первоначально означал все дохристианское и нехристианское; им называли и ведическую гимнографию Индии, и литературно обработанную мифологию классической Греции, и годовой цикл славянских или кельтских аграрных обрядов, и шаманство сибирских охотников.

При всем несовершенстве и расплывчатости слова «язычество», лишенного научного терминологического значения, но крайне широкого и полисемантического, я считаю вполне законным обозначение им того необъятного круга спорных вопросов, который входит в понятие первобытной религии: магия, анимизм, пандемонизм, прамонотеизм, дуализм и т. п. Многообразному, разнородному комплексу вполне соответствует многообразный в своем наполнении термин — «язычество». Нужно только отрешиться от его узкого, церковного понимания и помнить о его полной условности.

В какой мере допустимо говорить о собственно славянском язычестве? Его можно понимать как сумму тех религиозных представлений, которые христианство застало в VI—X веках на славянских землях, но можно понимать и как поиск какой-то особой, славянской специфики этих представлений. Первый подход был бы чисто описательным и при фрагментарности источников не дал бы никакой исторической картины. Второй подход до крайности сузил бы проблему и совершенно не коснулся бы ее сущности.

Марксистско-ленинское учение об историческом процессе основано на выявлении общих черт, на установлении закономерностей исторического развития. Это в полной мере относится и к сфере религии. Поэтому в своем исследовании я обратил внимание прежде всего на то, как может быть прослежена общая закономерность развития первобытной религии на славянском и, в частности, древнерусском материале, а также и на то, какие разделы общечеловеческого языческого комплекса вошли в славянскую идеологию. Изучение славянского язычества следует понимать не столько в этническом плане, сколько в территориальном, учитывая в меру доступности вопросы субстрата и далекой индоевропейской общности, а также и взаимосвязи с соседними народами.

Хронологические рубежи исследования не могут быть ограничены только тем первым тысячелетием нашей эры, в начале которого имя славян впервые попадает на страницы ученых книг, а в конце которого почти все славяне уже христианизованы.

Мировоззрение и религиозные представления славян начали формироваться в весьма отдаленные времена, что неизбежно требует экскурсов в глубины первобытных эпох. С другой стороны, этнография славянских народов в XIX веке в таком изобилии дает драгоценнейший материал о язычестве и его пережитках, что в ряде случаев хронологические рамки тех или иных явлений необходимо раздвинуть до очень близких к нам времен.

Я начал заниматься проблемами славянского язычества и истории антицерковных идей в средневековой Руси в 1930 году, но что касается этой книги, то она очень долгое время оставалась лишь собранием колоссального количества фактического материала без исторического стержня. Для преодоления описательного, фактографического характера исследования недостаточно было одной классификационной работы; нужно было разработать комплексный подход к разнородным источникам, передающим нам информацию о язычестве, разрушить перегородки между разными науками, изучающими эти источники, и, не боясь гипотетичности ряда построений, подобрать ключи к общим проблемам славянского и к особенности русского язычества.

Первым таким ключом является без сомнения учение Ленина о «возможности отлета фантазии от жизни» в процессе восприятия мира человеком и о «гносеологических корнях» религии [1]. Из этого вытекает необходимость выявления и реконструкции не только первобытного мышления, но и первобытного мировоззрения, эволюции картины Мира. Третьим важным элементом анализа является установление хронологической и стадиальной стратиграфии [2] языческих представлений и культов. При этом, как я попытаюсь показать, новые комплексы представлений не вытеснили пол-

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322, 329—330.

[2] Стратиграфия — в археологии расположение разных по времени слоев относительно друг друга (прим. ред.).

ностью старые, а наслаивались на них, сосуществовали с ними. Четвертым ключом служит семантика народного искусства, позволяющая привести к общему знаменателю этнографический материал XVIII—XIX веков и точно датированные археологические находки.

Нет надобности повторять, что концепция истории язычества могла сложиться только на основе комплексного изучения данных всех письменных источников, этнографии, фольклора, эпоса, народного искусства, археологии, лингвистики.

Романтика языческой старины издавна, еще со времен Яна Длугоша и «Синопсиса» Иннокентия Гизеля, привлекала внимание историков. Русские историки и филологи XIX — начала XX века нередко обращались к тем или иным аспектам славянского язычества, но в большинстве случаев это ограничивалось или отражением славянской мифологии в летописях и церковной литературе XI—XV веков, или же выяснением того, как русские крестьяне XIX века верили в русалок, леших, домовых и праздновали масленицу, кострому и купалу. Накануне первой мировой войны и во время нее вышли в свет четыре фундаментальные работы, подводившие итоги многочисленным частным исследованиям и заметкам по славянскому язычеству. Это — труд Е. В. Аничкова «Язычество и древняя Русь» (СПб., 1913), двухтомная работа Н. М. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси» (I т., Харьков, 1916; II т., Москва, 1914), фундаментальная сводка Любора Нидерле (Прага, 1916) и общий обзор Яна Махала (Бостон, 1918). Советские историки и этнографы за незначительными исключениями не разрабатывали заново эту тему во всем ее объеме.

Значение марксистско-ленинской разработки проблем славянского язычества для развития нашей науки обо всех докапиталистических формациях неоспоримо велико. Вопросы эволюции первобытной религии, первые попытки построения картины Мира и выработка мировоззрения древних земледельцев, создание сложной знаковой системы в искусстве, разработка задолго до христианства многих религиозных построений, поразительная живучесть и многогранность языческих представлений — вот только часть тех вопросов, которые органически входят в нашу тему.

Без анализа язычества мы не сможем понять идеологию славянских средневековых государств и, в частности, Киевской Руси. Лишь знание народных языческих традиций позволит нам правильно понять характер многих антицерковных движений средневековья.

Если культуру феодального класса мы постигаем преимущественно по церковной литературе и искусству (чем несправедливо сужаем ее), то культуру простого народа на протяжении всех столетий феодализма мы можем понять только в свете анализа всего языческого комплекса. Изустная, традиционная многовековая культура русской деревни — это не только сокровищница интересующих нас сведений о ее глубоких корнях, но одновременно и сами те корни, на которых устояла на протяжении тысячи лет масса трудового крестьянства, корни, питавшие не только деревню, но и городской посад, а в какой-то мере и социальные верхи.

Народные сказки, хороводы и песни, былины и думы, красочные и глубокие по смыслу свадебные обряды, народные вышивки, художественная резьба по дереву — все это может быть исторически осмысленно только с учетом древнего языческого миропонимания.

Углубившись в дремучие дебри неясного первобытного мышления, полуразгаданных символов, архаичных колдовских заклинаний и отрывочно уцелевшей космогонии, я далек от мысли, что мне удалось написать обо всем, все написанное доказать, во всех предположениях убедить. Задача книги будет выполнена, если ее автору удалось пробудить интерес к такой увлекательной и исторически важной теме, как славянское язычество.

В большинстве исследований русское язычество предстает перед нами как громоздкое, но единое целое. Расчленяется лишь характер информации о нем; это или изучение летописей и церковных поучений X—XIII веков, говорящих о свержении языческих богов и порицающих продолжавшееся почитание их, или исследование этнографических, бытовых пережитков язычества в русской деревне XVIII—XIX веков.

Обе эти темы изучались, по существу, раздельно представителями разных наук и если сливались в общих обзорах, то в большинстве случаев механически. Рассмотрение славянского язычества оказалось почти отъединенным от общих проблем истории первобытной религии, хотя, разумеется, при анализе этнографических данных указывалось на наличие пережитков тотемизма или на магический характер заговоров и обрядов. Проблема эволюции языческого мировоззрения на протяжении тысячелетий, предшествовавших христианству, почти не ставилась. Между тем уже древнерусские книжники XI—XII веков, писавшие о язычестве, окружавшем их, пытались заглянуть в историю славянских верований и показать различные их стадии в глубокой древности. В русских источниках времен Киевской Руси, например, трижды ставился вопрос о периодизации язычества. Первое рассуждение, предваряющее пересказ Библии, но созданное самостоятельно и даже противоречащее ей, мы находим в так называемой «речи философа», греческого миссионера.

Другая периодизация, сделанная по византийским образцам, приведена в Ипатьевской летописи под 1114 годом и принадлежит летописцу князя Мстислава Владимировича, посетившему Ладогу во время постройки там новой крепостной стены.

Исключительный интерес представляет третье рассуждение о стадиях языческих верований. Оно важнее двух приведенных выше потому, что непосредственно относится к славянам. Это — знаменитое «Слово святого Григория, изобретено в толцех о том, како первое погани суще языци кланялися идолом и требы им клали; то и ныне творят».

Заменим громоздкое название поучения-трактата кратким условным «Слово об идолах», исключив имя Григория Богослова потому, что его произведение лишь частично включено в русское «Сло-

новой для широких, глубоких обобщений, для восстановления подлинно исторической картины жизни наших далеких предков в разных ее проявлениях.

Изучая и воссоздавая историю радимичей, одного из восточнославянских племенных союзов X—XII веков, Б. А. Рыбаков на основе незначительных письменных и прекрасно обработанных археологических данных выступил против распространенной точки зрения, утверждавшей торгово-паразитический характер древнерусских городов. Он доказал с документальной неопровержимостью, что эти города были передовыми ремесленными центрами и играли в общественной жизни того времени прогрессивную роль.

Ученый выступил и против выводов дореволюционных историков, отрицавших собственное производство на Руси до XV века. Монография Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси», удостоенная Государственной премии I степени, утверждала иное. Он по-новому осмыслил средневековое русское ремесло, увидев в нем важнейшую часть того хозяйственного фундамента, на котором строилась богатая культура Киевской Руси, а впоследствии создавалось и само русское национальное государство.

Не останавливаясь на перечислении исследовательских работ академика Б. А. Рыбакова, отметим необычайную широту диапазона вопросов, которые занимали и занимают ученого. В исследовании, посвященном «Слову о полку Игореве», он обосновал справедливость принятой датировки знаменитой поэмы, открыв новую страницу в изучении русского летописания, литературы и политической мысли. В работе о картах Московии XV — начала XVI века Б. А. Рыбаков успешно реставрировал не дошедшие до нас историко-географические документы.

Пристальное внимание ученого привлекает проблематика, связанная с историей хри-

стианства на Руси, с деятельностью православной церкви, ибо, по его словам, «ни в одном средневековом государстве вопрос о феодальной культуре не может быть отделен от вопроса о месте и роли церкви *. Еще в 1934 году Б. А. Рыбаков опубликовал работу «Воинствующие церковники XVI в.» — о борьбе иосифлян, представителей церковно-политического течения, сыгравшего важную роль в становлении самодержавной власти, с их противниками — нестяжателями, чью программу иосифляне осудили как еретическую.

Продолжая исследование истории религии, ученый написал новую работу о дохристианских верованиях славянских племен. Отрывки из этой книги, которая выйдет в издательстве «Наука», мы публикуем в журнале. По нашей просьбе академик Б. А. Рыбаков во вступлении к этой публикации рассказывает о том, почему он занялся изучением мировоззрения славян.

* Сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970, стр. 31.

во». Поучение вошло в науку в 1851 году, но до сих пор исследователи не обратили внимания на ту замечательную периодизацию славянского язычества, которая содержится во всех его списках. Это объясняется сложностью и мозаичностью «Слова», составленного из греческих и русских исходных материалов, которые и сами по себе пестры и мозаичны.

Исследователи, подавленные кажущимся «нагромождением вставок» и трудностью лаконичного, но предельно нагруженного фактами текста, дали весьма нелестную оценку результату этого труда. Автор, по мнению историка Е. В. Аничкова, лишь излагает свой источник, «делает он это неискусно, работа не дается, он лаконичен, он не договаривает, громоздит одно непонятное ему выражение на другое».

«Слово об идолах» действительно не блещет литературной стройностью и отработанностью, но внутренняя логика в нем есть, и есть обстоятельства, позволяющие понять незавершенность, как бы черновой вид «Слова».

Наиболее близкий к протооригиналу Софийский список (XV в.) заканчивается очень важной фактической справкой, объясняющей незавершенность (в смысле комментирования «Слова Григория») всех списков: «Досюда беседа си бысть. Досюда могох написати — даже несоша книгы ты Царюграду, а мы, выседше ис корабля, идохом в Святую Гору». Причина того, что переработка «Слова святого Григория» велась торопливо и оборвалась на середине, указана: автор труда в числе других пассажиров должен был сойти на афонском корабельном пристанище, а комментируемое им произведение Григория Богослова осталось на корабле и продолжало путь со своим владельцем до Константинополя.

Рассмотрим историческую систему «Слова об идолах».

Следует отметить, что она дана на широком сопоставительном фоне всех известных тогдашней литературе религий Египта, Месопотамии, Греции и Малой Азии. Автор прослеживает историю того славянского культа, который доставлял наибольшее беспокойство русским церковникам и разоблачению и бичеванию которого писатели XI—XII веков посвятили специальные поучения — культа Рода и рожаниц. По отношению к нему распределяются остальные — более ранние и более поздние.

Началом культа божеств, связанных с глаголом «рождать», автор «Слова об идолах» считает культ египетского Осириса, хотя у Григория Богослова не указывается на связь его с верованиями других народов. Это уже построение самого русского книжника.

Культ Рода и рожаниц проник будто бы и к халдеям, к эллинам, римлянам и, наконец, и славянам: «Даже и до словен доиде. Се же словене начали трапезу ставити Роду и рожаницам переже Перуна бога их. А преже того клали требы упиремъ и берегынямъ».

Не удивительно, что свои хронологические вехи автор «Слова об идолах» расставил в соответствии с тем культом, который он считал самым основным — культом Рода, составлявшим, по его мнению, главное (но не единственное) содержание современных ему языческих жертвоприношений на Руси. По этой хронологии первоначально славяне «клали требы» упырям и берегиням, затем под влиянием средиземноморских культов «начали трапезу ставити Роду и рожаницам»; после этого выдвинулся культ Перуна (возглавившего список других богов); и даже по принятии христианства и «Перуна отринуша», молились еще как комплексу богов, возглавляемому Перуном, так и более древним Роду и рожаницам.

Какие же эпохи в развитии славянских религиозных представлений выделяет эта периодизация?

Первая эпоха — поклонение и принесение жертв упырям и берегиням. И те и другие поставлены во множественном числе, следовательно, это еще безликие, не наделенные личностными свойствами божества. Упыри — вампиры, исчадия и олицетворения зла. Вампиры, сосущие человеческую кровь, поедающие мертвецов, достаточно хорошо известны в славянском фольклоре. Берегини встречаются в «Слове Иоанна Златоуста», очевидно, несколько более позднем, чем «Слово об идолах». Здесь они косвенно приравнены к вилам-русалкам. Поклонение им — разные формы молений о плодородии, о дождях, которым, очевидно, ведали вилы-берегини. Берегини-русалки — не в том позднем понимании их, какое отражено в фольклоре и художественной литературе XIX века (зловредные и коварные утопленницы), а в том, какое сохранилось в болгарском фольклоре о вилах, красивых крылатых девах, заботящихся о посевах и о дожде для нив. Связь русалок во всех видах представлений о них с водой не подлежит сомнению. Поэтому на русском Севере даже в XX веке вырезанных на досках сирен-«фараонок» называли берегинями.

Давно обращено внимание на связь слова «берегиня» с двумя разными понятиями: берегом водного пространства и с глаголом «оберегать». Думаю, что связь эта не случайна, а вполне закономерна, но только для весьма отдаленных времен, когда человек впервые учился плавать по бурным полноводным рекам и бесчисленным озерам и болотам, образовавшимся после таяния ледника. Для первобытного рыболова эпохи конца каменного века было совершенно естественно соединить понятие о береге, о твердой, надежной земле с понятием оберегания, охраны.

В современных русских диалектах слово «берегиня» уцелело только на Севере, где дольше всего сохранялся архаичный охотничье-рыболовческий быт. Связь берегинь с дождем (понятная в силу их водной сущности) является, очевидно, позднейшим земледельческим переосмыслением.

Упыри и берегини — древние, архаичные наименования олицетворений двух противоположных начал — злого и доброго, враждебного человеку и оберегающего человека. Здесь, в этом архаичном пласте, природа дифференцируется не по таким категориям, как растения и источники, солнце и луна, огонь и молния, а только лишь по принципу отношения к человеку: злые вампиры, которых нужно отгонять и задабривать жертвами, и добрые берегини, которым тоже нужно «класть требы» не только в качестве благодарности, но и для того, чтобы они активно проявили свою доброжелательность к человеку.

У нас нет данных о внешнем облике

берегинь и упырей. Позднейшие сирены с птичьим или рыбьим обличьем, вероятно, являются уже некоторым видоизменением первоначальных представлений; об этом говорит и двойственность образа (девушка-птица и девушка-рыба), что было попыткой выразить, с одной стороны, родство со стихиями воды и воздуха, а с другой — родство с самим человеком.

Вампиры вообще не сопоставлялись с с кем-либо реальным и никогда не изображались в искусстве. Волкодлаки-вурдалаки существуют параллельно упырям-вампирам, иногда заменяя их, но в славянском фольклоре они не отождествляются прямо с вампирами.

Многоликость берегинь и аморфность упырей в фольклоре в равной степени ведут нас к очень древним представлениям о сверхъестественных силах, облик которых трудно уложить в какую-либо определенную научную теорию, будь то преанимизмом с его «маной», анимизм, фетишизм или аниматизм.

Едва ли нам следует давать научный «словесный портрет» первобытных сверхъестественных сил — обилие теорий по этому вопросу убеждает не в непознаваемости явления, а в трудности изложения на современном языке расплывчатой сущности его. Может быть, следует ограничиться неопределенным (а потому и менее ошибочным) упоминанием «волшебных сил», неразрывно связанных с магическим отношением к природе.

Упыри и берегини, очевидно, относятся именно к этому разряду, а более книжно их можно было бы назвать «дуалистическим анимизмом» или «дуалистическим аниматизмом». Дуалистичность древнейших представлений об «одушевленной» или «оживленной» природе здесь выступает очень определенно и в образной форме. К сожалению, нам трудно датировать время появления веры в вампиров и берегинь, определить ту конкретную эпоху, когда люди впервые отделили добро от зла.

Нарушая хронологическую последовательность, установленную в «Слове об идолах», рассмотрим не Рода и рожаниц, культ которых идет вслед за культом упырей и берегинь, а третью, последнюю стадию славянского язычества, непосредственно предшествовавшую принятию христианства, — поклонение Перуну.

У автора по отношению к этому божеству мы наблюдаем некоторую двойственность: иногда он выдвигается на первое место, а иногда теряется в общем списке больших и малых божеств. Такую же двойственность можно заметить и в других исторических источниках.

При описании реформы князя Владимира на первом месте среди шести важнейших богов поставлен Перун, деревянный идол которого был увенчан серебряной головой с золотыми усами. При введении христианства в Киеве все остальные кумиры были повержены и изрублены или сожжены, а идол Перуна под наблюдением эскорта из 12 дружинников был сплавлен по Днепру вплоть до самых днепровских порогов, ниже которых он был выброшен волнами на берег.

С другой стороны, в поучениях против язычества XI—XII веков мы наблюдаем очень спокойное отношение к Перуну: богословам культ Перуна не представляется главным среди языческих заблуждений; Перун (даже поставленный первым в списке) расценивался наравне с другими богами. Разгадку этого противоречия нашел Е. В. Аничков, показавший, что «культ Перуна — дружинно-княжеский культ киевских Игоревичей», прямо связанный с рождением государственности, и в силу этого культ молодой, недавний. К этим аргументам можно добавить еще одно существенное наблюдение: располагая несколькими сочинениями, направленными против Рода и рожаниц, мы не находим во всем фонде церковных поучений за несколько столетий ни одного, специально трактующего о Перуне. Не нашел случая упомянуть Перуна и автор «Слова о полку Игореве», часто черпавший свои образы из языческой старины.

Ознакомившись со всем этим, мы проникаемся еще большим уважением к автору «Слова об идолах», который в своей периодизации очень четко отнес культ Перуна к рубежу языческих и христианских времен на Руси, что вполне соответствует нашим сегодняшним представлениям.

В трехступенчатой периодизации славянского язычества, данной в «Слове об идолах», мы рассмотрели первую стадию, неизмеримую по ее хронологической протяженности, длившуюся, вероятно, десятки тысячелетий, и последнюю, третью стадию, существование которой исчислялось всего лишь десятилетиями или одним-двумя столетиями.

Время возникновения дружинного культа Перуна мы сможем определить в результате дальнейшего анализа различных материалов, но судя по Збручскому идолу IX века, где бог-воин изображен не на главной лицевой грани, а на боковой, культ бога князей и княжьих мужей действительно является всего лишь ровесником Киевской Руси.

Другими словами, с точки зрения русского книжника XI — начала XII века, культ Перуна только-только выдвинулся на первое место в системе многообразных языческих представлений и не вытеснил, а лишь оттеснил предшествовавшие культы, которые оказались чрезвычайно живучими и доставляли значительно больше хлопот церковникам, чем быстро исчезнувший культ дружинного Перуна. Те самые княжеско-боярские круги, которые недавно вводили культ Перуна, очень быстро сменили его на христианство.

Перуну после крещения Руси молились только «по украинам», а о культе Рода и рожаниц в летописях и других источниках говорят как о повсеместном, устойчивом и неистребимом. Известна даже дата празднеств и пиров в честь рожаниц — 8 сентября, день рождества богородицы; известно даже, что некоторые христианские священнослужители ради материальных выгод («откладов») примирились с бесовской трапезой в честь Рода и рожаниц.

Кем же был этот могущественный предшественник Перуна, с какой экономической и социальной эпохой связаны Род и сопровождающие его рожаницы?

Автор «Слова об идолах» не дает нам сколько-нибудь определенной хронологии, эпоха Рода, поставленная в этом трактате между далекой анимистической первобытностью и дружинным язычеством новорожденного феодального государства, должна занять довольно длительный промежуток времени, характеризуемый крупнейшим переворотом хозяйственной и общественной жизни человека — переходом от присваивающего хозяйства к производящему, от охоты и рыболовства — к земледелию и скотоводству. Не отвечает наш автор и на вопрос о сущности представлений о Роде, так как его читателям или слушателям это было, очевидно, предельно ясно. Однако для современной науки ясности в этом вопросе нет. «Вопрос о почитании Рода и рожаниц принадлежит к самым темным и запутанным», — справедливо полагал русский историк Н. М. Гальковский 60 лет назад. С тех пор положение мало изменилось к лучшему.

По непонятной причине исследователи полностью уравняли Рода с рожаницами, не обращая внимания на то очень важное обстоятельство, что Род всегда во всех источниках упоминается в единственном числе, а рожаницы всегда во множественном (или в двойственном?). В результате укрепился взгляд на рожаниц и Рода как на мелких демонов человеческой судьбы, жизненной доли одного человека. Роду отводилась роль домового, его «деятельность» ограничили рамками одной крестьянской семьи, избой, подпечкой. В лучшем случае его считали старшим над рожаницами-мойрами, но опять-таки в пределах только одной семьи или одного княжеского дома. Сопоставление рожаниц с духами личной судьбы находит известное подтверждение в том, что греческое «дзихе» переводилось словом «рожаница».

Но не подлежит сомнению, что славянское понятие, обозначенное этим словом, было значительно шире античного (которому точнее соответствовали слова «доля», «среча», «судьбина» и др.) и включало в себя идею плодородия, урожая (слова с корнем «род»-«рож»). Для славян-земледельцев было совершенно естественно сочетать в одном понятии судьбу и урожай, долю как предназначенное жизнью место человека и его долю, часть в жизненных благах. Культ рожаниц — женских божеств, покровительствующих рождению чего-то или кого-то, должен был быть многозначным: в нем могли проявляться и черты культа общей плодовитости (людей, промысловых зверей, домашнего скота), и культа божеств, помогавших роженицам, и аграрно-магические представления земледельцев о богинях урожая.

В первом смысле рожаницами могут считаться палеолитические статуэтки дебелых, плодовитых (иногда изображаемых беременными) женщин-матерей, прародительниц, родоначальниц охотничьего коллектива. С термином «рожаницы» могли быть связаны мифы охотничьих народов о двух небесных хозяйках, полуженщинах, полулосихах, рождающих всех земных лосей и оленей на потребу людям и волкам.

Учитывая давнее и повсеместное уподобление женщины, рождающей нового человека, земле, рождающей урожай нового хлеба, необходимо и в рожаницах «Слова об идолах» учитывать этот аграрно-магический аспект, воз-

никший еще в земледельческом неолите и энеолите. В связи с рожаницами можно вспомнить и трипольские женские статуэтки, украшенные символами плодородия, однако возникает сомнение: культ миниатюрных магических фигурок был сугубо домашним, семейным и в этом смысле он плохо соотносится с торжественным поклонением идолам Рода и рожаниц. Быть может, с богинями, содействующими урожаю, следует сопоставлять в трипольском искусстве не маленькие фигурки девоженщин (может быть, весенних божеств сева?), а огромные лики женских божеств, которые изображались попарно на сосудах для «обилия», занимая там все пространство между землей и небом. Тогда нам придется признать, что в «Слове об идолах» в одну рубрику попали аграрные божества двух разных стадий: во-первых, две рожаницы-владычицы Вселенной, известные по трипольскому искусству и связанные с матриархатом, и, во-вторых, патриархальный Род (в Триполье еще не известный), вытеснивший своих предшественниц точно так же, как Зевс вытеснил Рею и Кибелу.

Русский автор XII века, когда писал о Роде и рожаницах, подразумевал божества урожая, плодородия земли, так как рожаницам приносили бескровные жертвы: продукты земледелия и скотоводства.

Очень важным аргументом в пользу того, что рожаницы связаны не с культом предков, а прежде всего с плодородием (или с благополучием через плодородие), является приурочение их годового праздника к празднику урожая — к следующему дню за рождеством богородицы — к 9 сентября. К этому сроку завершался обмолот яровых, самой основной и архаичной части славянского хозяйства. К дню рожаниц становились ясны итоги всего земледельческого года, страда была закончена, хлеб был уже в закромах и объем урожая был окончательно известен.

Праздник рождества богородицы назывался «госпожиным днем», «госпожинками», «спожинками»; в названии смешивались представления о госпоже-богородице и о завершенном жнитве. Рожаниц чествовали во время «второй трапезы» (второго пира после рождества богородицы) хлебом, кашей, творогом и медом. Мед, вероятно, был хмельной, так как постоянно упоминается «питие» и «наполнение черпал». По этнографическим данным, отдельные семьи варили к этому празднику от 10 до 15 корчаг пива. На второй, языческой трапезе праздника урожая главными были, однако, не рожаницы, а Род; его имя всегда стоит впереди, а рожаницы как бы сопутствуют ему.

Каковы же признаки этого божества? Прежде всего местопребывание Рода указывается в источниках не в доме или под печью, что было бы естественно для домового, а «на воздусе» — на небе. Отсюда, с неба, Род «мечеть на землю груды», совсем как античный Зевс, бросает на землю громовые камни-метеориты. С именем Рода связана молния — «родиа», наземные источники — «родники» и подземный огонь пекла — «родство огненное». Этимологически имя Рода связано с такими понятиями, как «природа», «народ», «урожай», «плодородие» и т. п.

Но самым главным и самым существенным является то, что церковные писатели XI—XIII веков уравнивали Рода со своим верховным божеством, богом-отцом Саваофом, творцом всего мира. Особенно интересно в этом смысле специальное поучение, условно названное издателем «О вдуновении духа в человека». Это произведение является толкованием евангельских слов Иисуса Христа о боге: «Отец мой делатель есть даже и доселе...» Русский комментатор XII—XIII веков всю свою статью посвятил противопоставлению языческого Рода христианскому Саваофу как двух равных по могуществу божеств с той лишь разницей, что язычники, по его мнению, ошибочно приписывают своему богу зарождение жизни и вдуновение духа в человека: «То ти не Род, седя на воздусе мечеть на землю груды и в том рождаются дети... всем бо есть творец бог, а не Род!»

То внимание, которое оказывает культу Рода автор «Слова об идолах», упоминая его в пяти местах своего произведения и прослеживая огромный ареал этого культа (Египет, Малая Азия, Греция, Рим, славянский мир), говорит в пользу того, что мы не имеем права расценивать это божество на уровне домового, мелкого семейного божка с его внутренним интимным культом.

Как же могло получиться, что Род, равный христианскому божеству Вселенной, в источниках всегда сопряжен с рожаницами, божествами, меньшими по масштабу, даже если и считать их не только «долями» отдельных людей, но и божествами плодородия, урожая?

Ответ нам дают античные мойры, с которыми иногда сопоставляют рожаниц; ведь мойры, богини судьбы, были дочерьми Зевса и Фемиды; Зевс повелевал миром, а мойры выражали волю богов, прядя нить жизни или обрывая ее в предназначенный срок. Мойры так же относятся к Зевсу, как, например христианские ангелы-хранители к Саваофу. Поэтому мы должны исходить из таких сопоставлений: Зевс и мойры, Род и рожаницы, Саваоф и ангелы-хранители.

Эра Рода в славянском язычестве оказывается временем зарождения первобытного земледельческого монотеизма, и более точная ее датировка потребует специальных исследований.

Итак, 4 периода эволюции язычества:

Культ упырей и берегинь. Первобытный анимизм с ярко выраженным дуализмом. Возникает, по-видимому, в древнейшем охотничьем хозяйстве, может быть еще в палеолите или мезолите, но доживает вплоть до времени написания «Слова об идолах».

Культ Рода — божества Вселенной, всей природы и плодородия. Автору представляется, что этот культ близок к культу Осириса и был распространен на Ближнем Востоке и в Средиземноморье, откуда он дошел и до славянского мира, заслонив собой старую демонологию. Возможно, что рожаницы были земледельческой трансформацией благожелательных берегинь.

Хронологически почитание верховного земледельческого божества Рода и рожаниц должно было бы охватить всю эпоху господства земледельческого хозяйства, но автор поставил культ Рода в зависимость от древних греков и римлян, чем ограничил его и хронологически только тем периодом, который называют железным веком.

Культ Перуна — покровителя дружинно-княжеских кругов Киевской Руси, возникший одновременно с русской государственностью.

Принятие христианства. Язычество отступило на «украины», где продолжали молиться всем старым богам (в том числе и Перуну), но делали это «отай» — тайно. Наиболее жизнеспособным из всех старых языческих культов оказалось почитание Рода и рожаниц, отмечавшееся явно как «вторая трапеза» после рождества богородицы в праздник урожая. Торжественные пиршества в честь Рода стали главным объектом богословских обличений, церковники стремились разубедить приверженцев язычества, считавших, что Род, а не христианский бог создал все живое на земле.

Такова эта интереснейшая и глубокая периодизация, с которой мы в значительной мере можем согласиться. Главным звеном в ней является эра Рода, который подобно Кроносу, мифологическому отцу Зевса, предшествовал Перуну княжеских времен.

Забегая вперед, можно сказать, что единственным слабым звеном в периодизации язычества в «Слове об идолах» можно считать отсутствие самостоятельной матриархальной стадии земледельческого монотеизма, отраженной в культах Кибелы или Реи. Во всем остальном периодизация вполне соответствует научным представлениям об этапах развития религии.

Окончание следует

Всего сто лет, уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в июне 1878 года

В последнее время в нашей духовной литературе особенно усилилась деятельность по изданию народных книг. Каждый почти месяц выпускается в свет по несколько десятков разного рода учебников и учебных пособий, предназначенных для назидания и просвещения масс. Закон божий как предмет школьного обучения служит по преимуществу любимою темою для авторских занятий. Всякий мало-мальски ознакомившийся с русскою грамотою смотрит уже на себя как на просветителя невежественной толпы. Лица духовного и недуховного звания, законоучители и приходские священники, всякого рода писатели и никогда ничего не писавшие считают как бы своею миссиею — сказать слово народу, выступить перед ним в качестве учителей со своими собственными книжками по закону божию. Но все эти книжки, за весьма немногим исключением, являются лишь бесцельным произведением досужего времени. Составители их, беспощадно эксплуатируя и списывая друг у друга, не заботятся даже о том, чтобы хотя сколько-нибудь приспособить свои произведения к действительным нуждам и потребностям жизни и вообще народных школ.

«Странник»

ИВАН ВЕЛИКИЙ

О МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Александр ШАМАРО

Фотохроника ТАСС.

Книга историка С. П. Бартенева лежит перед нами[1]... Два массивных фолианта, в изобилии иллюстрированные давними гравюрами и фотоснимками предреволюционных лет, чертежами и акварелями, планами, нарисованными 300 лет назад, и планами, составленными самим автором,— свыше 800 иллюстраций. Не случайно Н. К. Крупская в воспоминаниях назвала эту книгу альбомом.

Обоим томам предпослан знаменательный эпиграф — слова историка Гастева, автора книги «Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы», изданной в 1841 году: «Московский Кремль, по событиям, в нем совершившимся,.. есть необычайная твердыня в мире...» И то, что было правдой 137 лет назад, стократ правда теперь.

На свете немало прославленных исторических памятников, но какой из них, оставаясь великим памятником национальной истории, стал символом и современной эпохи? В тот исторический весенний полдень — полдень 12 марта 1918 года, когда машина с В. И. Лениным въехала в Московский Кремль,— средоточие России стало средоточием и символом нового, социалистического мира.

На крохотной, в сущности, территории в каких-то 28 гектаров свершилось столько исторических событий, что невольно приходит на ум сравнение с теми звездами, вещество которых спрессовано так, что и спичечный коробок ее не сдвинули бы с места несколько мощных локомотивов. «Перечислять все то, чему были свидетелями Спасские ворота, — замечает Бартенев, — значило бы писать русскую историю Московского периода!» (I, 136). И это было сказано за пять лет до Октября. Представьте себе, чему стали свидетелями Спасские ворота за годы с 1917-го по 1978-й!..

Очерк второй. Первый см. в № 4.

Слово «Кремль» — синоним слова «крепость», и в нем заключен отзвук того невообразимо далекого времени, когда к избам и княжеским хоромам на этом приречном холме вплотную подступал вековой сосновый бор. По мнению И. Е. Забелина, крупнейшего дореволюционного историка Москвы, слово это происходит от «креми», что значит — хвойное дерево.

Сосна и ель дали наименование крепости, но не могли стать ей надежной защитой: бревна хвойных деревьев легко загорались и дружно сгорали. И поэтому в 1339—1340 годах москвитяне заменили их на «град дубов» — мощные по тем временам стены-срубы, сложенные из дубовых бревен — аршин (71 см) в диаметре — и засыпанные камнями и землей... Но «красный петух», вылупившийся из огонька восковой свечки в церкви Всех святых, испепелил в 1365 году и «дубов град». Новый князь (полтора десятилетия спустя он обретет бессмертную славу Дмитрия Донского) решил возвести каменные стены и башни.

[1] С. П. Бартенев. Московский Кремль в старину и теперь. Кн. I—II. М., 1912—1916. Далее ссылки на эту книгу будут даны в тексте с указанием тома и страницы.

Трудовой подвиг — понятие, ставшее характерной приметой социалистической эпохи. Трудовой подвиг народа. Трудовой подвиг москвичей... Но разве не заслужили этих слов те две тысячи безымянных, к сожалению, русских людей — каменщиков и кузнецов, землекопов и возчиков, которые за один год возвели Кремль белокаменный, опоясали Москву двухкилометровой стеной с девятью башнями? Сооружение это потребовало огромного труда. Землекопы вынули около 17 600 кубометров грунта только для фундаментов. Каменщики уложили около 54 тысяч кубометров каменной кладки, из них свыше 14 тысяч — облицовочной, которая требовала тщательной подгонки камня к камню. Общий вес камня — 112,5 тысячи тонн, и его пришлось доставлять за 40 километров, на подводах из карьера. Подвозом камня было занято не менее четырех с половиной тысяч подвод.

Белокаменный Кремль был уже достаточно надежной защитой. «Северная Русь, — читаем у Бартенева,— вынесшая со времени образования Московского княжества, за 234 года (1228—1462) 90 внутренних усобиц и до 160 внешних войн...» (II, 63). В среднем, более чем по одной войне в год. Историк подсчитал, что за семь веков Кремль был в осаде 15 раз. И не всегда, конечно, стены его оказывались неприступными. Город нещадно грабили, сжигали дотла, безжалостно вырезали его жителей.

Летопись Кремля уходит во тьму веков вереницей зловеще пылающих факелов. 1331, 1335, 1337, 1343, 1365, 1382, 1389, 1415, 1418, 1422, 1445, 1451, 1453, 1458, 1470, 1473, 1475, 1485, 1488, 1493 (дважды в течение года). И не надо забывать, что некоторые из дат фиксируют одновременно и опустошительные пожары, и вражеские нашествия.

Но эти цифры — не только своеобразный шифр бедствий и горя далекого прошлого. Это и своего рода хронологическая формула несокрушимой и неиссякаемой народной жизнестойкости. Сгорать и сгорать может лишь тот город, жители которого отстраивают и отстраивают его заново после каждого, пусть даже самого опустошительного пожара,— город, который бесчисленное множество раз, по словам юного Лермонтова, как феникс, возрождается из пылающего праха.

Слова эти взяты из сочинения 20-летнего юнкера, попытавшегося выразить на бумаге то, что хлынуло в сердце его, когда он любовался Москвой с высоты Ивана Великого, когда зачарованно смотрел на Кремль, восстановленный после последнего в его истории вражеского нашествия и пожара осенью 1812 года.

«Видя крушение своего предприятия и мстя за свою неудачу, — пишет Бартенев,— он (Наполеон.— **А. Ш.**) решил стереть с лица земли ненавистный ему Кремль, взорвав его так, чтоб от него не осталось камня на камне... Под многие здания, в том числе и под башни, были подведены мины. Туда вкатили бочки с порохом... Взрыв был назначен на ночь 11 октября, когда Кремль будет покинут последними из французов.

Но шедший в ту ночь проливной дождь местами подмочил тлевшие фитили; некоторые из них вовремя были замечены русскими и потушены. Благодаря этому взорвались не все мины; тем не менее произошло такое разрушение, какого не бывало еще ни разу со времени основания каменного Кремля» (I, 83—84).

Но Иван Великий — выстоял!..

История этого архитектурного памятника восходит к 1329 году, когда на том же месте московский князь Иван Данилович, по прозванию Калита, повелел построить каменную церковь в честь преподобного Иоанна Лествичника. Заняв за четыре года до этого московский «стол», Калита начал на Боровицком холме большое храмостроительство. Одно за другим вырастали тут первые каменные строения: 1326 год — церковь Успения, предшественница современного Успенского собора, 1329 — церковь Иоанна Лествичника, 1330 — Спас на бору, 1333 — церковь Михаила архангела, предшественница современного Архангельского собора.

И с самого начала своего возвышения и роста, точнее с 1326 года, когда митрополит Петр перенес свою кафедру из Владимира в Москву, Кремль становится не только политическим и государственным, но и церковным центром. «Его ограда, — пишет Бартенев,— вмещала около сотни престолов... и поэтому он был и остается в сущности наибольшим на Руси монастырем» (I, 135).

Новые церкви нуждались, естественно, в колокольном звоне, и для них стала звонить колокольня над храмом Иоанна Лествичника, который по этой причине и был прозван в народе — «Иван святой, что под колоколы». Предшественник Ивана Великого простоял 176 лет. В 1505 году старый храм разобрали и к 1508-му соорудили новый, размещенный в первом ярусе несравненно более высокой колокольни. Почти столетие спустя, в 1598—1600 годах, по повелению Бориса Годунова, колокольня эта была надстроена, увенчана золотой крестоносной главой и стала таким образом одним из величайших творений зодчества своей эпохи.

Об Иване Великом написано много: архитектурная ось кремлевского ансамбля всегда привлекала и привлекает ныне особое внимание. Исследована шаг за шагом история строительства, изучен вплоть до малых деталей простой и строгий архитектурный облик. Мы поведем разговор о другом. О том, чему во всех бесчисленных книгах и путеводителях, очерках и статьях посвящено, в лучшем случае, две-три строки: Ивановская колокольня Московского Кремля получила название свое по церкви Иоанна Лествичника.

Кто же он такой — Иоанн Лествичник?

Начать надо, видимо, с этого необычного прозвища. Более полно сей Иоанн именуется в святцах «списателем Лествицы». Списатель — сочинитель, автор. «Лествица» — сокращенное заглавие книги «Лествица, возводящая на небо», или «Лествица райская». Лествица — лестница. Слово это употреблено здесь в переносном смысле: ступени духовного самосовершенствования христианского инока.

Согласно житию, будущий знаменитый отшельник родился около 525 года. О месте его рождения и родителях ничего не сообщается. В 16 лет «оставил мир» и отправился к горе Синай. На горе этой жили пустынники, проводившие дни свои в тяжких подвигах покаяния и «непрестанного памя-

Великий князь Иван Данилович Калита.

Кремль в начале XVII века.

Панорама Кремля на исходе XVII века.

Колокольня «Иван Великий» и звонница в первые годы XIX века.

тования смерти». Бренные тела их были иссушены вконец непрестанными бдениями и постом, запрещавшим вкушать что-либо, кроме фиников и желудей.

Вот к таким монахам и присоединился 16-летний беглец от мира сего, четыре года спустя принявший иночество под именем Иоанн. Новичок не уступал «синайским отцам» в самоистязании, а вскоре даже превзошел их. Он не делал ни малейших поблажек не только своему желудку, но и своей душе.

60 лет прожил монахом Иоанн, из них 40 — отшельником, в полном одиночестве. Видимо, там и была написана «Лествица», эта настольная книга для иноков — 30 душеспасительных бесед о 30 ступенях, или «подвигах», во имя полнейшего «искоренения страстей в ветхом человеке» и «восстановления в человеке образа божия». Лестница эта разделена, как мы теперь сказали бы, на три «марша». Первый — «подвиги предуготовительные», второй — «подвиги совлечения ветхого человека», наконец, третий — «подвиги обновления духа». Ступени полного духовного и почти полного физического самоумерщвления (жизнь должна все-таки теплиться в заживо мумифицированном теле инока, ибо физическое самоубийство — грех).

Ступень первая — отречение от мира и удаление от него. Ступень вторая — «отложение житейских попечений», попрание всего земного, дабы ни разу не возвращаться к людям, даже в мимолетных воспоминаниях о них («истинный инок не печется ни о родителях, ни о друге, ни о братиях»)... Ступень седьмая — плач (занятие, в котором «любивший проливать слезы втайне» Иоанн Лествичник особенно преуспел).

Иоанн Лествичник дал имя одному из кремлевских сооружений по той причине, что ранее именем преподобного был наречен московский князь Иван Данилович Калита.

Иеромонах Герман в жизнеописании «святого» называет Лествичника «одним из тех великих угодников божиих», в которых церковь «преимущественно указывает своим чадам учителей духовной жизни». В первую голову, разумеется, указывает она это тем чадам, кому Иоанн Лествичник стал небесным покровителем-ангелом. Таким покровителем он стал и для Калиты.

Русские летописи не называют года рождения князя. Известен лишь год, когда он занял московский «стол»,— 1325-й, известен год его кончины — 1340-й. Но о дне рождения можно сделать вполне определенное предположение: по всей вероятности, в конце марта, ибо будущий Калита наречен был в честь преподобного Иоанна Лествичника, а тот записан в святцах под числом 30 марта (по старому стилю). Следует, однако, сказать, что вероятность получения такого имени на Руси вообще была весьма значительной. Не случайно оно стало своеобразным синонимом слова «русский». В святцах (по современному «Православному церковному календарю») это имя встречается около 90 раз.

Прежде чем ответить на вопрос: кем был Иван Калита, какую жизнь он прожил, необходимо ясно представить себе, какой же была эпоха, в которую он родился, вырос и стал во главе небольшого русского княжества. Иначе нельзя понять характер этого выдающегося деятеля Древней Руси.

Эпоха была мрачная, кровавая. Уже минуло столетие после чудовищного «Батыева погрома», в огне которого сожжена была и небольшая деревянная крепость на высоком берегу Москвы-реки, — но карта Руси по-прежнему представляла собой лоскутное одеяло: разрозненные, постоянно враждующие друг с другом княжества, бессильные перед беспощадными поработителями. Спасение было только в единстве. Однако межкняжеские распри процветали «под татарами» так же, как и «до татар». Беспомощной здесь оказалась и православная церковь. Объединить Русь можно было только хитростью и силой. И объединяющим центром стала Москва, завоевав себе это право в жестокой борьбе с соседними княжествами. Здесь были в ходу все средства, вплоть до интриг и подкупов в ханской столице и даже разгрома соперников с помощью татарской военной силы.

«Московские князья,— писал один из крупнейших дореволюционных русских историков — В. О. Ключевский, имея в виду главным образом Данила Александровича и его сына Ивана Даниловича,— были гибкие и сообразительные дельцы... Начав свое дело беззастенчивыми хищниками, продолжают его мирными хозяевами, скопидомными, домовитыми устроителями...» [2]. Из-за этого скопидомства, кстати сказать, Иван Данилович и получил свое прозвище: «калита» — денежная сумка.

Калита преуспел на этом поприще значительно больше, нежели его отец. Жестокий и хитрый, умный и упорный в достижении поставленных целей, Калита собирал для хана огромную дань — «выход», беспощадно пресекая народное недовольство тяжелыми поборами. Княжил он всего 15 лет, но за это время сумел распространить влияние Москвы на Ростов, Углич, Галич, на новгородские земли, обнес свою столицу дубовыми стенами, украсил ее каменными церквами, накопил богатую казну.

Москва в результате стала великокняжеским городом, никому уже не уступала этого «стола» и целых четыре десятилетия (1328—1368 гг.) не знала татарских нашествий и разорений. «В эти спокойные годы,— замечает В. О. Ключевский,— успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татарином: они и вышли на Куликово поле» [3].

Таков был исторический путь к Куликовской победе. Дед ездил на поклон к золотоордынскому хану с богатыми дарами в переметных сумах. Полвека спустя внук отправился в ту же сторону с мечом у пояса, во главе великого войска. И победил!..

Таков был московский князь Иван Калита, внук великого деда — Александра Невского и дед великого внука — Дмитрия Донского. Сопоставьте его с преподобным Иоанном Лествичником, в честь которого он был наречен.

Хитрый и энергичный политик, не гнушавшийся ничем ради достижения своих целей, находившийся в самой гуще тогдашней жизни, в сердцевине внутриполитической борьбы. И — фанатичный мо-

---

[2] В. О. Ключевский. Сочинения в восьми томах, т. II. М., 1957, стр. 14.
[3] Там же, стр. 21.

нах, прозябавший 60 лет в пустыни. Можно ли найти хоть что-нибудь общее между ними?

Конечно, Калита был верующим человеком и чтил своего «ангела». Изображение его — в рубище и с книгой в руках — красовалось на великокняжеской печати. В день своего тезоименитства московский князь, наверное, выстаивал особо торжественные молебны в храме, «что под колоколы», то и дело осеняя себя крестным знамением и кладя поклоны перед иконой преподобного. Но жил — совсем не так, как тот.

Разумеется, личность и жизненный путь московского князя сопоставлены с житием христианского праведника отнюдь не с той целью, чтобы против религиозного идеала выдвинуть некий человеческий образец. Нас в данном случае интересует другое. Как бы ни жили наши предки, кем бы ни были, чем бы ни занимались,— образцы христианской праведности, запечатленные в житиях их «ангелов» — «святых», в честь которых они нарекались при рождении, не имели в их жизни практически никакого значения, не оказывали на них влияния. Исчезающе ничтожное исключение составляли религиозные фанатики и святоши.

А не относится ли слово «великий» в названии кремлевской колокольни к преподобному Иоанну? Ведь церковь веками славила его как «великого подвижника». Нет! Даже самые благочестивые церковные авторы не оспаривают общепринятой версии, согласно которой знаменитая кремлевская колокольня была названа так в народе либо за свою высоту, либо в знак уважения к памяти двух великих князей, столь много сделавших и для Кремля, и для Русского государства,— Ивана I Калиты и Ивана III, его праправнука. Предположения эти вполне убедительны, но далеко не исчерпывают всего смысла, который народ веками вкладывал в это название — «Иван Великий».

Иван Великий стал, по сути, архитектурным символом русского народа, простого русского человека, попросту говоря,— русского мужика. Можно сказать, что это — памятник самому великому человеку на Руси во все времена ее — ИВАНУ, без которого не было бы ни военных побед, ни освобождения от золотоордынского ига, ни национальной независимости, ни городов, ни сел, ни крепостей — одним словом, и самой России. Величественный памятник его никем и ничем не одолимому мужеству, неиссякаемой силе и несокрушимой стойкости, его трудолюбию и мастерству. Вот что запечатлено в уникальном сооружении, уже почти четыре столетия вызывающем чувства изумления и восхищения.

Вслушайтесь, как прекрасно это звучит — «Иван Великий»! Словно могучий и гулкий удар в его самый большой колокол.

«Громогласный исполин русской земли», «Триумфальный столп российской славы» — так величали Ивана Великого писатели и историки. «Высоко поднявшись над Москвой, колокольня своим величием как бы олицетворяла мощь централизованного русского государства» [4]. «...Столп Ивана Великого — это своеобразный триумфальный памятник, гигантская колонна, прославляющая русскую землю и напоминающая о событиях той эпохи, когда Московское государство, мужая и набираясь сил, объединило вокруг себя всю страну и, сбросив иноземное иго, достигло могущества» [5].

Опять она, опять Москва!
Редеет зыбкий пар тумана,
И засияла голова
И крест Великого Ивана! [6]

Златоглавый столп был виден издалека каждому, кто в старые времена подъезжал к Москве. Но и с высоты его, естественно, видны были далекие подступы к тогдашнему городу — на 25—30 километров. Для одного лишь церковного звона не было надобности сооружать такую высокую башню. Действительно, у нее было еще одно, быть может, основное назначение — главная дозорная башня Москвы. Колокольня служила завершающим звеном в системе сигнализации, по цепочке уходившей на юг, откуда в любой день могли стремительно вынырнуть полчища крымского хана. С высоты Ивана Великого была хорошо видна башня Симонова монастыря, а с нее, в свою очередь, — церковь в селе Коломенском. Кстати, «обсервационным пунктом» кремлевская колокольня оставалась и в более поздние времена, когда угроза татарских набегов давным-давно миновала: до начала прошлого столетия здесь находился пожарный пост.

Иван Великий и Иоанн Лествичник...

Человек Московской Руси — землепашец и ремесленник, каменотес и воин. И — христианский отшельник, вечный пещерный прозябатель, сочинитель «Лествицы», уводящей из жизни заживо.

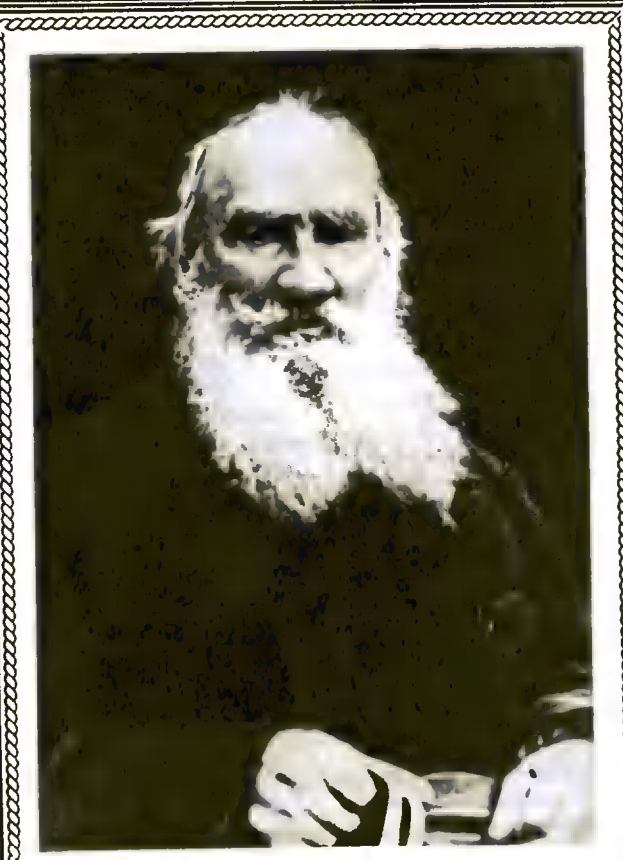
Символ жизни, торжествующей над смертью, над всеми бедами, напастями, разорениями и разрушениями. И — символ праведной, благочестивой, боголюбивой смерти, торжествующей над жизнью человека задолго до его физической кончины.

Иван Великий, который возвышается на священном Кремлевском холме как **Памятник Неизвестному предку.** И — Иоанн Лествичник, о «подвигах» которого ныне почти не вспоминают даже православные богословы.

В течение долгих веков почти безраздельного идеологического господства и огромного политического влияния церковь на Руси, казалось, достигла полного торжества. Православие проникло практически во все сферы, во все поры жизни — государственной, общественной, хозяйственной, культурной, семейной... Людские имена — только по святцам. Календарь крестьянских трудов буквально сросся с церковным календарем. Бессчетные посады и слободы, села и деревни, площади и улицы названы по православным церквам и монастырям. Без молитвы не начинались ни обед, ни строительство.

Но везде и всюду торжество церкви на Руси оказывалось, в сущности, призрачным. Человеческая жизнь обтекала религиозные заповеди и идеалы, предписания и запреты подобно тому, как полноводный и стремительный речной поток обтекает замшелые камни в своем русле. И «всепроникающие», «вездесущие» религиозные символы превращались на деле в условную и традиционную оболочку земной, реальной, человеческой сути.

[4] В. Е. Полетаев. Московский Кремль. М., 1959, стр. 15.
[5] А. И. Михайлов. Колокольня Ивана Великого в Московском Кремле. М., 1963, стр. 75.
[6] А. Полежаев. Стихотворения и поэмы. Л., 1960, стр. 218.

АРХИВЫ РАССКАЗЫВАЮТ

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде, в фондах синода, канцелярии обер-прокурора синода и учреждений царской цензуры хранится огромное количество документальных материалов о преследовании цензурой, судебными и полицейскими органами, а также синодом произведений Л. Н. Толстого за его критику самодержавия и церкви.

Публикуемые ниже документы подготовил к печати кандидат филологических наук И. Ф. Ковалев.

Доклад цензора Э. Г. Курца Центральному комитету цензуры иностранной о запрещении книги на немецком языке «Tolstoi Leo. Ueber Erziehung und Bildung» («О воспитании и образовании»). 25 сентября 1902 г.

Воззрения, изложенные в этой брошюре, следующие: преподавание закона божия — насилование учеников (стр. 55) и величайшее преступление, какое можно представить себе (стр.76). Церковное учение наполнено страшной глупостью (стр. 71). Рассказывают детям нескладную, нелогичную и частью даже безумную и страшную еврейскую легенду о каком-то странном и диком существе, которое называется богом (стр. 72). Внушают детям, что они обязаны безусловно верить в этого бога и смягчить этот гнев молитвами и приобщением вина и хлеба, будто бы представляющими собою кровь и тело бога (стр. 75). Правительство же благоприятствует этому обману церкви, пользуясь им, чтобы поддерживать свою власть (стр. 76).

Понятно, что такого рода воззрения неудобны к обращению в публике.

Цензор Курц.

Резолюция председателя Центрального комитета цензуры иностранной А. Н. Муравьева: «Запретить согласно докладу и не выдавать. Пред. гр. А. Муравьев» (ЦГИА СССР, ф. 779, оп. 4, 1902 г., д. 293, л. 196).

Приговор Петербургской судебной палаты об уничтожении журнала «Земля и труд» № 2 за напечатание в нем произведений Л. Н. Толстого «Что такое религия и в чем сущность ее». 29 октября 1907 г.

1907 г. октября 29 дня. По Указу его императорского величества, С.-Петербургская судебная палата, по 2-му Уголовному Департаменту в открытом судебном заседании...

Слушала: предложенное прокурором судебной палаты 22 августа 1907 г. за № 13454, в порядке 6 ст. IV Отд. Закона 26 апреля 1906 года, дело о напечатании в гор. С.-Петербурге № 2 журнала «Земля и труд» для постановления приговора об его уничтожении.

Выслушав доклад по содержанию указанного сочинения и словесное заключение товарища прокурора, судебная палата находит, что в помещенном в означенном журнале сочинении графа Л. Н. Толстого под заглавием «Что такое религия и в чем сущность ее» высказывается отрицание Св. Троицы, божественности Христа, значения Богородицы, как Матери и Девы, вознесение Христа на небо и проч., равно библейские сказания о сотворении мира, о ковчеге, приписывая все это человеческим измышлениям (стр. 18—21), и что в виду этого в напечатании означенного сочинения усматриваются признаки преступления, предусмотренного п. 2 ст. 73 Угол. Улож., вследствие чего дальнейшее распространение означенного сочинения не должно быть допущено.

Вследствие изложенного судебная палата определяет: на основании 6 ст. IV отд. Закона 26 опреля 1906 года о неповрем. изданиях изданный в 1906 году в гор. С.-Петербурге № 2 журнала «Земля и труд» издание А. Е. Беляева уничтожить вместе со стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для его напечатания (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, 1906 г., д. 95, л. 11).

Из отношения Московского комитета по делам печати прокурору Московской судебной палаты о возбуждении судебного преследования против автора и издателей книги Л. Н. Толстого «Соединение, перевод и исследование 4-х евангелий». М., 1908. 3 июля 1908 г.

По содержанию своему эта книга является таким же, как и первый том, дерзостно-кощунственным произведением печати, направленным к разрушению в народе веры христианской и, главным образом, православной и к уничтожению в нашем отечестве и в других христианских государствах общественного и государственного строя.

Задавшись преступной мыслью поколебать все устои, на которых зиждется государственный и общественный строй, и, главным образом, веру христианскую, Толстой и в рассматриваемых томах кощунственно отрицает божество второго лица св. троицы Иисуса Христа, сына божия, и выставляет его за простого человека, а третье лицо св. троицы, духа святого, совсем не признает и для этой цели искажает, под предлогом научного исследования, текст и смысл св. евангелий 4-х евангелистов, толкуя их так, чтобы толкование его подтверждало его буйственные затеи.

Церковь христианскую и, главным образом, православную, он не признает учреждением божественным, а утверждает, что она будто есть измышление фарисейства — духовенства, желавшего у евреев и желающего у нас держать массы народные в своей власти из-за своекорыстных расчетов...

Толкуя евангелические повествования о тайной вечери и об установлении св. таинства евхаристии, Толстой дерзостно-кощунственно говорит: «зачем нужно пить вино и есть хлеб, называя это телом и кровью, — как ни толкуй, это остается не только непонятным, но, очевидно, чем-то безобразным».

Находя в изложенном признаки преступлений,

предусмотренных статьей 78 и пунктом 2 статьи 129 Уголовного Уложения, Московский комитет по делам печати имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить против автора названной книги гр. Л. Н. Толстого, а также и против представителя книгоиздательства «Посредник», судебное преследование по указанным выше статьям уголовного закона[1] (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 16, ч. 1, 1908 г., д. 1792, лл. 3—7).

Из отношения Петербургского комитета по делам печати прокурору Петербургской судебной палаты о возбуждении судебного преследования против издателей брошюры Л. Н. Толстого «I — Церковь и государство. II Письма». 13 апреля 1910 г.

Содержание названной брошюры является компиляцией из черновых отрывков, исключенных Л. Н. Толстым из его сочинения «Критика догматического богословия», и трактует в отрицательном смысле вопросы как о самой церкви, так и о взаимных отношениях между церковью и государством. Называя самое понятие христианской церкви «самым безбожным», Л. Н. Толстой говорит: «Нет понятия, породившего более зла, нет понятия более враждебного учению Христа, как понятие церкви». Церковь, по его мнению, становится делом обмана со времени царя Константина и Никейского собора. Начинается обман с мощами, попов, с евхаристиею, Иверских, Синодов и т. п., которые поражают и ужасают нас и не находят достаточного объяснения по своему безобразию.

Говоря об обмане веры, совершающемся через церковь, позволяет себе не только оскорблять православную церковь, ее учение и святыни, но даже — возлагать хулу на самого бога и святых его. Места в брошюре, содержащие в себе оскорбительные выражения, отмечены синим карандашом, именно касающиеся самой церкви православной, ее учения, священного писания, догматов, таинств, св. икон, св. мощей и возложение хулы на бога.

После справки о первоначальном возникновении союза между церковью и государством при Константине великом, объявившем христианство государственною религиею, автор приходит к выводу: «все, что соединилось с властью и подпало ей, перестало быть верою, а стало обманом», и устроившие этот союз между церковью и государством, освятившие первого царя и уверившие его, что он своим насилием может помочь вере, перестали, по мнению автора, быть «хранителями св. духа»: сделались «разбойниками и обманщиками».

Сообщая о сем, Комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против представителя книгоиздательства «Обновление» Николая Евгеньевича Фельтена (Вас. остров, Средний проспект, д. 59), а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу[2].

За председательствующего, член Комитета проф. Головин (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 9, 1910 г., д. 1997, лл. 3—4).

Приговор Московской судебной палаты об уничтожении части текста из книги Л. Н. Толстого «Круг чтения» за критику церкви и священного писания. 12 апреля 1912 г.

1912 г. апреля 12 дня, по указу его императорского величества, Московская судебная палата слушала дело об уничтожении в изданной В. М. Саблиным книге под заглавием: Л. Н. Толстой. Собрание сочинений, 2-я серия, семнадцатый том рассуждений, изложенных на страницах 312 и 313.

Из содержания этих страниц сочинения усматривается, что в них Л. Н. Толстой так говорит о боге, христианской вере и ее догматах: «неужели мысль о боге, который прогуливался по саду с Адамом и Евой и не слыхал того, что говорили они, потому что отошел от них на некоторое расстояние, который испугался нападения на его небесную твердыню со стороны строителей какой-то башни и ел жареных ягнят со стариками, который приходил в ярость из-за разных пустяков и то и дело проклинал несчастных, созданных им людей за их ошибки, — может ли мысль о таком боге быть чем-либо высшим сравнительно с представлением о невидимом, всезнающем и всемогущем существе, которое правит бессчетными мирами и проявляет свою волю всюду во вселенной? А вера в божественность Христа, в его воплощение, воскресение и искупительную жертву? Разве не есть это кощунство — впутывать высшее и величайшее существо в дела смертных? Разве может быть большая слепота? Если индусы должны верить в воплощение, то почему им не верить в воплощение Кришны или Рамы, почему они должны верить не в них, а в Христа? Однако бог, как это сказано в истинно-священном писании человечества, не имеет тела и не был рожден (Иоанн, 4 гл.) и не может воплощаться. Учение о воскресении не более как сказка: могила никогда не выдавала своих мертвецов, если они точно были мертвецами. Что же касается искупления, то учение это противоречит уже самым первобытным понятием о справедливости».

Эти идеи и воззрение представляются с точки зрения действующего закона преступными, ибо в них проводится явно кощунственные и богохульные мысли как о боге, так и о христианской вере, почему Судебная палата, усматривая в них признаки преступления, предусмотренного 73 ст. Угол. Улож., не признает возможным допустить их к обращению и полагает изложенные на страницах 312 — 313 мысли как вредные, преступные и недопустимые к обращению в обществе по статье 6 п. 2у отд. Закона 26 апреля 1906 года и на основании 36 и 38 ст. Угол. Улож. уничтожить, а вещественное доказательство один экземпляр означенного 17 тома сочинений Л. Н. Толстого издание В. М. Саблина в Москве 1911 года оставить при деле.

По изложенным соображениям Судебная палата, согласно заключению товарища прокурора, определяет: в изданной В. М. Саблиным книге под заглавием: «Круг чтения» Л. Н. Толстого, собрание сочинений 2-й серии 17 том, Москва, 1911 г., уничтожить страницы 312—313 издания, а вещественное доказательство один экземпляр означенного тома оставить при деле (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 17, 1912 г., д. 514, лл. 7—8).

Отношение Петербургского комитета по делам печати прокурору Петербургской судебной палаты о наложении ареста на брошюру Л. Н. Толстого «Исповедь» и о привлечении к уголовной ответственности лиц, издавших эту брошюру. 2 октября 1912 г.

От Главного управления по делам печати при предложении от 5-го сентября сего года за № 11539 поступил на рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати доставленный Начальником Московского губернского жандармского управления (при отношении от 25-го августа сего года за № 9299) экземпляр брошюры, под заглавием «Л. Н. Толстой. Исповедь». Издание Е. Н. Парамонова «Донская речь». Типография «Герольд» (Вознесенский, 3).

Согласно докладу представителя Духовного ведомства при С.-Петербургском комитете по делам печати в рассматриваемой брошюре имеются нижеследующие места, заключающие в себе признаки преступления, караемого ст. 73 Уг. Ул.

«Разумное знание в лице ученых и мудрых отрицает смысл жизни, а огромные массы людей, все человечество, — признают этот смысл в неразумном знании. И это неразумное знание есть вера, та самая, которую я не мог не откинуть. Это Бог 1 и 3, это творение в 6 дней, дьяволы и ангелы и все то, чего я не могу принять, пока я не сошел с ума» (стр. 35). Как, после такого заявления Л. Н. Толстого, думать о тех св. отцах, ученейших людях своего времени, которые (например, св. Григорий Богослов) не только принимали догмат о единстве Бога по существу и троичности лиц в нем, но и объясняли этот догмат верующим, — не только принимали шестидневное творение мира Богом (св. Василий Великий), но и объясняли его в своих творениях? Признать и их сумасшедшими?

«Когда я подошел к царским дверям (для причащения) и священник заставил меня повторять то, что я верю, что то, что я буду глотать, есть истинное тело и кровь, меня резануло по сердцу; это мало что фальшивая нота, это — жестокое требование ко-

---

[1] Московская судебная палата постановила книгу Л. Н. Толстого в количестве 5000 экз. уничтожить.

[2] Петербургская судебная палата 28 августа 1912 г. постановила брошюру «Церковь и государство» уничтожить.

го-то такого, который, очевидно, никогда и не знал, что такое вера» (стр. 54). Слова молитвы пред причащением, о которой здесь речь, — «сие самая честная кровь твоя», влагаемые, как исповедание веры причастника, суть — буквальное повторение слов Христа Спасителя, сказанных им на тайной вечери: «примите, ядите — сие есть Тело мое... пийте от нея вси, сия есть Кровь моя...» Выходит, что Господь предъявил «жестокое требование», что он «никогда и не знал, что такое вера».

«Откуда взялась ложь и откуда взялась истина? И ложь и истина переданы тем, что называется церковью. И ложь и истина заключаются в предании, в так называемом святом предании и писании» (стр. 59). Здесь явное «поношение Священного Писания», о котором говорится, что оно содержит ложь.

Усматривая, в виду изложенного, в содержании означенной брошюры признаки преступления, караемого ст. 73 Уг. Ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) привлечь к уголовной ответственности, по силе вышеуказанной статьи закона, виновных в напечатании этой брошюры и 2) наложить на нее арест на основании ст. 1213 Уст. Уг. Судопр.

Сообщая о сем, в дополнение к отношению своему от 18-го сентября сего года за № 2215, Комитет имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство возбудить судебное преследование против издателя брошюры Е. Н. Парамонова, полное имя и местожительство которого Комитету не известны, а равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу.

Экземпляр брошюры при сем прилагается (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 10, 1912 г., д. 419, лл. 3—4).

Постановление Петербургского комитета по делам печати о возбуждении судебного преследования против лиц, издавших произведение Л. Н. Толстого «Восстановление Ада». 20 сентября 1913 г.

18-го сентября 1913 года в С.-Петербургский комитет по делам печати поступил V том II серии собрания сочинений Л. Н. Толстого, изданный книгоиздательством «Просвещение» (Забалканский, 75) и напечатанный в типографии Общества «Самообразование» (Забалканский, 75).

В состав V тома собрания сочинений Л. Н. Толстого в издании книгоиздательства «Просвещение» вошли мелкие рассказы и между прочим — легенда под заглавием: «Восстановление Ада». Это последнее произведение Л. Н. Толстого поступало в Комитет в других изданиях в 1906 и 1910 гг. и как заключавшее в содержании своем признаки преступного деяния, предусмотренного 128 и 73 ст. ст. Угол. Улож., было инкриминировано и арестовано в 1910 году.

Содержанием легенды «Восстановление Ада» послужил рассказ о том, что вскоре после крестной смерти Христа люди совершенно забыли его учение, создали «церковь», которая затемнила своими догмами истину и создала свое учение, присвоив лишь ему имя Христа.

Дьявол, давая отчет о своей деятельности среди людей, рассказывает Вельзевулу, что он «так переделал (учение Христа), что люди верят не в его (Христа) учение, а в мое, которое они называют его именем» (стр. 5). Далее: «дело шло хорошо, но я боялся, как бы они не увидели слишком очевидного обмана, и тогда я выдумал «церковь». Когда они поверили в церковь, я успокоился: я понял, что мы спасены и ад восстановлен» (стр.7). Говоря об установлении таинства эвхаристии, Толстой устами дьявола замечает: «они учат тому, что если положить кусочки хлеба в вино и сказать над этими кусочками известные слова, то хлеб делается телом, а вино кровью и что есть этот хлеб и пить это вино очень полезно для спасения души» (стр. 12). Желая отметить для читателя, что все вышесказанное имеет отношение и к России, Толстой на стр. 13 устами того же дьявола говорит: «Одно время в России я, ради опыта, сажал на царство одну за другой самых гнусных баб, глупых, безграмотных, распутных и не имеющих по их же законам никаких прав, последнюю же не только распутницу, но преступницу, убившую мужа и законного наследника. И люди только потому, что она была помазана, не выдрали ей ноздри и не секли кнутом, как они делали это со всеми мужеубийцами, но в продолжении 30 лет рабски покорялись ей, предоставляя и ее бесчисленным любовникам грабить не только их имущество, но и свободу людей».

Обсудив изложенное и принимая во внимание, что в легенде «Восстановление Ада» Л. Н. Толстого поносится церковь, ее догматы и учение, а также оказывается дерзостное неуважение к верховной власти, что деяние это предусмотрено 73 и 128 ст. ст. Угол. Улож., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: Усматривая в статье «Восстановление Ада» признаки преступления, предусмотренного 73 и 128 ст. ст. Угол. Улож., возбудить уголовное преследование против лица ответственного по делам книгоиздательства «Просвещение» по 73 и 128 ст. ст. Угол. Улож., наложив арест на основании 1213 ст. Уст. Уг. Суд., на том V серии II собрания сочинений Л. Н. Толстого[3] (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 10, 1913 г., д. 1014, лл. 3—4).

[3] 4 декабря 1913 г. Петербургский градоначальник сообщил в Главное управление по делам печати, что произведение Л. Н. Толстого «Восстановление Ада» 31 октября 1913 г. «уничтожено посредством разрывания на мелкие части» (прим. авт.).

Многие из простолюдинов, чувствуя себя больными, идут на богомолье в Троицкую лавру, желая облегчить тем свои страдания, и очень нередко умирают в пути. Так, крестьянка деревни Пешки Московского уезда, заболев, отправилась со своими товарками пешком в Сергиеву лавру, но на возвратном пути, не доходя несколько верст до своего селения, ослабела силами. Одна из сопровождавших ее женщин отправилась в близлежащее от дороги село Никольское и выпросила подводу, чтобы довести больную до деревни Пешки, староста села исполнил ее просьбу, но, проехав версты две, больная скончалась на телеге.

«Московские ведомости»

В 12 верстах от Лебедяни (уездный город Тамбовской губернии.— **Ред.**), в женском монастыре, проживает одна мирная, умудренная летами женщина, известная под именем «Сонечки», пользующаяся авторитетом прорицательницы. К ней-то в критических обстоятельствах прибегает наш русский люд за разными советами и выслушивает ее аллегорические ответы на свои вопросы. За неделю до троицына дня кто-то из лебедянских жителей (из прекрасного пола) полюбопытствовал узнать у Сонечки-прорицательницы о своей будущей судьбе и к крайнему недоумению услышал от нее пророческие слова, заключающиеся в том, что на троицын день исчезнет, мол, с лица земли вся Лебедянь посредством огня за ее тяжелые грехи... И вот страшная весть с быстротой молнии облетает город, и начинается всеобщая кутерьма. Жители не на шутку всполошились: кто бросился застраховывать свой дом, кто собирать свои пожитки и весь домашний скарб и тащить в погреба и другие безопасные места, кто готовился по первой тревоге отвозить своих детей в близлежащий лес.

Наконец, настает давно ожидаемый троицын день. В этот великий праздник многие из жителей не решались даже идти к обедне, боясь на случай пожара оставить свои дома. Некоторые выходили за ворота, высматривая на все четыре стороны — не видать ли где дыма? Но день, проведенный в томительном ожидании, прошел, вот и ночь на исходе, а пожара все нет как нет; только слышится таинственный говор сидящих на улице жителей, для которых дом и пожитки — вся жизнь. Проходит ночь, проходит и духов день, а в городе все спокойно и благополучно... И поныне пока все обстоит благополучно, и ничто не нарушает спокойствия наших суеверных жителей, напуганных пресловутою прорицательницей, уже начинающей, впрочем, в глазах многих терять свой авторитет.

«Московские ведомости»

Кто научился размышлять, тому трудно веровать.

Ум... честность, прямота, добродушие и нравственность большею частью встречались в людях, признающих себя неверующими.

Суеверия держатся потому только, что любят верить тому, что есть где-то там, на недосягаемых нам высотах, божественные и мудрейшие люди, которые все узнали, исследовали и решили, и нам остается только верить тому, что говорят эти люди.

Что ни сыпь в закром с щелью в полу, все высыпается. Что ни вкладывай в ум, принявший за веру бессмысленное,— ничто не удержится в нем.

В периодическом прощении грехов на исповеди вижу вредный обман, только поощряющий безнравственность и уничтожающий опасение перед согрешением.

Истинное чувство всегда возьмет верх над привитыми предрассудками; потому что истинное чувство доставляет истинное душевное наслаждение.

Все, что говорят про бога и добро, все это делается только для того, чтобы обманывать людей.

Учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства...

Все это вероучение... это не только ложь, но сложившийся веками обман людей неверующих, имеющий определенную и низменную цель.

Церковь есть такое собрание людей, которые утверждают про себя, что они находятся в полном и единственном обладании истины.

Церкви не только никогда не соединяли, но были всегда одной из главных причин разъединения людей, ненависти друг к другу, войн, побоищ, инквизиций, варфоломеевских ночей и т. п. ...

Лев Толстой о религии и суевериях

Кто из нас, читая Л. Н. Толстого, не поддавался искушению выписать, запомнить какую-то фразу, поразившую меткостью мысли, отточенностью ее словесного выражения? Толстой — непревзойденный мастер афористичного изречения. Его мудрые мысли вошли в наш язык так же органично, как строки Крылова, Грибоедова, Пушкина.

Еще при жизни Толстого появились первые сборники его афоризмов, впоследствии они составлялись и переиздавались многократно. Наиболее полным изданием такого рода будет книга, которую готовит к 150-летнему юбилею писателя Приокское книжное издательство (г. Тула). Составлен сборник Ленинградским клубом любителей афористики (старейшим в стране, он существует уже 20 лет). Члены этого клуба тщательно перечитали каждый из 90 томов Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, скрупулезно выбрали афористичные высказывания, требовательно отобрали наиболее яркие из них и сгруппировали в 17 тематических разделов.

Предлагаем вниманию читателей подборку высказываний из главы «О религии и суевериях».

Собственно утверждение всякой церкви о том, что она одна в истине, имеет ровно столько же веса, как и утверждение всякого человека, говорящего: «ей богу, я прав, а неправы все несогласные со мною».

Церковь, соединенная с властью, всегда употребляла насилие,— скрытое насилие,— но тем не менее самое определенное и действительное...

Если возможна троица, непорочное зачатие, искупление рода человеческого кровью Христа, то все возможно, и требования разума не обязательны.

Смотришь на людей, целующих икону, подлезающих под нее, обожающих и боящихся ее. Если людей могли обмануть так, то нет обмана, на который бы они не поддались.

Царство церквей — царство дьявола и тьмы.

Если разуметь жизнь загробную в смысле второго пришествия, ада с вечными мучениями, дьяволами, и рая — постоянного блаженства, то совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни.

Враг истины есть невежество суеверия; выросшие же на этом невежестве церкви, и наша, и католическая, и протестантская иерархия, суть грибы, растущие на этом навозе. Покуда будет невежество, будут иерархии, попы, папы, мощи, причастия, семинарии, академии, догматы, троицы и воскресения... И потому надо уничтожать не грибы, а тот навоз, на котором они растут. Его надо вычищать, т. е. рассеивать невежество.

Молодое поколение теперь не только не верит ни в какую религию, но верит, именно верит, что всякая религия — вздор, чепуха.

Киев. Один из профессоров университета набрел со студентами около лаврского монастыря на возмутительное зрелище: на дереве была повешена девочка лет 12, которая уже посинела. Бросились подать помощь. Но вдруг сбежалось множество монахов, которые, как оказалось, повесили девочку за какую-то провинность и ни за что не соглашались позволить студентам спасти свою жертву.

«Газета А. Гатцука»

Молодой физик доктор Кристиани занимается в досужие часы изучением механизма разных знаменитых фокусов. Между прочим, он наловчился повторять и все штуки, которыми спириты обыкновенно столь импонируют публике.

«Московские ведомости»

Корреспондент следующим образом описывает бедствие, причиненное Луной астрономам Пекинской обсерватории:

Высокознаменитые ученые Кан-Тизн-Кизна, императорского астрономического бюро, торжественно возвестили, что 17 февраля ровно в пять часов вечера дракон, витающий в воздушных пространствах, попытался еще раз пожрать Луну. Так как затмение должно было быть почти полное, то астрономы предупредили публику, что нападение чудовища будет ужасное и что спутник Земли может погибнуть, если шумные крики и манифестации не обратят в бегство страшного дракона.

В назначенный день, задолго до часа затмения, миллионы китайцев выступили за укрепленную ограду городов и расположились в открытом поле, устремив глаза в воздух. Те из них, которые не могли добыть гонгов, запаслись кастрюлями, трещотками, пустым бамбуком и множеством маленьких петард, без которых не обходится ни одно празднество в Китае.

Но, о разочарование! Бесчисленная толпа эта с изумлением увидела, что в пять часов луна поднялась над горизонтом без малейшей перемены на ее широком диске. В шесть часов та же ясность, в семь часов та же полнота! Уж не мистификация ли это? Ужели возвратиться домой без боя? К этому стали готовиться с сожалением, как вдруг раздался оглушительный крик. Заметили, что блеск планеты померк, что лик ее становится кровавым... Дракон начал нападение.

Невозможно представить себе, с какой яростью китайцы забили в свои гонги, кастрюли и трещотки и подожгли свои миллионы петард! Дракон, очевидно, был испуган ими, и после часа борьбы довольная толпа разошлась, убедясь, что планета пошла снова своим блестящим путем по небесному своду.

«Московские ведомости»

О чем писали русские газеты и журналы в июне 1878 года

Штрафной батальон

Рисунки Р. Авотина.

Евгения СЕРГИЕНКО

Молчаливая и настороженная толпа женщин всколыхнулась, загомонила при первом вскрике «Васыль!», выражая больше изумление, чем сочувствие. А та, что кричала, вырвалась из рук заплаканной и сконфуженной подруги или младшей сестры и побежала к грузовику, переваливаясь по-утиному, загребая спадающими большими ей валенками снег. Цветастый кашемировый ее платок с кистями сбился на плечи, потом соскользнул, упал, и никто не поднял нарядной этой шали со снега. Полы городской, ворованной, наверное, беличьей шубки разметались, и выпятился большой, обтянутый шелковой зеленой юбкой, живот. Две пожилые женщины тоже бросились к машине с арестованными, выкликая жалостно имена своих головорезов-сыновей: «Петрусь, сучий ты сын, не послухал ты маты!»

А к Виктору приблизилась маленькая старушка, дрожащая, как засохший коричневый лист, одетая в плохонький тулупчик, обутая в лапти, и, горько плача, опустилась на колени. «Встань, бабушка. Этим ты теперь не поможешь», — строго сказал ей Виктор, но она не подымалась и, тоненько скуля, просила, чтобы пан начальник разрешил бы передать хлеба и бульбы ее внуку, единственному и глупому, сироте несчастному и ни в чем не виноватому Михасику Осиновскому, сбежавшему по детскому неразумению в лес. «Золотенький пан начальник... Добрый пан начальник!» — лепетала униженно бабка, пытаясь поймать и поцеловать руку Виктора. Слезы ее растекались ручейками по ее морщинистым щекам, и Виктору отчетливо вспомнились слезы его матери, оставляющие матовые полоски на блестящих сапогах... «Хорошо, хорошо, бабушка. Передавай!» — разрешил он и виновато спросил у Ионина, можно ли было разрешать. «А, черт с ними, пусть лопают!» — ответил Ионин и пошутил, оправдывая свое мягкосердие: «Мы же продовольственный аттестат на них не выписали, а позавтракать помешали».

Бабы кинулись по хатам, и закружился по Осиновке вкусный печной дух. Михась, самый младший из арестованных (двадцать восьмого года рождения), плакал в голос, перегнувшись через задний борт, принимая из дрожащих бабкиных рук глиняную щербатую миску вареной картошки и ломоть клеклого, пополам с той же картошкой, хлеба. «Ты же не злодий, Михасик? Ты же не убивал?» — пытала старуха ласково, как малого ребенка, подсказывая желанный ответ, и смотрела в глаза внука с такой истовой надеждой, что душу Виктора прокололо острой болью. Он быстро пошел прочь, ненавидя всю эту бандитскую Осиновку, и распатланную, брюхатую от бандеровца девку, и дразнящий запах горячей картошки. Обида и злость мешали смотреть на весь белый свет и особенно на нескладного худого и сутулого, носатого и веснушчатого Михасика, который сейчас, утирая морду пятерней, давится клеклым хлебом и слезами и, пожалуй, в последний раз, горячей, привычной бульбой.

Виктор понял, что невероятно жалеет плачущего, распустившего сопли дурня, так жалеет, что оставил бы его здесь, в этой чертовой Осиновке, у разнесчастной его бабки. Даже влезла на миг в голову сумасшедшая мысль: «Надо поговорить с Иониным». Но пока брел короткой и безлюдной улицей (вся деревня — одиннадцать дворов), успел сообразить, что заикаться об этом позорно. Михась Осиновский захвачен с оружием в руках. Может быть, именно он, сопливый Михасик, застрелил младшего сержанта Юрченко или рядового Володина или пособничал в злодейском убийстве старшины Соболева.

Все это болью и радостью пронеслось в памяти Виктора, когда тетя Варя напомнила о тех днях в декабре сорок четвертого. Болью оттого, что Виктор увидел там в глуши полесских болот, радостью от хмельного и справедливого негодования, которым билось тогда его, лейтенанта Курносова, сердце.

Генерал Травкин долил свой бокал, обошел вокруг стола, чокнулся с племянником, обнял и поцеловал... Вот и вся награда. А Ионину отвалили орден Красной Звезды и досрочно звание капитана за поимку бандита Васыля Дыбы, действовавшего по заданию немцев.

— Не обижайся на меня, дядя Костя, ладно? — произнес Виктор первые попавшиеся слова и улыбался, стыдясь своих слез.

«Ну, пусть думают, что плачу спьяну».

ГЛАВА IV

— Мама, я здесь, я выхожу! — крикнул Виктор, увидев мать.

Перрон Белорусского вокзала кишел народом. Протянутые к окнам вагонов нетерпеливые женские руки с букетами цветов, казалось, остановили поезд. Мать протискивалась сквозь толпу, под-

Продолжение, начало см. в № 5.

нява большой букет красных и белых гвоздик, гордо помахивая ими.

— Осторожно, Витя, — заботливо предупредила она.— Не прыгай на раненую ногу. Подожди, я помогу тебе!

Но немолодой густобровый старшина, стоявший у подножки, взял у Виктора чемодан и трость, подставил плечо и велел басом:

— Наваливайся, старший лейтенант. Сигай! Принимай, мамо, своего родного советского героя. Трохи подбитый воротился победитель.

— Виктор и значит по-французски победитель! — громко объявила мать, ткнула в грудь Виктора гвоздики и крепко прижала его к себе вместе с букетом и, заливаясь счастливыми слезами, все еще не верила: — Неужели это ты, Витя?

— Я, мамуля, я... Ну, не плачь, я дома. А где же папа? Или уехал с ансамблем?

— Как это он может сейчас уехать! Фронтовик обязан встретить фронтовика. Вы оба у меня наши славные герои. Вы вернулись домой с победой!

— Мамуля, не митингуй.

— Я и не митингую, а говорю то, что есть. Ах да, расскажи, как провожал тебя генерал Травкин! Наверное, не хотелось ему расставаться со своим адъютантом? — и не дождавшись ответа, удивилась: — Это и все твои вещи? Один всего чемоданчик? А отцу удалось достать на сегодня легковую машину, чтобы тебя встретить.

— Есть машина? Сразу и получим багаж, если он прибыл с этим поездом.

Прихрамывая, Виктор шел, опираясь на палку, и твердил мысленно: «Вот и дома, вот и в Москве...» Но слова будто относились не к нему самому, а к кому-то постороннему, и было не понятно, рад этот посторонний своему возвращению домой или не рад. И только уже сидя в бежевой эмке, откинувшись на сиденье рядом с матерью, Виктор почувствовал сладко разливающееся по всему телу облегчение. Эта легкость и ощущение покоя и были радостью, он утопал в ее тепле, погружался в нее все глубже и глубже, и вот дошла она до горла и захлестнула счастливым удушьем, когда эмка повернула с Садового кольца на бульвар, а потом въехала под арку во двор...

Самое милое, уютное и безопасное пространство на всем земном шаре, окруженное кирпичными этажами и могучими тополями, блестело после недавнего грозового дождя яркой зеленью тополиной листвы, заслоняющей частые ряды всевидящих окон, и голубыми лужами на асфальте. Пышные и пахучие сейчас заросли бурьяна оберегались скособоченными, почерневшими заборчиками. Мусорные ящики прятались под низким навесом из ржавого листового железа. Машина плавно прокатила мимо сохнувших на веревках подштанников и рубах, мимо лавочек, на которых, хоть утром, хоть вечером, обязательно кто-нибудь с кем-нибудь сидел, наблюдая и обсуждая быстротекущую жизнь, и остановилась у третьего подъезда...

— Курносовы сына встретили! — раздался в окне первого этажа женский голос: — Сынок из Германии приехал, Калерия Ивановна?

— Из Берлина, — с кроткой важностью ответила она. — Витя наш — старший лейтенант. Он служил адъютантом у генерала Травкина. Генерал Травкин наш родственник, он муж моей родной сестры.

— Хватит распространяться, наседочка, — строго прервал отец. — Берись-ка за ремни, поможешь мне нести. А ты, Витя, с товарищем шофером, возьмите вот этот.

Виктор волок на третий этаж здоровенный, из натуральной кожи «кофер» и, приближаясь с каждой ступенькой к довоенной домашней жизни, возвращался в ту пору, когда слушался и боялся отца. Но должен отец теперь понять, что вести разговор в пустой след не о чем?

Торопливый стук каблуков скатывался по лестнице. Бежит, пританцовывая, легкая, молоденькая Виктору навстречу. А кто? Интересно.

— Перекур, — сказал Виктор шоферу и поставил чемодан. Ага, показались «танкетки» — босоножки на деревянной подошве, и длинные хорошенькие ножки, серенький подол, а вот и все серенькое с черным пояском и белым воротничком платьице. Плечи, вздернутые по моде, а над ними пышные волны светлых, пепельно-золотистых волос. Глаза стрекозиные, большие, приветливые. — Ниночка? Ты? Неужели ты? О-о-х ты!

— Здравствуй, Витя. С приездом. Иду сейчас от Митрохиных по коридору, а твои входят с вещами. Николай Демьянович говорит: «Пошла бы нашему Виктору помогла. Он раненый приехал из Берлина, еле ползет по лестнице». Я и побежала. Давай-ка помогу.

— Спасибо, Ниночка, не надо, а то надорвешься, испортишь свою красоту. Какая же ты красивая стала! Женюсь на тебе, в кино перестану ходить. Буду сидеть дома и на жену любоваться.

— Спроси сначала, пойду ли? Я и работаю, и учусь сразу на курсах стенографии и курсах английского языка. Ты-то мне зачем сдался?

— Зачем? Потом узнаешь. Объясню. Так сговорились?

— Отстань. Воображаешь из себя много.

— Э, девушка, не бросайся нашим братом, — сказал шофер, парень постарше Виктора года на два. — Это до войны вы, девчата, крутили носами да перебирали женихов, как картошку, какой поглаже да покрупней. А нынче иное дело. Крупных-то поубивали, виднее их издали. Знаешь, где пооставались хорошие женихи?

Нина опустила голову, молча побежала вниз. Задержалась на площадке, обернулась и спросила:

— Витя, а тебе твоя мама писала, что Андрей Митрохин погиб? Осенью сорок третьего. На Днепре под Лоевом.

Громко и сердито простучали каблучки, а Виктор стоял и думал: почему она напомнила про Андрея? Знает, что в сорок третьем Виктора прятала мать? Но эта тревожная мысль не затмила новой радости. Это же здорово, что он приехал вовремя! Здесь, в их дворе, в их доме в первом подъезде на втором этаже живет самая прекрасная девушка на всем свете — Ниночка Антипова.

— Ничего девочка? — бросил Виктор шоферу, когда деревянные туфельки отстукали во дворе.

Пренебрежительным вопросом он хотел показать, что и не таких видал, а шофер ответил серьезно:

— Подходящая, но с характером. Походишь ты, старший лейтенант, за ней, ой и покрутишься вокруг нее!

— Женюсь на ней, — сказал решительно Виктор. «Женюсь! Разобьюсь в лепешку, а женюсь!» — повторял себе и с этим твердым и счастливым решением, широко улыбаясь, вошел в раскрытые настежь двери тридцать седьмой квартиры.

— Ай, Витя, Витя! Мать хвалится — старший лейтенант! Какой же ты старший? Ни чуточки не подрос, — такими словами встретила его Никитишна.

Он и не обиделся, и смеялся со всеми и целовался со всеми подряд. Сергей Саввич Митрохин кивнул ему издали и скрылся в своей комнате, а Марья Степановна расплакалась и вспоминала громко, как Витька и Андрюшка еще без штанов гонялись в этом самом коридоре, как они выросли и вместе пошли в школу, отвели их матери в один день, а теперь вот Витька воротился живой, а Андрюшка лежит в сырой земле на чужой стороне...

Шипели на кухне позабытые примуса, тарахтели крышками, выкипая, чайники, — было не до них. И плакала, и смеялась растревоженная квартира, и меньше было смеху, чем слез.

Подошел к раковине вымыть руки под краном рослый молодой мужик в нижней бязевой рубахе, темно-синих диагоналевых галифе и тапочках на босу ногу. Катька, дочь Никитишны, худющая и томная, вошла следом с полотенцем на плече и, поводя подбритыми в ниточку бровями, представила:

— Познакомься, Витя, это Геннадий, мой муж. Гена, познакомься с Витей, это сын Курносовых, приехал сейчас только из Берлина. А ты, Гена, кажется, Прагу освобождал?

Катькин муж подал еще мокрую ладонь, засмеялся, промокнул о рубаху на груди, подал снова и крепко пожал руку Виктора и тут же устремился из кухни, — не привык еще, видно, к изучающим соседским глазам.

— Хороший муж у твоей Катерины. Разговорчивый, — похвалила искренне Марья Митрохина, а Никитишна грустно покачала головой:

— Грех жаловаться... Смирный. Катерина уважает его, а рожать не хочет все равно. Говорит мне, не обижайся, мама, но раз от Виталика ребеночка у меня не осталось, ни от кого другого я детей не хочу.

— Не надеется, значит, жить с этим.

— А кто ноне надеется? Девок и баб молодых хоть на базар вози за дешево продавать, да кто купит. Вон моя племянница пишет из-под Можая — на всю ихнюю деревню воротился с фронта один-разъединственный и тот пришел на костылях. И по всей Расее так. Возьми, к примеру, нашу квартиру. Скольких нет? Анания Петровича нет, Русанова Володички нет, Андрюшечки твоего нет, Виталика моего, дорогого зятечка, тоже нет... — считала Никитишна по пальцам, начала с мизинца, дошла до указательного и подвела итог: — Кажись, все. Царство им небесное, незабвенным нашим покойничкам. Все они вот на этой самой кухне умывались и со мной шутили... Аль забыла кого? — она вопросительно и сосредоточенно глядела на незагнутый большой палец, потом прерывисто жалобно вздохнула и утерла этим пальцем глаза, но не дала волю слезам, а пошутила: — Вот теперь, Витя, мы поглядим, как будешь ты жениться, какую к нам в квартиру красавицу приведешь,— а Марье Митрохиной сказала:

— Андрей твой женился бы на Нинушке Антиповой. Помнит она его до сих пор. Вишь, бегает к вам часто.

— Спасибо ей, заходит. Не забывает нас, старых сирот. Только и радости нам осталось, что на нее полюбоваться да с нею об Андрее повспоминать...

— Наговорился, Витя? — спросила мать, входя на кухню. — Мы с отцом уже стол накрыли. Не богато, не так, как ты привык питаться у генерала Травкина...

— Обыкновенно я питался у Травкина, — прервал ее Виктор, поняв, что сказала мать не для него. — Супом и кашей питались мы с Травкиным! — и, захромав от злости сильней, направился в комнату.

— Погоди, Витя, — крикнула вслед Никитишна, заметив его смущение и сочувствуя ему. — Ты же нам еще не порассказал, как воевал, какие видал страсти. Про суп и кашу мы и сами знаем. А ты похвались, какую награду заслужил от генерала.

— Как это Константин Константинович наградил бы своего собственного племянника? — услыхал он раздраженный голос матери. — А что завистники скажут? Витя наш служил за одно только спасибо. Но мы не в обиде. Надо уметь понять и генерала. Я лично понимаю.

— Папа, позови, пожалуйста, мать сюда. Она там Никитишне черт знает что порет, — попросил Виктор отца, и разговор, который мог бы произойти позже, состоялся сразу же по прибытии единственного сына Курносовых домой.

Правда, накрытый празднично стол, тесно уставленный бутылками и закусками, сверкающий хрусталем, делал совсем не страшной отцовскую речь, произносимую в тому же шепотом.

Стеклянная дверца буфета, расчерченная ромбиками, блестела по граням радужными полосками. «Ого, — подумал Виктор, — четвертый час, пора бы, наконец, и пообедать!» — и посмотрел не на часы, а на буфетную дверцу. Окна Курносовых выходили на запад, во двор, и солнечные зайчики начинали скакать по комнате часов с трех, а в четыре уже надо было задергивать занавеску, спасаясь от слепящих лучей. Мать подошла к окну и потянула шнурок. Комнату залило уютной оранжевой полутьмой, с которой никак не вязался грозный шепот отца и обиженное, надутое и постаревшее лицо матери.

— Как вы додумались? Как вы посмели? — шипел отец и от этого шипенья будто раздулся, стал толще и круглей. Он вертел лысой оранжевой головой, переводя гневный взгляд то на жену, то на сына. — У тебя, наседочка, воистину куриный ум. Ты же рисковала не только Витькой, но и мной! Моим положением и честью!

— Коля, ты мне это уже говорил.

— Пусть теперь он, безмозглый, послушает. А вдруг бы нашли? Пойти на такой идиотский риск. Ведь Константин мог бы отозвать Виктора и с передовой.

— Мог бы и не успеть, Коля! Мы говорили с тобой об этом, когда ты приехал, и ты согласился со мной, что с того света и генерал бы не отозвал.

— Гм... Возможно, ты права. Но весь этот финт следовало проворачивать с большим умом.

— Где же его было взять, Коля? Я у тебя всю жизнь из дур не выхожу! — всхлипывала мать тоже шепотом, а Виктор терпеливо ждал обеда, понимая великодушно, что отцу, главе семьи, надо дать выговориться, исполнить свой отцовский долг, но самого его уже не пугал грозный разговор, растворяющийся в этом праздничном апельсиновом свете.

— За каким чертом ты притащил к матери под подол еще и чужого парня? — обратился отец к Виктору. — Ты подумал о том, что он — лишний свидетель?

— Он соучастник, папа, — поправил Виктор. — Кроме того, он погиб. Я запрашивал. Младший лейтенант Лагин Александр Михайлович не числится в списках среди живых. Так что не вороши старую пыль, папуля. Знаю, виноват, но я же воевал и прибыл домой честь по чести. Орденов не привез, но зато сам явился живой и целый. Чем ты недоволен?

— Курносовы, к телефону!

Отец вышел, степенно доложил:

— Курносов на проводе, — и заговорил любезно, приветливо, приглашая кого-то необходимого.

— Ждете гостей? — спросил у матери Виктор, пересчитал приборы и пожалел, что за этот красивый стол, устроенный в честь его возвращения домой, придут и сядут чужие, неинтересные ему люди. А как было бы хорошо, если бы мать пригласила соседей. Пусть бы пришли Никитишна и Катя с новым мужем, и родители Андрея Митрохина. — Мама, позови Митрохиных и Воробьевых, — попросил он несмело, надеясь, что сегодня мать не откажет в такой справедливой просьбе. — Посидим по-соседски, тяпнем по маленькой, помянем погибших...

— Не пойдут они к нам. Не такие уж мы дружные соседи. И неудобно звать их. Сам подумай: они же все простые. О чем говорить с ними? А к нам должны прийти с женами директор-распорядитель и еще двое папиных знакомых, очень нужные люди.

— Эх, маманя ты маманя! Сколько ты принимала да потчевала нужных людей?..

ГЛАВА V

Мирная жизнь, набирая год от году ход, текла в тридцать седьмой квартире своим порядком, но не происходило, кажется, какого-либо значительного события, которое бы не заставило вспомнить тех, кто не вернулся с войны.

Русановы-двойняшки пошли в школу, учились в классе Ольги Илларионовны Савельевой. Дочка ее, Аля, заканчивала медицинский институт, и ухаживал за ней аспирант, недавний лейтенант медицинской службы. Приходил он в стареньком военном кителе с орденскими планками, в поношенных военных брюках навыпуск и, как когда-то Ананий Петрович, тщательно вытирал в прихожей ноги, а потом снимал калоши. Катерина Воробьева в третий раз вышла замуж, привела матери опять хорошего, почтительного зятя, но Никитишна не переставала лить слезы о дорогом своем зятечке летчике Виталике...

Сергей Саввич, как и до войны, работал счетоводом в промартели. Голову будто обвязало сединой, плечи ссутулились, брови насупились, а челюсти словно свело: сделался молчаливым. Выходил он на кухню редко, избегал людей. А когда жена вместе с Никитишной уходила молиться в Косой переулок — к Пимену или уезжала в Сокольники навещать родню, доставал Саввич из шифоньера старенький подростковый пиджачок сына, трогал, разглядывал и отчаянно жалел, что нового так и не купили — не успели, и не поносил парень настоящего костюма, мужского. А вот гимнастерку выдали мужскую. Ладно ли сидела на нем солдатская одежа? Андрюшка сильно вымахал в последний год. Рослый был, плечистый, светлоглазый и светловолосый.

«...Старший сержант Митрохин А. С. пал смертью героя при форсировании р. Днепр у населенного пункта Лоев...»

Собирался Саввич съездить в те места, узнавал на Белорусском вокзале, как добираться до города Лоева, смотрел дома по ученической Андрюшкиной карте на синюю змейку-реку и представил, как выходит на берег из водоворота взрывов мокрый, смертельно усталый и насмерть раненный сын с автоматом в руках. Все-таки выходит на берег!

— Горько! Горрррь-кооо! — раздается за курносовской стеной, а в комнате Митрохиных вздрагивает зыбкий и скорбный огонек перед богородицей.

Во главе застолья на свадьбе Виктора сидел генерал. Калерия Ивановна каменела от важности. А из коридора в раскрытые двери, прослезясь в умилении, глядела Марья Митрохина на невесту. Ну до чего же хороша Ниночка в подвенечном белом шелковом платье. Будто березонька! Кто знает, не погибни Андрей, — кричали бы «горько» сейчас, может, у Митрохиных и Марья потчевала бы гостей...

А Саввич не выходил в коридор. Святотатствуя без жены, он прикурил от лампадки (спички-то на кухне), облокотился, подпер голову кулаком и слушал, отыскивал в пьяном разноголосье светлый колокольчик — Ниночкин голос.

Недавно совсем, когда Андрюшка учился в девятом классе, а Ниночка в седьмом, захаживала она к Митрохиным часто. Каким-то кружком физкультурным Андрюшка руководил, играли, кажись, в волейбол. И сдружились. И в десятом навещала Ниночка их Андрея — ангиной он заболел. Сидят вот за этим столом и все чего-то хохочут и не наговорятся. Нравилось Саввичу и Марье видеть дома у себя Ниночку, ждали ее прихода. Однажды он нечаянно сказал:

— Не идет сегодня твоя невеста.

Андрей потупился, сделался как кумач... И таким же кумачовым был он, когда Ниночка, запыхавшись, влетела на школьный двор. Школа, где они учились, уже называлась призывным пунктом.

— Что ж краснеть, сынок, — сказал Сергей Саввич. — Попрощайся с подружкой. Ей самая трудная работа достается — ждать, — и отошел от них, будто прикурить.

Они за руки взялись и пошли на качелях качаться, а поцеловаться постеснялись, так и не поцеловались на прощанье...

Сидит прекрасная невеста Ниночка и улыбается, но чувствует, как сквозь радость пробилась к ней какая-то печальная серебристая рыбка, забытая боль. Блеснет — и нет ее, поймать — а она ускользает. Что же Ниночка совершила не так, как надо? А надо-то как?

Когда Калерия Ивановна пригласила из коридора за стол соседку Митрохину Марью Степановну, вскочила Нина, сказала обрадованно:

— Я и Сергея Саввича пойду позову!

— Зови, пожалуйста, — согласилась свекровь... — Мы его звали, он не хочет идти.

Ниночка влетела к Митрохиным, не постучавшись. Накурено — туча дыму. Горят лишь лампадка да грибок-ночник.

— Сергей Саввич, я замуж выхожу, а вы не хотите и на свадьбе посидеть?

— Спасибо, детка. Только не пойду я к Курносовым, ты уж прости, — ответил Митрохин, поднялся, подошел к Ниночке, вздохнул и пожаловался: — А у нас с Марьей невестки не будет... Ну, желаю тебе счастья! Сына поскорее роди. Внуком, может, он мне приходился бы, но что же делать. Война!

И Ниночка остро-остро, словно расколупали болячку, вспомнила, как сидел у этого самого стола Андрей. Вздохнула глубоко и долго, произнести вслух имя не посмела, но слез не смогла сдержать.

— Ах, Сергей Саввич, я знаю, вы не любите Витю. Но он хороший. Витя обещал мне, что бросит пить. На этом условии я за него и выходила.

— Доченька, милая, замуж выходят не по условию, а по любви. Давай, попрощаемся, — сказал Саввич и поцеловал Ниночку в висок.

— Нина! — раздался голос Калерии Ивановны, и ее рассерженное лицо просунулось в дверь.

— Он ужасный человек, он нас ненавидит! — пожаловалась Калерия Ивановна снохе уже в коридоре и заговорила про другое: — Вы с Виктором займете спальню, а мы с отцом — проходную, а со временем можно будет из вашей комнаты пробить дверь в коридор.— Она подошла к стене и показала, где именно пробьют они дверь, но, подумав, что еще рано говорить об этом, сказала о главном, на что надеялись они, родители Виктора:

— Нина, ты должна взять мужа в руки. Заставь его учиться. Ты-то учишься сама. Сделай из него человека, и я полюблю тебя, как родная мать!

Свадьба отгремела, и Курносовых разделили на старых и молодых. Николай Демьянович ушел на пенсию, Нина училась в вечернем институте и если не шла на занятия, то занималась в своей комнате. Дверь из спальни не прорубили, старый Курносов делиться не захотел. Зачем? Калерия Ивановна как была, так и осталась полновластной хозяйкой: что купить, что приготовить, все вершила сама. Виктор, задерживаясь на работе или с приятелями, звонил матери, а не жене, и та сообщала Ниночке, что Витя сегодня придет попозже.

Нина не замечала ущемления своих семейных прав, ей было некогда. Она, как и до замужества, работала и училась — теперь уже на преподавательницу литературы и русского языка. Работала в хорошем месте — стенографисткой в Академии медицинских наук. Калерия Ивановна невестку не хаяла. Красивая, разумная, а с какими сталкивается по работе людьми! Все профессора, да доктора, да кандидаты... Жаль, внуков нет. Три года прожили, пора бы и ребеночка? Но Нина — своевольная, неуступчивая, значит, не хочет детей она. А с Витей что сотворила? Ничуть не стал он лучше, пьяный в ногах жены валяется, прощения просит. А, спрашивается, за что? Ты у матери прощения проси. Не такую жену она тебе хотела.

Сама-то Калерия Ивановна уступать умела. Безоблачное супружество ее держалось на ней одной. Только она, да бог, да подруга Аврора Алексеевна знают — ой-ой, сколько было облаков. Но Калерия Ивановна в своем домашнем царстве всегда хранила ясными домашние небеса. Попробовал бы кто-нибудь из соседей возразить ей, сказать, что это далеко не так, она бы ему показала... Вот за то, что умела уступать, молчать и не противиться, оценил и полюбил теперь Николай Демьянович «наседочку» свою. Зажили они под старость дружно и ладно, вместе и в гости, и в кино, и на бульвар. Редкие прогулки эти Калерия Ивановна обставляла долгими сборами, громкими разговорами:

— Папочка, собирайся, голубчик, — возвещала она из кухни на зависть двум вдовам, и плыла довольная, сытая, в папильотках, важно подняв круглое, полное лицо.

— Слушаюсь, моя наседочка, курочка моя, — отвечал супруг. А Калерия Ивановна победным взглядом окидывала соседок: все ли слышали, как ласков с нею муж?

Виктор долго считал, что четыре дня в сорок третьем, когда он скрывался, сгинули без последствий.

А было ли то вообще? Может, ничего и не было? Конечно, не было! Он не мог так по-идиотски поступить. Это не он, а какой-то другой Витька Курносов сидел у матери под кроватью, прятался у Греховой. Но чем больше думал об этом, тем делалось страшнее, и издали, сквозь годы, забытым, но изведанным страхом леденило кровь. Но чего бояться? Никто не донесет. Травкин? Грехова? Какая им корысть? Если на то пошло — им же и отвечать придется. Митрохин? А где у него доказательства? Мало ли что плела ему с перепугу в тот вечер убитая горем мать? Она же не знала, что Виктора затребовал к себе генерал Травкин, и с ним вместе Виктор приехал в Москву. Вот! Был еще Лагин. Но Виктор запрашивал о нем потихоньку от Константина Константиновича — пекся не о судьбе своего друга, а о своем покое, как дальше жить, бояться или нет. Когда же ответ получил — успокоился: «Мир праху твоему, Шурик».

В то утро, которое вышибло из-под ног землю, он тоже пел, подтягивая беззаботно отцу. Брызгались они на кухне под краном, смеялись и пели оба на радость матери, а она при открытых дверях накрывала к завтраку стол. Было воскресенье, соседи друг за дружкой сновали по коридору, и редко кто не бросал взгляд на Калерию Ивановну, картинно, будто на сцене, хлопочущую у стола.

Отзавтракав, молодые Курносовы пошли пройтись по бульвару. Калерия Ивановна, проводив их степенно до двери, сладенько протянула:

— Папочка, собирайся, пойдем и мы.

— Зачем мать устраивает эти представления? — сказала Виктору Нина, закрыв за собой дверь.

— А пусть. Такая она сроду. Не переделаешь уже ее, — ответил Виктор и вернулся к разговору за завтраком. — Давай в это лето поедем на море? Я тоже ни разу на юге не был и моря не видал. Лишь бы отпуск мне дали в одно время с тобой. Но, понимаешь, могут не дать. Меня записали на сентябрь. Может быть, и ты возьмешь в сентябре?

— Как же, Витя! Ты забыл, что я учусь? Но что тут особенного, если поедем отдыхать врозь? Многие семейные люди так отдыхают.

— Знаю, — недовольно буркнул Виктор. — Мой отец всю жизнь так отдыхал. Сам на юг, в Крым или в Сочи, а нас с матерью в деревню, к тетке Степаниде. На речку Яхрому.

— Разве там плохо? И тетя Степанида хорошая. Пойдем в пассаж, я купальник себе посмотрю.

Виктору было все равно, куда идти, лишь бы рядом с женой, лишь бы парни и мужики глазели и завидовали, что у него красивая жена!

Но высокий парень, шедший им навстречу по бульвару, смотрел не на Нину, а на Виктора, на него. Смотрел еще издали, когда на лице и глаз не различить, а Виктор уже чувствовал его притягивающий взгляд и острое, новое беспокойство. Забытый холодок пробежал по телу под шерстяным свитером, под бежевым, из мохнатого заграничного драпа, пальто.

Высокий парень шел, опираясь на палку, и сильно хромал. Старая офицерская шинель была не застегнута, голова не покрыта.

— Смотри-ка, почки уже вот-вот распустятся, — сказала Нина. — А в прошлое воскресенье вон под тем деревом лежал снег. Сегодня солнце и совсем тихо. Хороший день!

— Холодно, — пожаловался Виктор. — Куда это мы плетемся? Пошли лучше домой.

Виктор и в самом деле озяб, его знобило, и день действительно не был теплым, хотя заканчивался апрель. Почки на ветках лишь обещали зелень, солнечные лучи были только обещанием тепла.

А тот, высокий, будто нарочно, шел с непокрытой головой, чтобы Виктор узнал белобрысую прямую прядь, упавшую на лоб.

— Как он похож на Андрея Митрохина, — шепнула Ниночка, когда они разминулись с парнем и взгляды их с Виктором перехлестнулись и завязались узлом.

Он узнал синие, затененные коричневыми ресницами, глаза, и надбровья, вразлет и вверх, и тонкие брови, и прямой, как по линейке отчерченный, нос, и уголки красивого рта, выпукло обведенные мышцами у плоских щек.

Виктор не хотел оборачиваться, но кто-то могучий словно бы протянул лапу сквозь ветки, схватил за затылок и повернул его голову назад. Ноги, ступая по утрамбованной битым кирпичом дорожке, вдруг увязли, как в горячей смоле.

Тот тоже остановился, обернулся и тоже глядел. Возможно, он напоминал немного Андрея Митрохина. Но это был Шурка Лагин. Живой!..

— Курносов? — окликнул он, и голос его, красивого крепкого тембра, нисколько не усомнился в том.

— Шурик! — жалко и беспомощно задребезжало из горла Виктора. — Шурик, ты?! — Виктор пытался оторвать от земли ноги и боялся не удержаться, упасть, а земля, стремительная и поразительно круглая, мячиком уходила из-под ног.

— Значит, вы наш знакомый,— сказала Нина и поспешно протянула Лагину руку. — Я только что говорила Вите, что вы похожи на Андрея Митрохина, нашего соседа, он погиб в войну.

Лагин вскинул брови, обрадовался, даже ахнул от радости, глядя на Ниночку.

— Познакомься, Шура, — сказал Виктор слабым, неуверенным, не своим голосом. — Нина. Моя жена, — а глазами впился в зрачки Лагина и униженно просил ими, умолял, кричал: «Не говори при ней! Она ничего не знает! Не говори!»

— Но где я вас видела раньше? — нетерпеливо и горячо спрашивала Нина. — Где же?

— На фотокарточке, — подсказал Виктор, голос его не перестал дрожать. — Я же показывал тебе карточку, где мы с Шуриком сняты вместе.

— Ах, помню, помню! Витя рассказывал. Вы с ним дружили в военном училище, а потом расстались. Витя получил назначение к дяде Косте, а про вас так ничего и не смог узнать. Думал, что вы погибли. А вы — живой! — Нина радовалась и смотрела с удивлением, не понимая, почему же старые друзья но бросаются друг другу в объятья. — Что же мы стоим здесь? Идемте к нам домой! — позвала она. — Мы близко живем, да вы знаете, Шура. Вы, наверное, бывали у Виктора?

— Бывал, — ответил Лагин, взглянул на Виктора и отказался. — Спасибо за приглашение, но я спешу.

— Посидим хотя бы на скамейке, — растерянно и все так же удивленно попросила Нина.

— Посидим, — согласился Виктор, он был обязан для Нины это сказать.

Лагин садился, вытягивая ногу и морщась от боли.

— Вы были ранены? И до сих пор ранение дает о себе знать? — расспрашивала Нина. — А что вам советуют врачи?

— Советуют опять ложиться на операцию. Профессор, у которого я был вчера в госпитале, очень настаивает. Я этих операций перенес после ранения в сорок четвертом уже три. Нет, не лягу. Приехал я этот раз в Москву по другим делам.

— По каким? — спросил тревожно Виктор и не сумел скрыть на лице вопроса: «Из-за меня?»

— Вы не москвич? Вы приезжий. Откуда приехали? Где у вас семья? — сыпала Нина вопросы, а Виктору хотелось зажать ее рот рукой. Ведь если она спрашивает Лагина, то и тот имеет право спрашивать.

— Семьи у меня нет, одна тетя Даша, приехал я из Крыма, там живу. Тетя Даша мне не родная, а соседка, с ней мы и обитаем в старенькой хатенке вдвоем. Мать умерла, когда я был мальчишкой. Отец утонул еще раньше, он был рыбак... А ты значит попал все же к генералу Травкину?

Вот этого вопроса Виктор со страхом ждал.

— Д-дд-а, — выдавил он из себя чуть слышно. — Я служил у него адъютантом до самого конца войны, — и посмотрел виновато на Нину: она же никогда не слыхала, чтобы муж говорил так неохотно о своем адъютантстве.

Нина пытливо и изумленно взглянула на мужа, а спросила Лагина:

— Ну где же, где я вас видела? Не на фотокарточке. Мы разговаривали. Я вспомнила ваш голос, ваше лицо.

Виктор дернулся: где могла Нина видеть Шурку? Дома? Если она и заходила в тот проклятый день к Митрохиным, то Шурка никак не мог попасться ей на глаза! А ночью он ушел.

— Где? — волнуясь отчего-то и чему-то радуясь повторил за Ниной Лагин. — Наверное, в троллейбусе или в метро. Я же не в первый раз в Москву приезжаю. Вот в прошлом году в госпитале два месяца пролежал.

— Зачем ты приехал? — спросил Виктор, желая чтобы вопрос прозвучал обыденно, без подозрительности, а получилось испуганно и зло.

— Я... Я роман написал, — признался, замявшись, Лагин. — Отослал еще зимой в редакцию журнала. Вот и приехал сам узнать. Ответили, что мой герой — явление нетипичное, переживания его — достоевщина, а для воспитания молодежи нужен взлет.

— Ну и переделай, чтобы взлетел, — дал совет с усмешкой Виктор. Душа его дрожащей собачонкой выбиралась на теплый берег из холодной воды. — О чем у тебя там, в романе?

— Об одном парне, который споткнулся, упал, мог бы и не встать, но встал. Но, понимаете, во всю жизнь не забыть ему того падения. Вот и хочет он других предостеречь.

Душа-собачонка опять свалилась со скользкого берега в холодную воду, барахталась, визжала, цеплялась...

— Чудак ты, Шурик! На кой черт тебе сдалось писать то, чего не берут в журналы? Ты строчи то, что принимают. Писать надо так, чтобы напечатали. Как называется твое произведение? —истерически-весело говорил Виктор. — Название хотя бы впечатляет?

— «Штрафной батальон».

Воздух, тот самый, которым дышат, исчез вокруг Виктора и вместо него навалилась холодная пустота, а с голубого апрельского неба сыпал, бил по лицу липкий снег. Виктор, маленький и беспомощный, плывет одиноко по течению в океане страха, а на далеком, недосягаемом берегу идут прочные, незыблемые мать и отец.

— Ма-а-а! Ма-ма! — позвал Виктор, и ему показалось, что закричал он слишком громко, и вот сейчас прохожие оглянутся и станут пальцами показывать на него.

Но никто не оглянулся. Мать услыхала и заулыбалась, а отец помахал рукой.

— Мы встретили Шуру Лагина, товарища Вити, — сообщила Нина, когда родители подошли.

Мать грузно осела бы на землю, если бы не держалась за локоть отца. Побледнела, пожевала как-то странно губами, но, справившись с собой, подняла жиденькие брови и тихо произнесла:

— Так вы Шу-у-ра? Я вас помню. — Она в глазах Виктора уловила, что смешно и поздно сейчас отпираться и не узнавать, и, спасая его, позвала: — Пора, дети, обедать. Шура, вы пойдете с нами?

— Нет.

А отец и не приглашал. Он молча уселся на край скамейки и наблюдал, и по его взгляду Виктор понял, что папуля догадался, кто этот Лагин и почему жена и сын так убийственно ошеломлены встречей с ним.

— Двинулись, дети, — приказал отец, вставая, и, глянув грозно на Шурку, сказал ему: — Вы, значит, не желаете присоединиться?

Виктор резво ухватил мать под руку, а Нина неожиданно заявила:

— Вы все идите, я вас догоню.

Отец опешил и строго спросил ее.

— Что за новости? — спохватился и, добренько засмеявшись, взял Ниночку под руку, приподнял, повел, приговаривая: — Чем мы с доченькой не пара? Я еще могу потягаться с молодыми!

Благополучные, довольные собой Курносовы уходили наконец-то от неприятности. Виктор против воли оглянулся на Шурку. Он сидел в той же позе, вытянув ногу, и смотрел им вслед. Нина строптиво выдернула свою руку из

твердой ладони свекра и побежала назад.

— Не ходи за мной! — сказал она Виктору. — Я дам Лагину телефон одного очень опытного хирурга. Идите, не ждите меня, я скоро вернусь! — Виктор пробежал шагов десять вслед за женой, но она сказала: — Иди к маме и папе! Мне уже и шагу нельзя ступить без тебя? И вообще, что вы все против него имеете? Да, против Лагина!

И они втроем, сын и родители, стояли и ждали, и видели, как Нина подошла к Лагину, села и заговорила. Было неловко вот так стоять и ждать.

— Чорт знает что! — пробурчал, нервничая, отец, но не уходил, не отрывал глаз от той скамейки, а мать, наверное, как и Виктор, страдала от того, что не видит выражения Нининого лица.

— Витя, ну пойди к ним, ты обязан, ты муж, — посылала мать.

Он пошел и придумывал, что бы такое сказать веселенькое и обидное для них обоих, для Нины и Шурки? Но они, заметив приближение Виктора, поднялись, попрощались за руку, и Нина повернула к своим.

— Что ты пообещала ему? — поинтересовался Виктор.

— Когда Шура ляжет в госпиталь, я буду его навещать. У него нет в Москве никого близких.

— Какая ты добрая волшебница!

— Помолчи. Ты злишься на Шуру, потому что боишься его. Да, да! Ты испугался. И Калерия Ивановна тоже испугалась. Ей известно что-то такое, чего не знаю я. Скажи мне, Витя, что произошло между тобой и Лагиным? Я ведь твоя жена, мне ты должен сказать.

— Ничего не происходило, — хмуро ответил Виктор. — С чего ты взяла?

— Я так и предполагала, что, если спрошу, — ты соврешь.

— Витя, Нина, ну побыстрей! — окликнула мать с веселеньким раздраженьицем, будто сердится, будто и нет, а когда подошли, хватило у мамули ума не задавать вопросов. — Витя, тебе не идет ревновать, — пошутила она. — Нос у тебя от ревности делается картошкой, а щеки пузырями. Вот женщина, если ее ревнуют, становится красивей. Правда, папочка?

— Истинный бог, моя курочка. Я же тебя всю жизнь ревновал.

Виктор в тот вечер зверски напился. Вышел из дому купить папирос и пропал. Вернулся в полуночи, и отец втащил его с лестницы за шиворот, как щенка.

— Па-а, па-па-а, я же воевал! Я никого не боюсь, па-па. Я адъю-ю-тант генерала Травкина... — лепетал пьяный Виктор, свалившись в прихожей на несокрушимый курносовский сундук. И зарыдал: — Я очень, очень несчастный! Па-па, я живой лежу в сундуке...

Николай Демьянович поволок свое чадо в комнату и там уже, отвесив оплеуху, сказал:

— Умел гадить, умей и нюхать свою вонь, дурак.

Калерия Ивановна показала на дверь спальни, зашипела:

— Тише, Нина еще не спит!

Нина вышла на шум, она не слыхала слова свекрови и хотела спросить, что же здесь говорилось не для ее ушей? Это из-за встречи с Лагиным напился до полусмерти Виктор, и матери с отцом известно то, что неизвестно ей.

— Полюбуйся, до какого безобразия наклюкался твой муженек! — укорила Нину свекровь и гневно обвинила: — Все потому, дорогая, и я должна прямо тебе в глаза сказать, что ты без всякого внимания относишься к нему. Он с горя пьет!

— Я не виновата. Вы же отлично знаете сами...

— А кто же — я? — Калерия Ивановна подобочинилась, приготовившись к скандалу. Ее подбородок затрясся от негодования:

— Выходит, во всем виновата я?

— Замолчи, мать! — прикрикнул Николай Демьянович. Он поднял Виктора с пола и свалил в кресло: — Помоги-ка лучше раздеть нашего говнюка.

— Почему это я? — вопросила Калерия Ивановна с картинным изумлением и ткнула пальцем на Нину: — Пусть она. У нашего сына есть жена. Слышишь? Займись же наконец мужем, принцесса. Что смотришь? Муж он тебе или не муж?

Чужая всем троим, Нина вышла в коридор, побрела на кухню и, не включая света, села ощупью на табурет у митрохинского стола. Ей невыносимо захотелось прямо так, в тапочках на босу ногу, в халатике, накинутом на ночную рубашку, убежать отсюда к матери домой. Совсем! И ушла бы сию минуту, да ведь мать посмеется, непременно скажет: «Ага, явилась? Надоело пьяницу исправлять?»

В кухне было прохладно и мрачно. Окно рисовалось серым, перечеркнутым рамой, пятном. Открытая форточка жалобно скрипела. Частые капли дождя кидались на стекло. Верхушка тополя, раскачиваясь, то заслоняла, то открывала слабый свет фонаря во дворе. Нина склонилась на стол, на неровные, выскобленные ножом доски и заплакала. Слезы потекли по щекам. Зачем выходила замуж? Боялась остаться в старых девах? Хотела семейного счастья? В чем же оно? Все так плохо, скверно, а дальше будет хуже и хуже... Но что-то теплое и светлое отодвигало мрачные мысли, будто Нина проснулась в холодной и темной комнате и пытается вспомнить светлый, радостный сон. Лагин! Вот оно что! Ах, ну где же, где же давно-давно она его видела? Увидит скоро опять. Он позвонит, когда его положат в госпиталь. Она узнает, в котором часу пускают туда посетителей, и пойдет навестить, понесет букетик подснежников, их уже продают. Но удобно ли малознакомому мужчине дарить цветы? Конечно, удобно, ведь она идет в больницу — к больному, страдающему человеку, который нуждается во внимании, в заботе... Может быть, Шура уже завтра вечером ей позвонит?

Бабка Никитишна серед ночи вспомнила, что забыла, кажись, погасить свою конфорку. Поднялась, пошла, потому что полуношница Курносиха нарочно не погасит, чтобы было чем укорять. Дескать, Воробьевы, такие-сякие, не экономят газ.

— Ой, ктой-то тут? — спросила Никитишна, включая на кухне свет. — Ты, Нинушка? Прогнала никак свекруха?

— Нет, я сама ушла, — ответила Нина хрипловато, заспанно, потирая ладонью розовую, намятую щеку, улыбаясь от сладкого сна. — Сколько же времени?

— Не поглядела я... Чего же к своей-то родной мамке не пошла? Да и то верно. Что ее-то ночью калгатить. Погоди, я тебе сейчас платок принесу. Срамотища! Девку выгнали и хоть бы что!

Никитишна быстренько зашаркала к себе, бормоча и вздыхая, принесла пуховый свой полушалок, а заодно и подушку. Нашла, что и на сундуке в прихожей помягче подмостить. Надо же девке как-то доспать, ей же утром на работу. Взяла бы ее, Нинушку, к себе в комнату, и место там есть, так ведь Курносиха загрызет, рада не будешь, скажет — встревает бабка в их чужие семейные дела. Опять скандал. А сундук ихний же, курносовский, и сноха ихняя, курносовская, а прихожая — общая, вот никто и не виноват.

Утром Калерия Ивановна злым шепотом жаловалась мужу на Нину. Это она, гулена, потащила Виктора вчера на бульвар. Сидели бы дома — не встретили бы Лагина и жили бы все спокойно, без страха, как поживали до сих пор. А теперь все пойдет кувырком. Теперь каждый день надо бояться, что Витька сопьется. Но как не запить, когда нет друга сердечного, когда тайну свою горькую он должен скрывать от жены? Она же не поймет его, не поддержит в беде, а еще и осудит, потому что не любит Витю, даже Витенькой никогда не назовет. Чужой она ему человек, а не жена!

— Опозорить нас решила? — закричала она на Нину, не закрывая дверь в коридор. — Что это за новые фокусы — ночевать в прихожей соседям напоказ?

Николай Демьянович бросил бриться, затворил двери и в коридор и в спальню и тогда только свирепым шепотом сказал своей наседочке, что она как была смолоду умом не богата, так и и старости не помудрела. Нашла из-за чего на Нину орать! Подумаешь, почестей не оказала она их заблеванному сыночку. Экое сокровище досталось Нине в мужья. А разве не догадывается наседочка, с чего это Витька вчера надрался? То-то и оно. И не евали, курица безмозглая, с больной головы на здоровую. Винить некого, кроме себя самой. Ну, уйдет Нина совсем, что Витьке будет лучше? Он же ее любит без памяти, вот и ты, мать, к ней подлаживайся, мила, не мила — люби.

Мгновенно перестроившись, Калерия Ивановна постучала ноготком в дверь спальни:

— Дети, вы готовы? Я наливаю, идите, а то кофе остынет. Ниночка, тебе сегодня после обеда на работу или к десяти?

— Наливайте, мы идем, — ответила Нина, предпочтя худой мир доброй ссоре.— Мне сегодня с утра.

Прощение Виктор просил со слезами, стоял на коленях, но ничего, кроме безразличия и брезгливости, Нина не почувствовала. Впервые, что ли, он клянется и стоит на коленях? И как-то вдруг возникло решение, окончательное, бесповоротное и безболезненное: она уйдет от мужа, уйдет без скандала, без ссоры. Уедет в июне в отпуск, а из отпуска вернется к маме домой. И снова станет Ниной Антиповой, ничем не связанной с семейством Курносовых.

Но почему-то при этой мысли она подумала о Лагине. А как же он? А если он в это время будет еще находиться в госпитале, как она сможет уехать из Москвы? Чего в таком случае стоят ее обещания? Наболтала, словно легкомысленная девчонка,— и все?

Ах, с какой благодарной нежностью Шура посмотрел на нее, когда она сказала, что непременно придет навестить. Можно ли будет спросить у него, что же такое неприятное произошло у них, у Лагина и Виктора? Отчего Виктор и Калерия Ивановна боятся его?

Нет, нет, конечно же, нельзя спрашивать! Она ни за что не станет спрашивать, а то Шура подумает, что она из-за любопытства пришла к нему. Что бы там ни было между Виктором и Шурой, она и без всяких объяснений наперед знает, что Виктор виноват, а Шура прав. И ей его очень жаль.

Она, как на крыльях, летела на работу, а вечером, как на крыльях, мчалась домой и весь вечер выскакивала в коридор, ожидая телефонного звонка. Затеяла стирку, постирала, повесила и долго сидела на кухне, ждала, не раздастся ли долгожданный звонок. Квартира затихла. Свет в коридоре погасили. Калерия Ивановна вышла, готовая ко сну: в длинной ночной рубахе, видной из-под халата, и в бигудях. Спросила шутливо:

— Ты и сегодня собираешься спать в прихожей?

Нина пожала плечами, улыбнулась примирительно и прошла на цыпочках через темную комнату старших Курносовых в свою.

Свет из спальни, из щелки в неплотно закрытой двери падал острым лучом на темный пол, раздражая Калерию Ивановну, лежащую в постели без сна. Она, вытянув жадно шею, слушала и различала строгий голос Нины, а вот слов не поняла — мешал Николай Демьянович заливистым храпом. Не выдержала, встала бесшумно, подкралась к портьере, отодвинула, заглянула и еле сдержалась, чтобы не охнуть вслух. Нахалка! Подумаешь, барыня! Развалилась в кровати одна. Читает! Грамотная какая! А Витенька бедный сироткой казанской скорчился в три погибели на диванчике, там и десятилетнему ребенку ноги некуда протянуть!

— Отец, проснись, — зашептала она в ухо супругу, захлебываясь воздухом от обиды.

Сердитый спросонья старший Курносов не дослушал:

— Их дело, как хотят, так и спят, а ты не лезь!

— Мы обязаны вмешаться! Мы — родители! Витя нам разве не сын?

Однако вмешиваться Калерия Ивановна побоялась и уснула с великой обидой на сноху. С этой же обидой и проснулась:

— Нет, что ни говори, отец, а Витеньке очень с женой не повезло!

ГЛАВА VI

Лагин позвонил через два дня. Нина прислонилась лбом к холодной стенке, спрятала зардевшееся лицо.

— Хорошо. Я приду, обязательно приду, — повторила она отрывисто и сухо, придавая голосу официальный тон. — Мне не все понятно. Мы должны с вами переговорить.

— Это тот аспирант? Что спрашивал тебя утром? — поинтересовалась Калерия Ивановна, высунувшись в коридор. И услыхав подтверждение, довольно кивнула: — Сегодня аспирант, а завтра глядишь уже и профессором стал! — заключила свекровь, ценя связи.

Нину нисколько не смутила собственная ложь. Что ж, если ей лгут, если перед ней ломают комедию, то и она имеет полное право притворяться и лгать. Но неделю спустя ей стоило немалых усилий, чтобы не объявить мужу и его родителям о том, о чем она узнала. Лагин ей все рассказал: как однажды глубокой зимней ночью в сорок третьем встретил во дворе московского дома девушку в белом платке. Она лишь на короткий миг укрыла его грудь своими маленькими ладонями, и он верил, что это ее руки защитили его от строгого суда, от карающей пули... Защищали и на фронте, отводили от него смерть. Он трижды был ранен, кровью смыл свой позор и достоин был наград, если бы их давали в штрафном батальоне. Но истинной наградой было сознание, что он искупил вину...

— Так вот почему мне знакомо ваше лицо! И я часто вспоминала о вас. Думала, жив ли тот молоденький офицер, похожий на Андрея, или и он погиб, — сказала Нина, изумленная нечаянным счастьем. Это же и в самом деле счастье, если два незнакомых человека узнают вдруг, что они давным-давно думали друг о друге.

Они сидели на лавочке в пустом больничном скверике. Ветки уже окутала зеленым дымом нежная листва. Пахло больницей и знакомо трогательно, как пахнет весной, на бульваре, — нагретой за день землей и всходящей травой.

— Больной Лагин! — раздался из окна строгий женский голос. — Кто разрешил вам гулять? Возвращайтесь немедленно, или я доложу врачу! Вы что, захотели перед операцией схватить пневмонию?

— Иду, иду, сестричка, не сердитесь, — ответил виновато Лагин и посмотрел на Нину долгим, сожалеющим о чем-то взглядом.

Ей показалось, что она поняла этот взгляд, и тихо и твердо попросила:.

— Пожалуйста, не раскаивайтесь, Шура, в том, что рассказали мне так много о себе, — она запнулась и добавила: — И о девушке в белом платке.

Он наклонился и поцеловал ей руку.

День ото дня росла вражда Калерии Ивановны к невестке. Николай Демьянович увещевал супругу, пугал ее, что без Нины их сынок запьет и тогда всем им будет плохо.

— А сейчас ему хорошо? В собственном родном углу живет как бродяга, не приласканный, не пригретый.

— Кончится это когда-нибудь, не реви, — утешал Николай Демьянович. — Вот уедет Нина в отпуск, мы сообразим что-нибудь. Дверь им отдельную проломим.

— Ни в коем случае! Я теперь не согласна! Она же, нахалка, выгонит Витю, он будет жить с нами в одной комнате. Чего ради дарить ей площадь? Чтобы она устраивала свою личную жизнь у нас под носом? Я же не маленькая — вижу: она хахаля завела, бегает к нему по воскресеньям. Сил моих материнских больше нет глядеть на Витино сиротское спанье!

И однажды за затраком сказала:

— Витя, пора, я вижу, покупать вам вторую кровать. Сколько ж можно гнуться тебе на диванчике?

— Зачем же? — тихо возразила Нина. — Я скоро уезжаю.

— Не насовсем же! — вырвалось в сердцах у Калерии Ивановны.

— Могу и насовсем,— заявила сноха и вышла из-за стола.

— Нина, зачем ты ей отвечаешь? — вспылил Николай Демьянович. — Ты же молодая умная женщина!

— Ага, а я, значит, старая дура! Спасибо, заслужила! — обиделась Калерия Ивановна, зарыдала громко и крикнула: — Езжай! Скатертью дорога! Хоть в Крым, хоть за Крым!

Калерия Ивановна зорким взглядом окидывала перрон. Смотрят ли на них, завидуют ли отъезжающие и провожающие тому, что Курносовы купили своей невестке билет в мягкий вагон?

Нина, спокойная и уже какая-то чужая, стояла у окна, как в раме, а у Калерии Ивановны защемило сердце: то ли — зависть, то ли жалость, то ли чувство вины. Но не гонят же они сноху из дому, сама едет в отпуск, в курортный город Евпаторию. Говорят, море там такое мелкое, что идешь-идешь, идешь-идешь — и все по колено. Просто невозможно утонуть.

— Эх, мать, махнем-ка и мы с тобой на море на следующий год, а? — сказал Николай Демьянович, а у ней скривились от обиды губы:

— Ты-то, отец, помахал...

А она ни разу не ездила дальше родной деревни на Яхроме. Да и то, известно, пригородным поездом, в обществе баб и мужиков, с бидонами и мешками. Но и эти поездки были приятной суетой, и ими хвасталась Калерия Ивановна:

— Нашей речке название дала царица. Карета ее перекинулась на мосту, царица ногу подвернула и рассердилась: «Поганая речка! Я хрома!» — и утешалась этой сказкой.

Поезд тронулся. Окно с Ниной двинулось, поехало, удаляясь все быстрей. Виктор шел рядом с окном, прибавляя шаг, потом побежал, бежал и чертил пальцем на ладони, показывая, чтобы Нина ему писала.

— Довольно, Витя! — крикнула Калерия Ивановна. — Или побежишь за поездом до самой Евпатории?

— Ну, наседочка, проводили! — сказал довольный Николай Демьянович, взял ее под руку, а ей стало так легко и хорошо, будто, возвращаются они все трое домой из долгого и неприятного странствия.

Вечер прошел по-семейному уютно. Поужинали. Напились чаю с праздничным клубничным вареньем.

— А ну, кавалеры, сыграем в дурачка. Сдавай, Витя!

Виктор подскочил, а отец пропел, потирая руки:

— Давнень-ко-о-о мы не гоняли в подкидно-го-о.

Засиделись до последних известий, до курантов.

— Сегодня, Витя, спи у себя,— сказала Калерия Ивановна, готовя постели. — А завтра поменяемся. Мы с отцом пока твою комнату займем. Нам спокойней, а тебе удобнее. Что на нас смотреть? Дело твое молодое. В кино с кем сходить или на танцы в парк. Что в этом плохого?..

Но Виктор после отъезда жены ни в кино, ни на танцы не ходил. Открытка от Нины пришла на третий день, и он затосковал. Вспомнил, как ездили они с Ниной прошлым летом в деревню к тетке Степаниде. Ходили в лес за грибами рано утречком, по росе, спали в сарае на дерюжном матраце, набитом свежим сеном, и от этого пышные волосы Нины пахли всегда свежескошенной травой. Тетка Степанида, веселая и простая, ласково глядела на Нину, а Виктору шепнула как-то:

— Береги, кабы не сманили. Не по себе дерево срубил.

Виктор скрывал свою тоску по жене, стыдясь родителей, и уходил вечерами из дому, беззаботно напевая, вторя напевающему отцу. С ним был разок на концерте знакомого гитариста и после концерта с этим знакомым в ресторане.

Отец давно уже не выступал, переменил профессию, пригласили его товароведом в комиссионный магазин музыкальных инструментов.

Хорошее свое настроение, которое с пристрастием изображал перед родителями Виктор, заставило его поверить, что так оно и есть. Нина уехала всего-навсего в отпуск и скоро вернется, и он с цветами отправится на вокзал ее встречать. А она, соскучившись за месяц, бросится к нему на шею, и снова все будет нормально.

Отец достал горящую путевку и быстро собрался в какой-то высокоразрядный санаторий под Москвой. Мать заважничала и предвкушала, как однажды в воскресенье они с Витей поедут проведать своего папулю, и будут все втроем гулять по аллейкам, где гуляют, ах, страшно подумать кто!..

Но, проводив отца, получили Курносовы письмо от тетки Степаниды, написанное не ее рукой: «Сестрица, попрощаться скорее приезжай...» Виктор повез мать в деревню, отпросившись с работы на пять дней. Думали они с матерью, что раньше им и не управиться, если не дай бог что. Обговорили дорогой, как продать обстановку, как избу, сколько просить и что купить на эти деньги. А тетка Степанида, чуть пошатываясь, худая и бледная, всплескивая часто руками, улыбаясь и прося прощения, спешила к ним с крыльца.

Посмеялся Виктор в душе, но рад был очень. Любил он тетку, и, наверное, от радости смелое решение пришло на ум. Распил поллитровку с двумя своими одногодками, — с Васькой и Сенькой, что двое на всю деревню и воротились с войны, переночевал в сарае, на душистом матрасике, оставил мать ссориться с сестрой, а сам махнул на станцию — и в Москву! Не заезжая домой, помчался с Савеловского вокзала на Курский, простоял два часа в длиннющей очереди, а спал уже на верхней полке в купе. Какое спал! Смежил веки лишь на рассвете.

Но как же он найдет Нину? Она поехала без путевки, а на открытке адреса нет. Ну, ничего, не заграница, разыщет. Пойдет в курортное управление. Должны же быть списки отдыхающих?

Евпатория поразила Виктора невзрачностью и малолюдьем. И эта каменная деревня — знаменитый курорт? Пылища, тишина, серость. Солнце к тому же, как нанятое, палит. Жаль, не захватил из дома старенькую отцовскую соломенную шляпу, вполне бы сгодилась здесь. Но что обидно, бюро по сдаче комнат сведениями о Нине Курносовой не располагало. Посоветовали обратиться в милицию, так как все пансионаты и санатории сдают на прописку паспорта. Прежде чем отправиться туда, Виктор зашел в кафе поесть чебуреков и выпить чаю. Разговорился за столиком с приятным старичком в белой панамке, посетовал, что вот разыскивает жену, приехавшую сюда раньше, а если сегодня не найдет, то и ночевать негде.

— Игнат Фомич Соломатко, — представился собеседник, тронув свою панамочку над лбом, и вежливо предложил переночевать у себя.

Предложение Виктор принял с благодарностью. Они вдвоем решили, что идти в милицию сегодня уже нет смысла, а гораздо лучше побродить Виктору до вечера по пляжу — вдруг да нечаянно Нину встретит. И Виктор отправился на берег. Вот он где народ! Лежат на песке локоть к локтю, яблоку упасть негде, а в море кишат кишмя... Хохот, визг, теснота! Разве найдешь в таком столпотворении жену?

Пляж раскинулся в одну и другую сторону, насколько хватало глаз. Бегать и звать было смешно и нелепо. Виктор разделся, попросил солидную даму приглядеть за вещами и плюхнулся в море. Плыл на спине и смеялся над собой. Чудак! Полдня носится по городу, шатается возле моря и не сообразил искупаться. Ах, какое наслаждение барахтаться в теплом море, не в Москве-реке, не в Яхроме, а в теплой морской воде! Ну, не найдет Нину, и не надо, поживет три дня у Игната Фомича, покупается вволю — и домой! Приближался вечер. Небо над морем выцвело, побелело, утратив голубизну. Море лежало тихое и тускло поблескивало, как огромный лист серебряной фольги. Купающихся не убавлялось. Одни вереницы уходили, другие приходили, раздевались, бросались в воду, и море принимало всех. Виктор оделся и направился к киоску попить газированной воды. Киоск с газированной водой находился по другую сторону улицы рядом с автобусной остановкой. Плакат на заборе запрещал выходить с территории пляжа в купальных костюмах, но жаждущие напиться выбегали в том, в чем купались, становились в очередь, повернувшись к запрещающему плакату голой спиной. Во всей

длинной очереди Виктор увидел только двоих одетых: девушку в голубом платье и парня в белой тенниске. Их спины, голубая и белая, выглядывали далеко впереди из-за голых плеч. Подошел автобус, и эти одетые, девушка и парень, бросились к нему. Виктор кинулся следом. Бежали они впереди него не быстро, парень сильно хромал, но у Виктора ноги налились свинцом и спазма перехватила горло. Нина вошла первой, подала Шурке руку, он тяжело поднялся на ступеньку, дверца захлопнулась, автобус двинулся, розовая пыль поднялась и осела...

Игнат Фомич говорил, что разыскать соблазнителя и неверную жену очень просто. Имена и фамилии известны, автобус ходит по одному маршруту, — по рыбацким поселкам. Слезай в каждом и спрашивай, где здесь живет Лагин.

— Найти не шутка, но, извините, Виктор Николаевич, что же вы скажете им? Или возьмете жену за руку и потащите силком в Москву обратно? А она вам скажет: «Я его люблю!» Мой вам совет такой. Они вас не заметили? Нет. Вот и вы притворитесь перед собой, будто вы тоже ничего не видели. Езжайте-ка завтра утром домой.

Пьяный Виктор валялся на полу террасы, размазывая по лицу слезы и грязно ругаясь, а Игнат Фомич сидел на ступеньке и обмахивался веточкой от комаров. Пахло жареной рыбой, керосинками и мокрым бельем. Закрыв от Виктора хваленое южное небо, болтались по всему двору простыни. Скулил тоненько ребенок. Сердито баюкал и ворчал старушечий голос. Виктор тяжко всхлипнул. Все сделалось вокруг невыносимо противным, все надоело, будто он торчит полжизни в этом вонючем дворе. Кто виноват, что он примчался в эту распроклятую Евпаторию? Мать! И во всей его разнесчастной жизни виновата мать! Она заставила Нину уехать, она поедом ела ее! Старая курица! Ты спасала меня? Врешь, мамуля! Ты живым заколотила меня в ящик. Я умер в том ящике. Меня больше нет!

Поведав Игнату Фомичу свое горе,

Виктор, однако, не открыл тайны, связывающей Лагина и его. Он был не настолько пьян, чтобы проговориться. Он не проговорился бы и в горячечном бреду. Он все отлично понимал и помнил, все пережитое давным-давно кололо теперь изнутри так же остро, как в тот день, когда он встретил Шурку на бульваре. А сверх этой боли была бесконечная жалость к самому себе, обманутому Ниной. Он ее проводил, бежал за вагоном, а Шурка встретил ее здесь!

— Я очень сомневаюсь, что ваша жена вернется к вам, — сказал Игнат Фомич.

Виктор привстал от неожиданности, с трудом, но уселся, привалясь к побеленной известкой стене. Звезды, качаясь подмигивали над бельмами простыней. Старуха за перегородкой хохотнула. Но ему и в голову не пришло, что Нина может к нему не вернуться! Он уловил издевку в голосе старика и то, что надоел ему своим нытьем.

Утром Виктор супился, прятал глаза. Стыдно было за вчерашнее. Выложил молчком десятку за постой, а сверх того пять червонцев на завтрак. Дед вздохнул, напялил панамочку, покачал головой и сунул в авоську пустую бутылку на обмен. Понимает, старина, что надо человеку опохмелиться. Женский голос во дворе громко спросил:

— Гнат Фомич, спит еще ваш квартирант, або снова ругает жинку?

— Ах, потише, пожалуйста, Галина Нефедовна.

— Ха-ха-ха! Скажить ему, щоб не журився. Жинка ему дытыну привезе. Помните, в прошлом году жила у меня беленькая Надя?

Виктор до боли вдавил лицо в подушку, кусал губы, задыхаясь от обиды...

Полная черноглазая женщина лет тридцати пяти внесла кастрюлю с горячим борщом, стрельнула любопытным и лукавым взглядом на квартиранта, спросила хозяина:

— Где у вас глубокие тарелки, Гнат Фомич? Давайте налью. — И обратилась к Виктору с нескрываемой жалостью: — Попробуйте свеженького. Салом затертый. Такого вам в вашей Москве не сварят.

Поднесли стаканчик и ей. Не отказалась, присела на минутку. Выпили по второй, Виктор осмелел, а то все боялся глянуть в лицо Галине Нефедовне, боялся, что она ухмыльнется и скажет то, что говорила старику во дворе. Да кто они есть, зачуханные провинциалы? Они и не видели настоящих людей.

— Вот мы с генералом Травкиным в Потсдаме отрывали! — начал врать Виктор, и понесло его, понесло... Париж!..

Игнат Фомич обещал написать Виктору, если разузнает о Лагине что-нибудь. Виктор, продиктовал адрес, благодарил спьяну за неполученные еще сведения, не представляя, однако, какими они должны быть. Лез целоваться, хвалился, что Курносовы расправятся с Шуркой, как бог с черепахой, а Нинка приползет к мужу на коленях, рыдать будет, умолять будет, но он ее не простит.

— Знаете вы, кто такой Виктор Курносов?

— Знаем, золотко, знаем, уже побачилы. Гнат Фомич, я сбегаю, спытаю, чи дома Настя, а як она на дежурстве, то вы скоренько пойдете до ней в кассу. Да не в окошко, там не протолкнешься, а стукнете в дверь и скажете, шо Галя невозможно как просила один плацкартный до Москвы.

— Ох, доброе у вас сердце, Галина Нефедовна. Считайте меня своим должником. Виктор Николаевич, слушайте сюда. Да помолчите минутку. Давайте деньги на билет.

Проводили. Впихнули в вагон почти на ходу. Виктор рвался назад прощаться и обниматься. Клялся не забыть до гроба новых друзей. Приглашал в Москву. Полная женщина, в том же платьишке, что ходила дома, и дед в панамочке шли за окном, кивая ему, как глухонемому, махали руками, как отмахивались. Сбыли с рук. А в чемоданчике, с которым мужчины Курносовы ходили обычно в баню, Виктор обнаружил газетный сверток, в нем были две сайки, кусок жареной рыбы, сухая тарань, десяток абрикосов и чебурек.

Ночью за поездом бежала луна, цепляясь за столбы отбитым краем. Нина и Шурка тоже видят сейчас эту самую луну? Сидят в обнимочку на перекинутой лодке.

Эх, не стоило приезжать! Ничего бы не знал, ждал бы спокойно и ни о чем бы понятия не имел. А теперь не заспать, не пропить, мерещится одно и то же: как Нина руку Шурке подает, как смотрит на него нежно и влюбленно. Не надо было уезжать. Эх, отыскать бы их, набить Шурке морду, а Ниночку допросить, любимую жену. Отдельно спишь. Ниночка, или вместе? Со мной тебе было тесно, а с Шуркой просторно?.. Э-эх, выйди они, Виктор и Нина, в тот распроклятый день на бульвар на полчаса позже! Вот, Ниночка, разгадал я все твои загадки. А вы, капитан Лагин (вы, кажется, дослужились до капитана?), забыли сорок третий год? Вы теперь про штрафные батальоны романы сочиняете? А известно ли в редакциях, за что сами-то угодили в штрафной? Разумеется, не известно. Скрыли? Так можно и раскрыть!

Луна в изумлении попятилась.

«Я схожу с ума», — подумал в ужасе Виктор. Это он, он сам пожизненно в штрафном батальоне, и нет возможности совершить подвиг, нет такого подвига, чтобы он искупил свою вину, чтобы избавилась от гнета его душа. И все, что происходит, и все, что будет происходить в его дальнейшей жизни, все те обиды и несчастья, что есть и что ждут его впереди, — все это тяжкий штраф за те четыре дня в сорок третьем. Всего четыре дня, а на них, оказывается, опирается вся жизнь. «Ты загубила мою жизнь, мамуля. Загнала меня в мой собственный штрафной батальон!..»

Калерия Ивановна, воротясь, рада-радехонька вылезла из трамвая. Наконец-то в городе, дома! Но отперев ключом свою комнату, брякнулась на стул. Боже праведный, такого свинюшника она и вообразить не могла! Мусор, окурки, земля из разбитых цветочных горшков, фикус сломан, гортензия выдрана с корнем, буфет настежь... Но плачь не плачь, а прибирать кто будет? Пошла на кухню греть воду, а там Марья Митрохина говорит:

— Видала? Сыночек твой без просыпу пьян. Забулдыг каких-то страшенных назвал. Пили, песни орали, ругались. В милицию мы хотели заявить, да подружка твоя не дала. Не трогайте их, говорит, а то они нас всех порежут.

А сраму-то, сраму! Примчалась Аврора и, ахая над завалами грязи, битой посуды и зеленых мух, поведала, что вытворял здесь без матери Виктор. С работы, видать, его опять выгнали — спит до обеда, а проснется, смотается вниз, в магазин, и снова радио орет на всю мощь, а он пьянствует с каким-нибудь жуликом. Вот с час назад ушли они вдвоем, Витька и какой-то лохматый.

— Ой, жалко мне тебя, Калерия... Ой! До чего же он допьется.

Калерия Ивановна подумала-подумала, поморгала часто, собрала губы в кучечку и перестала плакать.

— Нечего меня жалеть! Не бобылкой живу одинокой! — изрекла гордо, с нескрываемым намеком.

— Ну и живи, — обиделась Аврора. — А я-то, тебя жалеючи, заступилась перед соседями за Витьку. Сидел бы твой шпана сейчас в кутузке.

— Не нуждаемся! Ишь, нашлась жалельщица! Ты себя пожалей! А у меня муж есть, сын есть!

— Ммма-маня приехала!

Сынок стоял, держась за косяк, покачиваясь былиночкой, расхристанный, будто по черной лестнице за штаны его волокли... Ох, горе мое! Однако сдержалась, покосившись на соседку, и спросила:

— Виктор, может быть, ты объяснишь свое поведение?

Потом, конечно, когда он проспался, дудела ему в оба уха, срамила, увещевала, грозила отцом, допытывалась, где болтался. Из деревни вон еще когда уехал. Да и что теперь воду в ступе толочь? Уволили опять за пьянку. Ну попотешили соседей — и хватит. Отобрала она у сыночка деньги, ту мелочь, что не успел пропить, заперла под замок туфли и брюки, не уйдет же он в пижаме и шлепанцах. Господи, скорей

бы приехал отец и устроил его на работу! У Витьки же золотые руки, светлая голова, но вот глотка ненасытная. А кто виноват? Нинка! Одну только открыточку и прислала. Он и переживает. Тут и не хочешь, запьешь. С такой-то женой!

Докапываясь до корней семейных бед, Калерия Ивановна все чаще приходила к этому выводу. Приближалось возвращение Нины, и Виктор весь насторожился, высох. Смотрел мимо матери ожидающими глазами, не слышал, что она ему говорила. Сердце ее не выдержало, отдала и штаны и туфли, а он и одеваться не стал, так и сидел с папиросой в зубах, выглядывал в окошко, вскакивал на каждый звонок.

— Не изводи ты себя так, Витюша. Куда она денется? Приедет.

О том, что приехала Нина, узнали от чужих. Калерия Ивановна со стыда сбежала из кухни. Аврора рассказывала при всех, как к первому подъезду подъехало такси, вылезла Нина, совсем больная, и пошла прямиком домой, то есть к родной своей мамочке.

Виктор заметался. Носится по комнате вокруг стола, то кинется к телефону, но как же он скажет. Позовите жену, она, кажется, приехала? Да тут все соседи обхохочутся до икотки. Пришлось Калерии Ивановне пойти на поклон к Авроре, все равно ведь когда-нибудь мириться надо. Выспросила все досконально и выговор сделала. Какая же ты, Аврора, подруга, если нас, Курносовых, срамишь при соседях. Ну видела — и ладно. Могла бы потихоньку мне сказать. Помирились. Аврора вызвалась сама сбегать к Антиповым, будто насчет рамы. Старик Антипов плотничал понемножку. Но Антипиха и на порог не пустила, захлопнула дверь перед Аврориным носом. Та с тем и воротилась.

Поглядывали подруги на Виктора, как на больного, накурил он — моль теперь десять лет не заведется. Бледный сам сделался, аж зеленоватый, щеки повисли складками, нос обтянулся. Ну, прямо покойник! Вечером попросил:

— Мама, сходи к ней. Узнай...

— Чего это ради? — возмутилась Калерия Ивановна. — Идти мне первой? Ну не хочет жить с тобой — не надо, но сохрани приличие! Приехала, приди и скажи «здравствуй!». А я, значит, должна идти справляться о ее драгоценном здоровье? Унижаться?

— Мама. Пожалуйста. Я очень тебя прошу.

— Ну ладно. Подожди, пусть совсем стемнеет.

И через час, накинув темненький платок, чтоб не бросаться в глаза любопытным соседям, подалась Калерия Ивановна вдоль палисадничков.

У Антиповых пахло лекарствами. Отец и мать пили чай при слабенькой настольной лампе. Нина спала за занавеской в родительской постели. Разговаривали шепотом. Предложили чаю и сватье. Она села. Неудобно же отказаться. Начала было возмущаться невниманием снохи, но Антипиха строго повела большим носом, поглядела на гостью исподлобья, и та сбавила тон, заговорила помягче. Чего это Нина вздумала родителей стеснять, когда у нее с мужем есть отдельная комната?

— Это уж, свашенька, ее дело. Вот поправится, с нее и спросите, — ответила мать. — Я сама ничего не знаю. Дочка наша приехала сама не своя. Может, простудилась в море, а может, дорогой обокрали. Вызвала я врача, потому как была она в горячке. Врач сказал: нервное расстройство и простуда. Не велел ее волновать. Покой ей нужен полный.

Все это Калерия Ивановна сыну и доложила. Он накинул пиджак, буркнул, что голова болит, выйдет немного воздухом подышит, и проторчал до света под антиповским балконом. Дворничиха заскребла метлой, тогда только он домой вернулся. Отдежурил.

А до сна ли матери было? Господи, что за наказанье! Плюхнулась Калерия Ивановна перед иконами на копени. Сын стоял под балконом и знал зачем, а она не знала, о чем просить бога. Чтобы выздоровела Нина? Она и так не помрет. Чтобы Витя не пил? Он же все эти дни, как стеклышко. Э, ладно! И Калерия Ивановна помолилась о себе. Не оставь меня, грешницу, матерь божья. Ты сама знаешь, чего мне надо. Счастья и покоя. И чтобы все мы, Курносовы, были здоровы.

Возвратился из санатория Николай Демьянович, устроил Виктора на новое место, в какое-то важное учреждение лаборантом, и Калерия Ивановна воспряла. Вот, оказывается, как обернулось — к лучшему!

Ах, на этом бы и закончиться неприятностям, но ведь Витя снова запьет, если не помирится с Ниной. Не приведешь же Витьке другую жену и любить ее не заставишь.

Николай Демьянович повздыхал и развел руками. Свет клином сошелся на Нинке. Ежедневные хождения Калерии Ивановны к Антиповым сделались самой главной ее обязанностью. Ох, была бы Антипиха поприветливей, а то с кем породнились? Простая баба, не то уборщица, не то гардеробщица в парикмахерской за углом, а гонору-то, гонору! Впускает в комнату нехотя, без уважения, вроде бы одолжение делает.

А ты с ней любезничай, улыбайся ей, вежливо и культурно, расспрашивай, какая была вечером, а какая утром у Ниночки температура, да кашляет или нет, потеет или нет, да не сбегать ли за лекарством. Но на что не пойдешь ради счастья единственного сына! Измучился, бедный, испереживался, ходит трезвый, понимает, конечно, и то, где он теперь работает.

Говорила Калерия Ивановна о Викторе не для Антипихи, а для Нины, терпеливо дожидаясь, когда же подаст голос сноха, спросит о муже своем, чай, не овдовела. И вот спросила Нина слабеньким, будто виноватым голоском, как поживает там Витя. Соблаговолила!..

Виктор от радости готов был помчаться к Антиповым сию секунду, но послушался мать и сразу не побежал, а позвонил по телефону, поговорил с тещей, передал горячий привет жене. Побежал на другой день, бегал, бегал и привел недели через две Нину домой. Курносовы-старшие с облегчением вздохнули. Нина вошла в комнату мужа через новую дверь. Прорубили. Наняли дядьку вытаскивать вон кирпичи, а все остальное соорудил Виктор. И пошло опять у Курносовых все благополучным, своим чередом.

ГЛАВА VII

Похудевшая, выцветшая Калерия Ивановна, зябко кутаясь в шерстяную вязаную шаль, варила на кухне кофе. Сгорбленная, седая, она уныло глядела на поднимавшуюся кофейную пену.

— Что ж плакать, душу себе надрывать? Не подымешь, — сказала горестно бабка Никитишна, положила картошку в миску с водой и уселась на табурете поудобней, свесив маленькие сухонькие ноги в мальчиковых полуботинках, в перекрученных чулках. — Жисть из того и состоит. Из хорошего и плохого. Когда, к примеру, у человека все хорошо, он привыкает. Так, мол, мне и надо. А не подумает, почему же мне все хорошо и хорошо, а другому все плохо и плохо? Каждый себя считает перед другими самым лучшим. Да я не об вас. Я вообще об людях. Оно, конечно, всех людей жалко. Все желают счастья.

— Господи! — выдохнула Калерия Ивановна, подхватила тряпкой кофейник и быстро удалилась, не дослушав. Плакала в комнате навзрыд, причитала. Виктор поспешно звенькнул стаканчиком, запахло валерьянкой.

Овдовела Калерия Ивановна два месяца назад. Скончался Николай Демьянович скоропостижно, от кровоизлияния в мозг. Все еще не верилось, все ждала: вот вернется Николай Демьянович, и они с ним решат то-то и то-то. А Виктор бегает к Антиповым семь раз на дню, носит бутылочки из консультации. Нина снова живет у своих, поехала прямо из родильного дома. Ну, что же, где хочет сноха, там пусть и живет, а Калерии Ивановне не нужны сейчас ни дети, ни внуки. Ах, Коля! Коля!

— Мама, успокойся, не плачь!

— Пожалуйста, я могу и совсем замолкнуть. На век. Для кого мне теперь жить на свете? У тебя своя семья, ребенок, жена... Вот что, Витя, отвези меня навсегда к Степаниде. Доживу последние свои дни в деревне, в том доме, где я родилась. — И от этой мысли, пришедшей на ум лишь сейчас, Калерия Ивановна заплакала еще горше. — Занимайте обе комнаты. Живите, я не буду мешать вашему счастью.

— Какому счастью, мама? Нина не хочет возвращаться сюда. Она подала заявление о разводе. Я уже дал свое согласие.

— Ты ненормальный, Виктор! Ты тряпка! Она потребует жилплощадь, и ей присудят. Отдадут комнату ей и ребенку. Не позволю! Я — ответственная съемщица! Я к юристу пойду!..

— Никто не претендует на твою жилплощадь. Освобождается комната в их квартире, и ее отдадут Антиповым. Поэтому и необходимо поскорее оформить развод. Мне к одиннадцати в суд, мама. На беседу. Оттуда я зайду за молоком. Знаешь, мама, там перед окошечком висит список поставленных на довольствие, ну, фамилии младенцев, кому полагается молоко. Забавно! Курносов А. В. Такая кроха и уже А. В.

— Ну что за имя она выбрала — Андрей? Причем здесь Андрей? Я же просила назвать Николаем в честь деда. Нет, все мне на зло!

Окончание следует

ТЕРПЕЛИВО И НЕНАВЯЗЧИВО

Стойчо КОЛАРОВ

Наши многолетние наблюдения показывают, что верующие родители начинают приучать своих детей к молитвам, когда они еще впервые идут в школу, то есть лет с семи. Впрочем, религиозность семьи проявляется уже тогда, когда дети вступают в «Чавдарче» (дошкольная детская организация. — **Перев.**) и «Септемврийче» («сентябрята» — детская организация Отечественного фронта.— **Перев.**).

Опыт показывает, что дети из религиозных семей избегают участия в общественной жизни. Они обыкновенно молчаливы, необщительны, замкнуты и недоверчивы. Под самыми различными предлогами (ссылаясь на отсутствие склонности к такому роду деятельности, либо на головную боль, либо на то, что у них дома кто-нибудь болен) они отказываются от участия в культпоходах, других коллективных мероприятиях, не посещают даже собраний «Чавдарче» и «Септемврийче» и пионерских сборов.

В одной школе учительница как-то предложила своим ученикам коллективно посмотреть в воскресенье фильм «Обреченные души». 30 ребят из ее класса отдали ей по 25 стотинок на билеты. Не внесла деньги только одна ученица.

— Катя, ты хочешь посмотреть фильм «Обреченные души»?

— Да!

— А почему ты не даешь деньги?

— Я не ношу их с собой.

— А ты можешь попросить деньги дома?

— Нет.

— Дети, давайте соберем деньги на билет Кате и в воскресенье пойдем в кино всем классом, — обратилась учительница к ученикам.

— Зачем собирать? — возразил Ванко. — У меня есть немного денег, возьмите 25 стотинок.

И вдруг, когда все уже было сделано, Катя, покраснев, совсем неожиданно для всех поднялась из-за парты и заявила:

— Нет, я не хочу ни у кого брать денег. Я попрошу дать мне денег маму и только после этого скажу вам, смогу ли я пойти в кино, — совсем тихо закончила она.

Этот случай оказался для учительницы достаточным основанием для того, чтобы проявить бо́льшую заинтересованность и внимание по отношению к девочке, ближе и лучше познакомиться с семьей Кати, понять взгляды ее родителей, их отношение к школе, к пионерской организации. В результате посещения дома и разговоров в семье Кати учительница узнала, что ее родители — люди глубоко религиозные, члены секты «субботников».

Разумеется, они сильно влияли на ребенка — вот почему колебалась девочка, когда собирали деньги на кино. Кате хочется смотреть фильмы, но родители не позволяют ей подобных развлечений, полагая, что таким образом девочка может «сойти с пути истинного» и «пошатнуться в вере».

Перевод статьи из болгарского журнала «Атеистична трибуна» (1976, № 2), печатается с некоторыми сокращениями.

По своей природе дети младшего школьного возраста непосредственны и откровенны. Они ищут общения со сверстниками, веселятся, играют, сообща ходят в кино, в театр, на экскурсии, в походы, живут жизнью своего класса. Они всматриваются и вслушиваются в действия, слова и поступки товарищей, как и в свои собственные, критикуют, проявляют непримиримость по отношению к недостаткам, но всегда стремятся искренне помогать друг другу. Верующие же родители, в особенности приверженцы фанатичных конфессий, в частности те же «субботники», стараются отгородить ребят от реальной жизни, подавить в них стремление к радости и веселью. Приучая их к смирению и к отказу от земных «соблазнов», не позволяют детям участвовать в массовых играх.

Если, например, в классе проходит очередное заседание совета отряда, на котором обсуждаются успехи и поведение или проступки отдельных учеников, дети из верующих семей обычно молчат, не выступают с замечаниями или предложениями, равнодушны к делам класса. Оно и не удивительно — ведь им постоянно внушают: «прощайте и прощены будете», «не судите да не судимы будете». Именно поэтому дети из верующих семей не живут интересами коллектива, не проявляют заботы о своих товарищах, с полным безразличием воспринимают все их поступки. Как правило, такие дети и учатся хуже сверстников.

Опыт показывает, что завоевание доверия — главное условие успеха в воспитательной работе с детьми из верующих семей.

Георгий Б., сын священника, учился в первом классе. Учитель знал, что дети отзывчивы, чувствительны к добрым и ласковым словам и на добро всегда отвечают добром. И внимательно, ненавязчиво, спокойно и деликатно, исподволь, незаметно для самого мальчика он постепенно вовлек Георгия в общественную жизнь класса. Теперь Георгий всегда бывает вместе со своими одноклассниками на экскурсиях, пионерских сборах, в походах, на торжественных мероприятиях, при посещении соседнего завода, на встречах с заслуженными людьми труда, с шефствующими над классом бригадами. Он даже поет в школьном хоре. Георгий хорошо рисует, и часто ему поручают подготовить стенд или стенную газету. Кроме того, он отвечает за выполнение домашних работ ребятами его звена и за сохранность школьного имущества, за поддержание образцовой чистоты в классе. Все эти поручения довольно ответственные, но они пришлись мальчику по душе, вошли органически в его жизнь.

Георгий привязался к своему учителю. Он относится к нему с большим уважением и с полным доверием. И когда Георгий был уже в третьем классе, он с гордостью заявил: «Я больше не хожу в церковь. Мне нечего там делать!» И в самом деле, мальчик не без чувства гордости повязал себе красный галстук — стал пионером. К этому событию он был подготовлен терпеливой

и упорной воспитательной работой своего учителя, товарищами, несмотря на то что родители запрещали ему вступать в пионеры.

...Учительница заметила, что, как только, объясняя материал, делает вывод, что не существует никаких сверхъестественных сил, что любое явление в природе и в обществе причинно обусловлено и материально, одна из учениц стыдливо опускает голову. Ей было нелегко слушать эти слова учительницы, так как дома при одном только упоминании слова «бог» все замирали в благоговейной почтительности. Но учительница не спешила убеждать девочку в том, что та неправа.

На уроках и во время внеклассных и внешкольных мероприятий она обстоятельно, общедоступно и аргументированно рассказывала о полетах советских космонавтов, о совместном советско-американском эксперименте в Космосе, но школьницу, о которой идет речь, все это не интересовало. Учительнице стало ясно, что прежде всего нужно постепенно преодолеть безразличие девочки, ее страх перед богом и перед возможными наказаниями со стороны родителей.

Главное тут — умело, рационально и в то же время доступно использовать конкретный материал, изучаемый на том или ином уроке, особенно опыты, демонстрируемые на уроках естествознания, а также продолжать эту работу и после уроков — до тех пор, пока не будет завоевано доверие заблудшего ребенка и он не включится в жизнь класса.

Верующие дети перевоспитываются с большим трудом. Ведь родители внушили им, что самое страшное — это отступить от религиозных заповедей и требований, так как ослушника ждет неминуемая «божья кара». Здесь необходима самая серьезная работа и с родителями таких детей.

Мы, например, пригласили на беседу отца ученика, который каждую субботу пропускал занятия. И вот этот родитель-«субботник» пришел в учительскую с целой охапкой религиозной литературы и стал доказывать нам, что в субботу его сын не прогуливает, а корпит над этими книгами.

— Какое вы имеете право заставлять моего сына ходить по субботам в школу? Не забывайте, что я доверил вам только обучение моего ребенка, но не его воспитание. Воспитателем его буду только я сам и никто другой, — выпалил разгневанный отец.

Но он не отдавал себе отчета в том, как сильно он ошибается и какой вред наносит своему собственному ребенку. Прежде всего, разъяснили ему мы, воспитание детей не является монополией родителей: это дело всего общества. Оказалось, отец даже не знал того простого обстоятельства, что нарушает действующий в нашей стране закон об обязательном обучении.

Наш опыт показывает, что даже дети из таких вот семей в результате терпеливой, иногда двух-, трехлетней работы всего школьного коллектива — одни раньше, другие позже — включаются в его жизнь и привыкают ходить на занятия ежедневно, включая и субботу.

С каждым годом все меньше и меньше детей поддаются религиозным заблуждениям, и этому в значительной степени способствует скромная и незаметная повседневная работа учителей.

Димитровская пионерская организация «Септемврийче» воспитывает строителей социалистической Болгарии. Сейчас в ее рядах миллион юных граждан.

В первый день марта школьники дарят друг другу мартенички — броши из красно-белых ниток, традиционный подарок в первый день весны.

Конкурс на лучший рисунок — «Пусть всегда будет солнце!»

Фото БТА — ТАСС.

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ВЗРОСЛЫХ

Стоянка НЕДЕВА

...Но ты теряешь свои силы,
Слабеешь ты, изнемогаешь.
И потому жестоко жалишь так
В предсмертном ужасе, быть
может...

Никола Вапцаров. Схватка.

Поэт прав — поверженный легко не сдается. Он ищет всевозможные способы, чтобы как можно дольше продержаться, хотя бы с помощью лжи и обмана. Наиболее легко и в течение длительного времени позволяет держать людей в подчинении и заблуждении именно религия. И наиболее желанным объектом религиозного влияния оказывается подрастающее поколение.

Я не буду здесь останавливаться на формах и методах атеистического воспитания в школе, пионерской и комсомольской организациях: это тема особая. Речь пойдет о другой важной стороне воспитательного процесса — о воздействии семьи — этой первой социальной среды и первой школы для детей. Первые воспитатели ребенка — сами родители. Вот почему семья играет такую важную роль в преодолении или консервации религиозных пережитков и в атеистическом воспитании подрастающего поколения.

Чаще всего проводниками религиозных предрассудков в семье оказываются представители старшего поколения — бабушки и (хотя значительно реже) дедушки. Своих детей они растили и воспитывали в условиях эксплуататорского общества, когда обязательной нравственной нормой были вера в бога, соблюдение религиозных ритуалов. Сейчас многие старики искренне полагают, будто общественная мораль во времена их молодости стояла намного выше и будто отсутствие веры в бога и страха перед ним делает современную молодежь «распущенной». Приходится только сожалеть, что религиозное воспитание, насаждаемое некоторыми бабушками и дедушками, осуществляется с молчаливого согласия чаще всего уже неверующих родителей, не желающих портить отношения со стариками.

Есть еще семьи, где не верят в бога, но верят в гадания, предсказания, в «стискивание пальцев» на счастье и удачу, в магию и тому подобные суеверия и предрассудки, которыми заражают и детей. Достаточно разбить нечаянно зеркало, рассыпать соль, встретить женщину с пустыми ведрами, возвратиться за забытой вещью, пересечь дорогу черной кошке, начать какую-нибудь работу в пятницу или 13 числа, чтобы, по мнению таких людей, ожидать каких-нибудь неприятностей или неудач.

С особым любопытством дети прислушиваются к тому, как взрослые толкуют свои сновидения. На них оказывают отрицательное воздействие даже такие давно утратившие свой первоначальный смысл словесные обороты, как «слава богу», «не приведи господи», «упаси бог», «добрая, как ангел», «черт возьми» и другие, которые взрослые употребляют по привычке, механически.

Подобные выражения ориентируют детское мышление на восприятие различных суеверий и религиозных представлений, дети вырастают робкими и пугливыми. Особенно часто это случается с девочками, которые более эмоциональны и поэтому более предрасположены к восприятию суеверий. Одного случайного сна или необъяснимого, с точки зрения верующего ребенка, события иногда оказывается достаточно, чтобы вывести его из равновесия. Порой несколько дней, месяцев и даже лет он мучительно ожидает, когда сбудется то или иное предзнаменование. В течение всего этого времени такой ребенок подавлен, угнетен, не проявляет интереса ни к чему.

Некоторые родители-сектанты смотрят на школу как на «праздное занятие», «ненужную суету», как на место, где детей учат «греху» и «безбожию». Другие по субботним дням не пускают своих детей в школу, а если и отпускают, то все равно запрещают принимать какое-либо участие в работе класса — писать, читать, отвечать на вопросы и т. п. Есть и такие родители, которые, на словах не возражая против школьного обучения, резко противопоставляют «греховному» воспитанию в школе религиозное воспитание и насаждают недоверие к учителям, а следовательно, и к знаниям, которые те дают их детям.

Малыши, как известно, очень любят слушать сказки. Плохо поступают те бабушки и матери (именно они обычно выступают в роли рассказчиков), которые рассказывают сказки о привидениях, об «адских муках», об «оживших мертвецах», о вампирах и других таинственных существах или же пугают детей темнотой, домовыми, призывают «бабу Ягу», «деда с мешком» и пр. Эти рассказы и угрозы оставляют в детской душе неизгладимое впечатление, а нередко такой суеверный страх надолго сохраняется и у взрослых.

Все эти ошибки и непонимание некоторыми семьями необходимости строго соблюдать принципы правильного атеистического воспитания часто приводят к раздвоению хрупкой детской психики, к подпадению ее под влияние религиозного мистицизма. Сознание детей становится ареной борьбы противоречивых мыслей и настроений, что отбивает у них желание учиться, подрывает их веру в силу науки и в жизнь вообще.

Не допускать этого — задача родителей, особенно матерей. Ведь если мать действительно убеждена в необходимости с самого раннего возраста воспитывать своих детей в духе атеизма, то она сделает все, что в ее силах, чтобы уберечь хрупкую детскую душу от противоречий и путаницы, в которые впадают дети, слушая рассуждения бабки или деда о всевышнем, загробной жизни, аде, рае и т. д.

Характерная детская черта — любознательность. Дети всем интересуются, обо всем расспра-

Перевод статьи из болгарского журнала «Атеистична трибуна» (1976, № 2), печатается с некоторыми сокращениями.

шивают, желают познать все, что их окружает, и задают сотни вопросов: «Откуда идет дождь?», «Куда прячутся днем звезды?» и т. д. и т. п. Правильные, ясные, убедительные, доступные по форме ответы родителей удовлетворяют детскую любознательность и предохраняют детей от усвоения религиозных взглядов на то или иное явление. Но правильный ответ дети могут получить только в том случае, если отец и мать обладают необходимыми знаниями. Если же их нет, на помощь родителям придут книги, газеты, журналы, школа.

С этой целью родители могли бы использовать такие доступные для детей произведения, как «Путешествие по далеким мирам» М. Ивановского, «Небесные камни» Ф. Зигеля, «Любознательная Бесси» Марка Твена и др. Самим родителям также полезно прочесть рассказы Серафимовича «Две богородицы», «Бунт», «Чудо», «Повседневные дела», Елина Пелина — «Напасть божья», «На том свете», «Безумная», стихотворения Маяковского и Маршака, книгу Корнея Чуковского «От двух до пяти», «Забавное Евангелие» Лео Таксиля, «Библию для верующих и неверующих» Емельяна Ярославского.

Так шаг за шагом, совместными усилиями школы, родителей, пионерской и комсомольской организаций необходимо преодолевать суеверия и предрассудки у детей. Но наша задача этим не ограничивается. Мы должны воспитывать молодых людей не только невосприимчивыми к религиозным заблуждениям, но и убежденными сторонниками и проводниками диалектико-материалистического мировоззрения, активными строителями коммунистического общества.

Коротко об интересном ● Коротко об интересном ● Коротко об интересном ● Коротко об интересном ●

«СЛАВЯНСКИЙ ПРОЕКТ»

В 1970 году Генеральная конференция ЮНЕСКО утвердила особый Славянский проект, на основе которого ведется изучение истории славянских культур и их связей с другими европейскими и восточными культурами, а также — литератур и искусства славянских народов. В реализации проекта активно участвуют как ученые Болгарии, Белоруссии, Польши, СССР, Украины, Чехословакии, Югославии, так и многочисленные научные учреждения неславянских стран мира.

С тех пор этот проект приобрел действительно международный характер и назрела необходимость в постоянной координации исследований и в организованном обмене опытом. Такие функции возложены на основанную не так давно Международную ассоциацию по изучению и распространению славянских культур, президентом которой избран директор Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков.

В ближайшие годы Ассоциация планирует выпустить серию монографий «Выдающиеся деятели славянской культуры», два художественных альбома лучших образцов славянского деревянного зодчества и скульптуры, антологию славянской лирики XIX — начала XX века. Одну из конференций ассоциации намечено провести в Киеве. Важное место в ее работе займут проблемы охраны памятников славянской истории и культуры.

НОВЫЙ МУЗЕЙ

Одним музеем больше стало в Белграде: это музей Африки. Его здание площадью свыше 1200 квадратных метров было построено всего за десять месяцев. В нем представлено около тысячи экспонатов — деревянных скульптур, ритуальных масок, художественно исполненных тканей, металлических предметов и драгоценных украшений.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ

В последние десятилетия в Венгрии, как и в других социалистических странах, уделяется все больше внимания проблемам охраны окружающей среды. Законодательство ВНР предусматривает около 300 различных юридических правил и норм, направленных на охрану природы. Особенно важным из них является правительственное постановление 1971 года, а также комплексный закон об охране окружающей среды, принятый Государственным собранием республики в 1976 году.

Разработан перспективный план мер по охране природы, согласно которому к 1990 году в Венгрии будут объявлены заповедными 500 тысяч гектаров земель, то есть более 5 процентов всей территории страны. Здесь будут созданы национальные парки, заповедники и резервации. Сейчас эта программа выполнена уже почти наполовину. Создано три национальных парка общей площадью в 250 тысяч гектаров, в которых не только сохранены характерные природные условия живописного ландшафта, но и приняты меры по охране памятников прежнего сельского быта и материальной культуры. До 1990 года в стране намечено создать еще два национальных парка.

Венгерские специалисты на международных семинарах и различных курсах передают свой богатый опыт борьбы с наступлением песков и солончаков. Как известно, на значительной территории между Тиссой и Дунаем 100 лет назад простирались сыпучие пески. За прошедшее столетие путем насаждения крупных виноградных плантаций и лесов на территории в 400 тысяч гектаров удалось остановить пески и восстановить плодородие этого края.

А ведь когда-то солончаки простирались здесь на территории в миллион гектаров. В результате проведенных мероприятий их площадь сократилась до такой степени, что в Хортобадьском национальном парке, например, бывшие солончаки уже объявлены охраняемой территорией. В Венгрии был снят фильм по заказу программы ООН по охране окружающей среды, венгерские специалисты разрабатывают различные приборы, и это явится их вкладом в создание единых международных нормативов по восстановлению экологического равновесия в природе. ВНР также взяла на себя координацию работ в рамках международной программы по составлению карты солончаков нашей планеты.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ

В Праге состоялся международный симпозиум по вопросам повышения квалификации педагогов. Организатором симпозиума были Европейский информационный центр по усовершенствованию преподавателей при Карловом университете и педагогический факультет.

На симпозиуме обсуждались вопросы дальнейшего совершенствования процесса обучения и воспитания в средних школах дефектологического профиля.

Кроме педагогов-дефектологов ЧССР, в работе симпозиума участвовали их коллеги из Бельгии, Болгарии, Дании, Нидерландов, Венгрии, ГДР, ФРГ, Норвегии, Польши и Советского Союза, а также представители Секретариата ЮНЕСКО, европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения и Европейской ассоциации по специальной педагогике.

КЛАД ФРАКИЙСКОГО КУРГАНА

Коллекция всемирно известных фракийских золотых украшений — гордость Болгарии — пополнилась недавно еще одной бесценной находкой. При раскопках древнего кургана близ города Стрелча на юге страны был найден золотой нагрудник, художественные достоинства которого дают все основания причислить его к самым выдающимся памятникам фракийской культуры. На лицевой стороне украшения, обнаруженного в погребении богатого воина, изображены лев, вепрь, грифон и сфинкс. Кроме нагрудника, в захоронении были также обнаружены пять бронзовых сосудов, фигурка из железа, бронзовые наконечники стрел и другие предметы обихода. Сохранились также остатки тканей и предметов из дерева.

(По материалам ЮНЕСКО)

Ватикан: V синод

В. МАЗАЛОВА

Основные усилия католицизма в наши дни направлены на то, чтобы удержать и по возможности укрепить свои пошатнувшиеся позиции в современном мире, вписаться в динамичную действительность, характеризуемую радикальными социальными, политическими, экономическими, культурными изменениями. Под знаком «аджорнаменто» (обновления) проходят все крупнейшие события в жизни католической церкви в 60—70-х годах.

Состоявшийся в октябре прошлого года в Ватикане очередной, V синод католической церкви* не составил исключения в этом отношении. На него съехались 142 делегата от национальных епископских конференций из разных стран мира. Остальные 62 участника были назначены папой из числа кардиналов курии, представителей монашеских орденов и светских католических организаций.

Основное внимание синод уделил проблеме удержания молодежи в сфере влияния религии, вопросу «катехизации». Такой акцент вполне понятен. Лидеры католической церкви отдают себе отчет в том, что ее будущее зависит от того, насколько они сумеют подчинить своему влиянию молодежь, сформировать человека, который не разделял бы материалистических идей, не относился бы пассивно и равнодушно к религии, а стал бы ее проводником.

О важности, какую придает данной проблеме руководство католической (да и не только католической) церкви, свидетельствовало уже хотя бы одно то обстоятельство, что по этому вопросу на синоде — притом дважды — выступил генерал самого могущественного, иезуитского, ордена Педро Арупе.

Да и в других выступлениях на синоде так или иначе затрагивалась проблема молодежи — эта главная забота католической церкви. Итальянский епископ из Новары Альдо дель Монте, например, сказал: «Новое поколение — надежда церкви, но путь его к осознанной вере тернист. Необходима дальнейшая евангелизация повсюду и всеми средствами».

Впрочем, уже предыдущий, IV синод (1974 г.) отмечал, что важнейшим объектом евангелизации должна стать молодежь.

В выступлениях на V синоде неоднократно звучало сожаление по поводу безразличия молодежи к религии. Кардинал Хёффнер из ФРГ, в частности, констатировал, что слишком многие молодые люди далеки от церкви и пытаются самостоятельно найти истинный смысл жизни. Для того чтобы эти поиски окончательно не уводили молодежь в сторону, противоположную религии, католическая иерархия предлагает направить их в нужное для нее русло. Если молодежь стремится к активной, созидательной деятельности, к борьбе против социальной несправедливости, неравенства, угнетения человека человеком, то церковь спешит использовать и эти устремления. Для этого предлагается преподносить молодежи начальные знания об общественных процессах, разумеется в религиозной трактовке, и таким образом постепенно подводить базу под социальную доктрину церкви. В этом она видит один из путей обращения молодежи к богу и возможность убеждения ее в «утопичности земного рая». А это прямой призыв к отказу от активной жизненной деятельности, к пассивному ожиданию загробного воздаяния. Таким образом, католическая церковь надеется, используя близкие и понятные молодежи слова о справедливости и равенстве, внушать ей свои идеи.

Кардинал Хёффнер сказал, что религиозная вера должна подчинить себе ум и сердце любого молодого человека, доходить до него всюду, где бы он ни находился, даже если он и не задумывается над религиозными проблемами и далек от церкви. При этом ее руководство указывает, что подобное воздействие следует начинать с раннего возраста с учетом детской психологии и педагогики. Для повышения эффективности работы с детьми и молодежью делегаты синода предлагали принять ряд мер. Например, увеличить выпуск учебников по катехизису специально для детей и подростков. Повысить роль семьи и родителей в религиозном воспитании детей. Стремиться к превращению школы, как церковной, так и светской, при сотрудничестве семьи и прихода, в подлинную общину по обучению катехизису, используя для этого молодежные ассоциации, различные движения, кружки, конференции, средства массовой коммуникации и т. д.

Участники синода неоднократно подчеркивали, что катехизис — это средство проповеди религиозного мироощущения. В нем выражены и сосредоточены усилия всей церкви в деле укрепления религиозной веры, приобщения широких масс народа к церковной жизни. Как сказал папа Павел VI в речи на открытии синода, проблемы катехизиса приобретают ныне особое значение для формирования человека будущего.

В самом выборе повестки дня синода видна озабоченность католической церкви своим завтрашним днем. Об этом же свидетельствовали два рабочих документа, подготовленных Ватиканом для обсуждения на V синоде.

В одном из этих документов — «Панорама жизни церкви от синода 1974 года до сегодняшнего дня»,— например, отмечалось, что прогрессирующая секуляризация подрывает веру в бога; во многих, особенно индустриально развитых странах усиливаются «секуляристские толчки», которым подвержены и христиане. Растущее разочарование религиозной идеологией влечет за собой переосмысление таких понятий, как личная свобода, семья, вера; это особенно заметно на подрастающем поколении и молодежи, отмечалось в дискуссии на самом синоде. Молодые люди все реже обращаются или вовсе не обращаются к церкви, предпочитая самостоятельно, с активных позиций разрешать свои проблемы. И здесь катехизис, которому отводится поучающая роль, наталкивается на стену равнодушия и неприятия веры.

Сегодня все новые массы прогрессивно настроенных людей, мужчин и женщин, вступают на путь борьбы за справедливое преобразование общества, за построение нового мира, против эксплуатации и угнетения. Разумеется, этот серьезный шаг в жизни человека часто бывает связан с сомнениями, с поиском правильных путей, ответов на множество вопросов. Колебания такого рода католические идеологи предлагают использовать в своих целях. И немаловажную роль отводят при этом опять-таки катехизису. Идеологическая борьба, конфликты и диспропорции общества угнетения и неравенства, стремление к их преодолению — все это церковные обновленцы пытаются выдать за новые поиски бога. И тогда якобы все становится на свое место, а жизнь человека приобретает новый, религиозный смысл. При этом ватиканские идеологи видят в катехизисе средство, которое поможет сомневающемуся в этих поисках и обратит его в сторону бога. Они считают катехизис тем средством «окультуривания», которое можно внедрить в человеческое сознание, культуру. Кстати, на необходимость «внедрения» христианского учения во все сферы жизни и культуры указывал папа Павел VI еще на II Ватиканском соборе и позже.

Как известно, катехизис — средство проповеди и утверждения религиозной веры. Но синод предложил наряду с этими традиционными функциями использовать катехизис и для стимулирования разнообразных форм участия людей в общественной жизни в надежде на то, что, приняв религиозную окраску, эти формы смогут стать одним из способов евангелизации мира.

Вся серьезность обсуждения возможных путей обновления катехизиса свидетельствует о тех больших надеждах, которые участники синода возлагают на него. Судя по всему, они хотели бы превратить катехизис в своеобразный путеводитель, который бы содержал готовые ответы, рецепты поведения и взглядов для людей любого пола, возраста и образа жизни.

Эпоха социальной и научно-технической революции породила новые отношения между людьми и современные средства их выражения. Язык, на котором обращаются к своей пастве служители культа, становится все более непонятным для нее, особенно для молодежи. С учетом этого в «Послании синода народу божьему» говорится о том, что катехизис должен перевести основные церковные документы на выразительные средства нашего времени, чтобы сделать их более доступными и эффективными. Его предполагается сделать тем средст-

---

* О предыдущих ватиканских синодах см. наш журнал — 1972, № 4; 1975, № 7 (прим. ред.).

вом, которое позволит объявить «слово божье» на современном языке и таким образом не просто продолжить, но и углубить уже начатое обновление церкви.

Эти меры направлены на то, чтобы усилить интерес к религии прежде всего среди молодежи, которую отталкивает архаический церковный язык. Католические идеологи надеются, что обсуждение интересующих молодежь проблем, в основном социальных, на понятном ей языке разбудит у нее интерес к религии и вернет ее в лоно церкви. Поэтому в катехизис предлагается включить общие положения христианской этики и социальной доктрины католицизма.

Через все выступления на синоде красной нитью проходила мысль о том, что для поддержания авторитета церкви в массах нужны массированные, энергичные, целенаправленные и постоянные действия. Причем среди объектов этих идеологических атак делегаты синода в первую голову называли марксизм.

Марксистско-ленинские идеи ныне завоевали прочные позиции во всем мире, так как они отвечают чаяниям и стремлениям миллионов трудящихся всех континентов. Мы являемся свидетелями участия и вступления широких народных масс в борьбу за их воплощение в жизнь во всех странах. Эти идеи сегодня оказывают значительное влияние и на верующих. Разумеется, это вызывает серьезную озабоченность и противодействие со стороны церкви, которая не может, однако, не признать притягательной силы марксизма. Поэтому ее идеологи пытаются найти собственные, освященные религией ответы на острые проблемы современности и не допускать, чтобы люди руководствовались в своей жизни «безбожными концепциями». Наряду с этим под эгидой Ватикана в последнее время широко проводятся исследования, призванные выявить природу марксизма и найти эффективное средство борьбы с ним. Именно такая задача, в частности, поставлена и перед основанным в феврале 1977 года при одном из папских университетов в Риме так называемым «институтом по изучению атеизма».

Участники синода высказались за необходимость исследования марксизма, атеизма, секуляризации. Глава ватиканского секретариата по делам неверующих кардинал Кёниг (Австрия) в своем докладе на синоде как раз остановился на «исследованиях» такого рода, проведенных в последние годы и посвященных таким вопросам, как отношения между верой и марксизмом, проблема секуляризации, молодежь и судьбы веры в будущем. Он подчеркнул, что и в дальнейшем его секретариат будет изучать марксизм, атеизм и причины неверия.

Настало время, заявил Кёниг, перенести диалог между верующими и неверующими на уровень межличностных отношений и малых групп, а проще говоря, развивать антимарксистскую и антиатеистическую пропаганду в широких народных массах силами самих верующих. По его словам, секретариат будет способствовать воспитанию христиан для такого типа диалога, в том числе с помощью катехизиса «агностического и имеющего тенденцию к индифферентности общества», который бы готовил верующих к борьбе против «безбожных идеологий». За «катехизацию» такого же рода ратовал и кардинал Октавио-Антонио Берас Рохас из Доминиканской республики, отметивший, что «атеизм и растущая секуляризация требуют интенсификации катехизиса». В заключительном документе синода также подчеркивалась особая роль катехизиса «перед лицом материалистических тенденций, секуляризации и атеизма».

Словно позабыв о том, что еще недавно Ватикан предавал анафеме «безбожников», кардинал Кёниг предложил расширить религиозную пропаганду среди «заблудших» братьев, напомнив, что церковь должна возвещать Евангелие и неверующим. В связи с этим возглавляемый им секретариат предложил издать тщательно отредактированный «Катехизис для неверующих».

Поскольку, согласно решениям II Ватиканского собора, регулярно проводимые после него каждые три года синоды не обладают, если можно так выразиться в данном случае, законодательной властью, а им отводится лишь роль совещательного органа при папе, все предложения, высказанные в ходе этой сессии, поступили на рассмотрение и усмотрение Павла VI, который будет решать, какие из них учесть, а какие отбросить.

Но уже сейчас можно сказать, что, независимо от предпринятых на синоде попыток поправить положение, голоса, прозвучавшие на нем, и документы, им одобренные, стали еще одним убедительным свидетельством того небывало глубокого кризиса, который ныне переживают не только католицизм, но и другие религиозные направления.

«Я ПРОПОВЕДОВАЛ СВОБОДНО»

● В новой Конституции СССР содержатся четкие, не оставляющие места для кривотолков положения о религии в обществе зрелого социализма. Так, статья 34 предусматривает равенство перед законом всех граждан Советского Союза «независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни». Статья 52 гарантирует советским гражданам свободу совести, то есть право исповедовать какую угодно религию или не исповедовать никакой, право отправлять религиозные культы или, напротив, вести атеистическую пропаганду. И, что особенно важно, та же статья Конституции воспрещает какое-либо «возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями».

Хорошо известно, что в Основном Законе нашей страны зафиксировано то, что уже воплощено в жизнь.

В этом отношении немалый интерес представляют впечатления известного в США религиозного деятеля доктора Уильяма Брайта, основателя и бессменного президента организации «Кэмпус крусэйд фор крайст интернэшнл» («Международный университетский крестовый поход»), имеющей филиалы в 90 странах мира. Он посетил СССР в конце прошлого — начале нынешнего года по приглашению Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ).

В ходе своего визита У. Брайт, сопровождаемый генеральным секретарем ВСЕХБ А. М. Бычковым, совершил поездку по стране, ознакомился с жизнью советских людей, в том числе верующих, выступал с проповедями на молитвенных собраниях. По возвращении в Москву он поделился своими впечатлениями на пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, проходившей в молитвенном доме Московского общества ЕХБ.

Представляя доктора Брайта участникам пресс-конференции, А. М. Бычков подчеркнул, что его визит — еще одно свидетельство тех добрых перемен в мире, благодаря которым расширились и контакты между религиозными деятелями нашей страны и Соединенных Штатов Америки. Такого рода контакты, сказал А. М. Бычков, приветствуются и поддерживаются советскими баптистами, которые считают их полезными для развития хороших отношений между народами обеих стран и для укрепления всеобщего мира.

С ним согласился и У. Брайт, отметивший исключительно «теплый и благосклонный прием», который был ему оказан в СССР, где «народ всей душой жаждет мира».

— Советский Союз давно интересовал меня,— сказал он.— Теперь, когда я нахожусь в вашей стране, я чувствую, что в какой-то мере удалось приблизить то, к чему мы все должны стремиться, то есть возводить мосты любви и взаимного доверия друг к другу.

После того как с кратким заявлением выступил директор португальского филиала «Кэмпус крусэйд фор крайст интернэшнл» доктор Жозе Гонсалвиш (он уже был в СССР в прошлом году на международной конференции церковных деятелей в защиту мира, которой дал высокую оценку), журналисты начали задавать вопросы. Отметим, что присутствующие корреспонденты представляли многие органы массовой информации: «Нью-Йорк таймс» и лондонскую «Таймс», английское агентство Рейтер, советское агентство печати «Новости», Московское радио, выходящую на нескольких языках газету «Московские новости», баптистский журнал «Братский вестник», «Журнал Московской патриархии» и другие.

А вот некоторые из заданных ими вопросов и ответов на них.

— Были ли вы только в церквах или посещали и другие места? — спросил У. Брайта корреспондент «Нью-Йорк таймс».

Из ответа выяснилось, что гости были в Советском комитете защиты мира, посетили ряд наших вузов, в частности МГУ, где встречались с ректором, группой профессоров и студентов. И не толь-

ко встречались, но и, по словам У. Брайта, «вели с ними беседы о сути учения Христа».

— А были ли контакты с русской православной церковью?

Такие контакты были. Доктор Брайт встречался с епископом, присутствовал на богослужении в православном соборе. Он также обсуждал связанные с религией вопросы как с христианами, так и с неверующими в тех городах, которые посетил.

— О, так вы имели дебаты с неверующими? — спросил кто-то из западных корреспондентов.

— Нет,— ответил доктор Брайт,— это были не дебаты, а просто дискуссии.

Я попросил его пояснить, в чем, собственно, в данном случае разница между дебатами и дискуссией.

— Разница в том,— ответил У. Брайт,— что участник дебатов стремится привлечь на свою сторону оппонента, в то время как дискуссия сводится к изложению своих позиций, своих точек зрения.

Я был удовлетворен ответом: ведь сам характер мирных дискуссий, которые были у доктора Брайта в СССР с неверующими, опровергает не так уж редко бытующее на Западе мнение о том, что наши атеисты, мол, нетерпимы по отношению к верующим, прибегают к оскорблениям и другим недопустимым в полемике приемам.

«Существует ли в СССР свобода вероисповедания?» — такой вопрос в нескольких вариантах был задан доктору Брайту западными корреспондентами. Это понятно: клеветническая шумиха об ущемлении прав верующих, о гонениях на них — излюбленный конек буржуазной пропаганды.

Главный вывод американского гостя сводился к следующему: в СССР, как он лично убедился во время своего трехнедельного визита, вопросы веры обсуждаются свободно и беспрепятственно, не существует ограничений или помех при отправлении религиозных культов. «Я абсолютно свободно говорил о Христе везде»,— заявил У. Брайт. На него, по его словам, большое впечатление произвел тот факт, что «в Советской России свободно проповедуются истины священного писания».

Что же до «жалоб на преследование за веру», то их, подчеркнул он, в СССР ему не приходилось слышать, хотя слухи такого рода, по его словам, в большом ходу у него на родине. «Из-за краткости моего визита,— сказал он,— я не могу исчерпывающе ответить на этот вопрос».

В поездке доктора Брайта сопровождали жена, миссис Вонетт Брайт, и сын Брэд. Когда с официальной частью пресс-конференции было покончено, я спросил, каковы были их впечатления.

— О, великолепно! — воскликнули оба в один голос, и дружелюбные улыбки, сопровождавшие эти слова, не оставляли никаких сомнений в их искренности. Миссис Брайт особенно тепло отозвалась о русском гостеприимстве, с которым ей во время пребывания в нашей стране довелось познакомиться:

— Мы побывали в домах многих верующих — нас приглашали с открытой душой и на беседы и на обеды.

Ю. СЕНИН

КОНКОРДАТ ПЕРЕСМАТРИВАЕТСЯ

Тесная коллаборационистская связь католической церкви в Испании с прогнившим и рухнувшим в конце концов фашистским режимом генерала Франко чрезвычайно ослабила ее позиции. Испанские прелаты называли Франко «перстом божьим». На парадах, устраиваемых каудильо, католические епископы выбрасывали руку в фашистском приветствии. Франкистское государство в свою очередь не скупилось на щедрые подачки церкви, предоставило ей решающее слово в системе народного образования и цензуры, освободило ее огромные владения от налогов и потратило более миллиарда долларов на церковное строительство. Не удивительно поэтому, что церковь считалась оплотом фашистской диктатуры, хотя к концу правления Франко многие священнослужители, даже высшие иерархи, осмеливались открыто критиковать режим *.

В свете этого тяжелого прошлого понятно стремление испанской церкви казаться ныне нейтральной, особенно в период подготовки и проведения всеобщих парламентских выборов, которые состоялись 15 июня 1977 года. Иерархия, выражающая свое мнение через конференцию епископов, возглавляемую архиепископом Мадрида кардиналом Висенте Энрике и Таранконом, официально провозгласила политический нейтралитет церкви, подчеркнув, что ни одна партия не вправе ссылаться на ее авторитет, и призвала верующих избирателей свободно отдавать свои голоса всем партиям, кроме тех, которые проповедуют «безбожный атеизм». При этом конференция епископов даже заявила, что отныне не будет выступать против светской школы, разводов и прерывания беременности.

Этот «нейтралитет», однако, не помешал реакционно настроенным епископам называть в своих выступлениях коммунизм главным врагом христианских избирателей. Неофранкистский «Народный альянс», возглавляемый шестью бывшими министрами покойного каудильо, обратился к 81 тысяче монахов с письмом, в котором призывал отдать свои голоса этому «антимарксистскому и антикоммунистическому» объединению. Да и сам архиепископ мадридский, критикуя спекуляцию правых партий на чувствах верующих, заявил, что партия «христианской направленности» необходима.

Как известно, крайне правые всех оттенков потерпели поражение на прошлогодних парламентских выборах, а перед церковью, кроме того, еще стоит во весь рост проблема все углубляющегося внутреннего кризиса. В корреспонденции из Мадрида «Кающаяся церковь» лондонский журнал «Экономист» отмечал, что уже в 1970 году едва 10 процентов испанцев, проживающих в городах, посещало мессу. Число молодых людей, идущих в священники, сокращается в такой степени, что это вызывает тревогу у католических прелатов. Большинство семинарий пришлось закрыть из-за нехватки учащихся. По данным церкви, за последние десять лет почти 2000 испанских священников отказались от сана. А один из них — бывший иезуит Франсиско Гарсиа Сальве — сейчас даже входит в ЦК Компартии Испании.

Католическая церковь здесь все более ощущает центробежные силы, с которыми она не в силах справиться. Вопреки запрету священникам выставлять свои кандидатуры на выборах в парламент, 20 падре сделали это, причем 19 из них выставили свои кандидатуры от левых партий, которые выступали как раз за то, что запрещала церковная иерархия.

В Испании правительство платит приходским священникам 15 400 песет (по официальному курсу — около 130 рублей) в месяц. Но в баскских провинциях большинство из них демонстративно отказывается от этого жалованья. Баскские епископы открыто критикуют полицейские репрессии против демонстрантов и поддерживают кампанию за освобождение политических заключенных. А один из виднейших испанских церковников, например, сказал мадридскому корреспонденту журнала «Экономист»: «В сороковых и пятидесятых годах нынешнего столетия поведение нашего духовенства было постыдным».

Церковь отнюдь не монолитна. Некоторые католические группировки обсуждают проблему огромных церковных богатств, которые претят даже либералам и умеренно левым — все это недвижимое имущество, произведения искусства, золото и драгоценности. Люди все чаще задают вопрос, почему бы хотя бы некоторые из этих мертвых сокровищ не вложить в строительство жилищ для бедняков и новых школ.

Недовольство населения вызывает и состояние системы народного образования. Во всех городах Испании государственных школ больше, чем частных (в Барселоне, например, соотношение между ними: четыре к одному). Но хотя и большая часть частных школ тоже субсидируется правительством, принадлежат они религиозным орденам, чья алчность вызывает возмущение родителей. Последняя, в частности, проявляется во взимании дополнительной платы за уроки иностранных языков, в систематических поборах на покупку статуй всевозможных святых и т. д. и т. п. Надо ли говорить, что все это тяжелым бременем ложится на семейный бюджет.

В Испании широко распространено мнение, что расширению сети государственных школ препятствует конкордат, заключенный в 1953 году между Ватиканом и правительством генерала Франко. Ныне он пересматривается, а многие испанские епископы даже настаивают на его полной отмене. Король Хуан-Карлос уже в прошлом году сделал первый шаг к пересмотру конкордата, отказавшись от права вето при назначении епископов. В обмен на это испанская церковь отказалась от некоторых предусмотренных конкордатом привилегий, в частности от неподсудности духовенства светским судам.

Однако в общем и целом перемены, происшедшие в Испании после крушения режима Франко, не радуют церковную иерархию. Как сообщает британское агентство Рейтер, примасу испанской церкви кардиналу Марселло Гонсалесу Мартину будущее представляется в мрачном свете.

Л. БОРИСОГЛЕБСКИЙ

* Более подробно об этом см. в статье Ю. Русанова «Испания: время перемен и решений». «Наука и религия», 1976, № 6.

Рисунки Е. Катышева.

МОЗАИКА СУЕВЕРИЙ

ДЬЯВОЛЬСКИЙ РЕНЕССАНС

По данным американского «Центра полицейских исследований», распространившего в 1964 и 1974 годах две анонимные анкеты среди 3546 представителей различных слоев общества, 48 процентов опрошенных верили в дьявола. Большинство из них объяснили это тем, что будущее туманно и бесперспективно. Доктор Клайд Ханн из этого центра считает, что такие перемены в сознании людей вызваны неуверенностью в завтрашнем дне.

ОБОСНОВАННАЯ ТРЕВОГА

186 известных американских ученых, в том числе 18 лауреатов Нобелевской премии, выразили серьезное беспокойство по поводу постоянного интереса американской прессы к предзнаменованиям, гороскопам и астрологическим картам. Ученые утверждают, что «это вызывает рост иррационализма и обскурантизма». Зато шарлатаны в восторге. Директор так называемой «Академии мистических наук» Дональд Папон с удовлетворением констатировал, что «50 миллионов американцев интересуются астрологией, 1230 газет имеют астрологические рубрики».

МОЗАИКА СУЕВЕРИЙ

ПРОФСОЮЗ ЯСНОВИДЦЕВ

Характерная для западного «общества потребления» неуверенность в будущем побудила сотни французских «ясновидцев» основать свой первый профсоюз. Кстати, лет восемь назад это уже сделали их итальянские коллеги. Французские оккультисты пекутся также и о подготовке новых «кадров». Начинающие гадалки могут после трехлетнего обучения на вечерних курсах (за 20 франков в час, по три часа в неделю) защитить диплом «специалиста» по игральным картам и астрологии.

РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ

В самой крупной западногерманской газете «Ди вельт» частенько можно встретить такие вот объявления: «Астрологический прогноз позволяет осуществлять перспективное планирование, научно обосновать то, что подсказывает интуиция. Не требуется компьютеров. Каждый гороскоп вычислен до одной минуты. Вернер Гансер, астролог. Мюнхен».

МОЗАИКА СУЕВЕРИЙ

КОНГРЕСС ВЕДЬМ

В прошлом году на центральных улицах колумбийской столицы появились плакаты, изображавшие страшную старуху верхом на помеле. Надписи извещали, что в Боготе предстоит открытие первого всемирного конгресса ведьм. По словам руководителя организационного комитета Росы Халаме, на конгресс съехались около двух тысяч колдунов, шаманов, знахарей, волшебников, астрологов. «Конгресс» сопровождался рекламой и бойкой распродажей «учебников» магии, грампластинок с заклинаниями, различных амулетов и т. д.

БУРЖУАЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСКАНИЯ

«Современная буржуазная философия и религия». М., Политиздат, 1977, 376 стр., 55 000 экз., 92 коп.

«Бог мертв!» — говорят одни буржуазные философы. «Бог — элемент нашей жизни», — твердят другие. «Бог — ужасная тайна», — возглашают третьи. Огромно число таких, на первый взгляд, противоположных подходов к понятию бога и к религии со стороны современных буржуазных философов. Пестра и картина их философских концепций — психоанализ, феноменология, неопозитивизм, неотомизм, прагматизм, персонализм, экзистенциализм. Одни из них связывают себя с наукой, иные отворачиваются от нее, вставая на путь иррационализма. Некоторые клеймят пороки буржуазного общества, другие, не стесняясь, обосновывают правомерность его существования и предлагают пути к его совершенствованию...

Человеку, впервые столкнувшемуся с этим миром, поначалу представляется в таких учениях богатство идей и подходов к действительности, к человеку. Однако при ближайшем их рассмотрении, анализе обнаруживается некая общность всех этих «измов». Она проявляется в том, что в социальном плане буржуазная философия в целом всегда выступает как защитница эксплуататорских порядков, как элемент буржуазной идеологии; в мировоззренческом — твердо стоит на позициях идеализма и стремится в объятия религии; в гносеологическом — пронизана (явно или скрыто) пессимизмом по отношению к способности человека познать и изменить мир.

Именно эту истинную суть буржуазной философии и стремятся раскрывать, показывать марксисты. В последние десятилетия появился целый ряд таких работ. Среди них и рассматриваемый нами коллективный труд, написанный А. С. Богомоловым, В. И. Гараджой, А. М. Каримским, В. Н. Кузнецовым, в котором сущность буржуазной философии раскрывается через ее взаимодействие с религией.

Отношение философии к религии — пробный камень, определяющий степень ее прогрессивности и соответствия потребностям общественного прогресса. Поскольку религия, являясь отражением «превратного» мира в превратной же, искаженной форме, способствует сохранению отживающих эксплуататорских порядков, постольку любая философская система, явно или тайно поддерживающая религию, имеет тенденцию к вырождению, которая реализуется по мере превращения философии в теологию. В этой книге дан анализ множества попыток современных буржуазных философов поддержать религию как мировоззренчески, так и технически, предоставляя в ее распоряжение наисовременнейшие приемы самозащиты.

Интересно само построение книги. Авторы ведут читателя от внешне вполне респектабельных в научном плане неопозитивистов, снисходительно позволяющих себе критиковать религию, к философам иррационалистического толка (среди них тоже попадаются критики религии) и, наконец, к «чистым» религиозным философам и теологам. Такая композиция обусловлена логикой эволюции философско - идеалистического мировоззрения—оно безусловно тяготеет к религии и враждебно материализму. На богатом конкретном материале (следует отметить: в этой работе впервые анализируются сочинения буржуазных философов, написанные в самые последние годы) авторы показывают, как эволюция буржуазной философии отражает изменения, происшедшие в природе самой буржуазии в течение XIX и XX веков. Например, обращается внимание на то, что буржуазные философы изъяли из учения Гегеля наиболее революционные элементы. И несмотря на то, что неогегельянство интерпретирует Гегеля, казалось бы, с противоположных позиций — религиозной и «атеистической», авторы делают единственно правильный вывод: «гегельянство XX века идеалистично и в принципе антиреволюционно».

Еще более плодотворно в методологическом отношении прослеживание в этой работе изменений внутри тех или иных направлений на протяжении XX века. Авторы книги показывают, что в последние десятилетия в связи с углублением и расширением общего кризиса капитализма усилился процесс взаимопроникновения религии и философского идеализма. Недаром последний параграф книги называется «Религиозно-философский синкретизм» — это основная тенденция эволюции буржуазной философии.

В самом деле, «именно «религиозный интерес» был одним из существеннейших моментов, обусловивших перерастание англо-американского неогегельянства в персонализм путем преобразования Абсолюта в личное начало». В книге отмечается важная роль современных персоналистов «в обновлении католической доктрины, нашедшем отражение в решениях II Ватиканского собора и последующей ориентации папского престола».

Рассмотрев отношение к религии неопозитивизма, мы увидим аналогичную картину: если «ранний неопозитивизм довольно решительно выступает против претензий религиозной идеологии», то сейчас все сильнее пробивается иная тенденция — не только оправдания религии, но и признания ее «жизненной необходимости». А отсюда — путь в откровенно церковной позиции, занимаемой ныне такими известными представителями неопозитивизма, как Уисдом и Рамсей.

Хорошо показано в этой работе, каким образом осуществляется совмещение примитивных религиозных представлений с современными философскими принципами. Такое совмещение диктуется потребностями буржуазии в укреплении своей идеологии. Кроме того, религиозные представления и философско-идеалистические идеи во многом родственны. Ныне религиозные положения ассимилируются идеалистической философией, разумеется в преобразованном виде. Цель подобной ассимиляции — увековечение религии посредством «перевода» ее на более высокий уровень, соответствующий духовным запросам современных верующих. Так, экзистенциализм, превратив религиозность в черту «человеческого бытия», сделал ее, подобно протестантизму, внутренним миром человека, — но уже на философском уровне. Психоанализ, показывающий моральную и теоретическую поддержку религиозному модернизму, «наукообразно... обосновывает психотерапевтическую и социально-этическую целесообразность культивирования религиозного чувства». Прагматисты провозглашают «религиозный опыт» необходимой частью обычного человеческого опыта, который трактуется очень широко и неопределенно.

Показывая процесс втягивания идеалистической философии в сферу теологии, авторы книги раскрывают также и то, как, в свою очередь, теология стремится вооружиться аргументами, понятиями, почерпнутыми из арсенала ведущих школ современной буржуазной философии. Такой анализ приводит авторов к важному выводу: в наши дни намечается тенденция к превращению религии в религиозно-философское умонастроение: «Религиозность — коль скоро речь идет об интеллектуалах — все более превращается в достаточно неопределенное умонастроение, способствующее легкому восприятию именно утонченных форм религиозного мировоззрения, предоставляемых идеалистической философией».

Уже один этот вывод — серьезное основание для того, чтобы ученые обратили особое внимание на изучение самого феномена «достаточно неопределенного умонастроения», отражающего огромное число самых разнообразных сплавов теологии с философией. Так, в книге отмечается, что большинство теологов стремятся теперь сотрудничать с психона-

лизом, что крупнейшие немецкие протестантские теологи опираются на Хайдеггера, что католические философы склонны к синтезу с кантианством.

Большое внимание в книге уделяется связи религиозного модернизма с иррационалистической трактовкой человеческой природы. Модернисты от религии стремятся максимально использовать факт теистическо-антропологической тенденции в ориентации ряда психоаналитиков, экзистенциалистов, «реалистов», структуралистов, феноменологов, не говоря уже о философской антропологии.

Авторы показывают, что обращение современной буржуазной философии к проблеме человека и решение ее в агностическо-иррационалистическом духе «создает значительные возможности для защиты важнейших принципов традиционных религиозных систем, а также для религиозной модернизации». Сам факт, что мир человека — наиболее сложный объект научного познания, создает возможности для разного рода спекуляций.

Интересен в этой книге анализ сущности выступлений некоторых современных буржуазных философов против религии. Можно ли современную буржуазную критику религии назвать атеизмом? Решение этого вопроса имеет принципиальное значение для определения нашего отношения к этой критике. Исходный пункт здесь — признание связи атеизма с интересами прогрессивных социальных слоев, а также с философским материализмом. «Атеизм всегда связывал и связывает себя с прогрессом научного знания. Лишенный научной основы, реального знания о природе и обществе, атеизм превращается в лучшем случае в настроение, в интеллектуальную или эмоциональную предрасположенность, которая зависит от сугубо частных и личных причин». Авторы последовательно подводят читателя к выводу, что на базе идеалистической философии атеизм как наука невозможен, хотя отдельные атеистические положения и могут иметь место в учениях философов-идеалистов.

Критическое отношение ряда современных буржуазных философов к религии в значительной степени связано с мировоззренческим скептицизмом. Но если в XVI — XVIII веках скептицизм сыграл положительную роль, «размывая основы религиозного мировоззрения», то нынешний скептицизм «способствует скорее подрыву **научного** мировоззрения, чем религиозной веры». Это положение убедительно раскрыто в книге на примере неопозитивизма. Его стихийный материализм в сфере положительного знания, его отдельные наскоки на религию, критика противоречивости религиозных догматов сосуществуют с оправданием религии. Он «так или иначе оставляет место религиозной вере в вопросах мировоззренческого характера».

Известно, что в буржуазной философии существует еще одно направление, критикующее религию, — «атеистический экзистенциализм» Сартра, Камю, Хайдеггера, на первый взгляд весьма радикальный. Но этот «атеизм» — не что иное, как бунтарский, анархистский подход к религии, основывающийся на субъективном идеализме. Авторы нашли для него адекватное название: «богоборческий экзистенциализм». Ибо, по существу, критика религии, например Сартром, есть не что иное, как «непрекращающаяся борьба с богом как с неким **действительным** противником, борьба, предполагающая перманентное **присутствие** бога... или хотя бы постоянные думы о нем».

Проблема определения мировоззренческой и социальной сущности различных видов критики религии достаточно сложна и весьма актуальна. Не всякий критик религии может быть союзником марксистского атеизма. Пример Сартра подтверждает это. В нашу эпоху невозможно плодотворно критиковать религию, отказываясь от достижений марксистского атеизма. Попытка Сартра переосмыслить атеизм, создать новую его форму, не связанную с материализмом и материалистической традицией, по существу, привела его в объятия религии. Авторы тонко подметили, что он «очень ярко выразил мироощущение человека, которому — при всем его бунтарстве против всесильного сверхъестественного господина — жутко и неуютно без бога». Столь же основательно раскрыта в книге сущность фрейдистской и неофрейдистской критики религии.

Весьма важен вывод авторов о том, что критика религии с позиций идеалистической философии в современную эпоху, как правило, способствует укреплению позиций религии, в то время как критические удары марксистского атеизма «наносят смертельные раны всем формам религиозной философии, к каким бы новациям она ни прибегала».

Итак, одной из важнейших функций философского идеализма, в какой бы форме он ни проявлялся, является оправдание и совершенствование религии. При этом он дает аргументы для защиты не одной какой-то конкретной религии, а религии вообще. В социальном плане такая позиция связана в конечном счете с попыткой оправдать и защитить «превратный» мир, закономерным отражением которого является религия. Эта конечная цель религиозно-философских конструкций, какими бы абстрактными они ни казались, постоянно подчеркивается в книге. Нередко защита религии соединяется с откровенным антикоммунизмом. Авторы показывают сущность «защиты» персонализмом личности от поглощения ее обществом и государством — это есть не что иное, как демагогическая проповедь, направленная против социализма и коммунизма.

Вся современная идеалистическая философия и теология являются «идеологическим ответом на вполне определенные социальные запросы». «Обновление философско-теоретических аргументов религиозного мировоззрения» в условиях современного кризиса капитализма диктуется потребностями господствующего класса в сохранении отживающих порядков.

Глубокое осмысление процессов, происходящих ныне в области буржуазной философии и теологии, выявление новых тенденций в религиозном сознании, использование новейших материалов, полемическая заостренность, последовательная и обоснованная защита марксистского учения об обществе делают рецензируемую книгу значительным событием в советской атеистической науке. Ценное ее качество — воинствующий характер, последовательное отстаивание марксистского понимания общественных явлений, мировоззренческая ясность и определенность.

З. ТАЖУРИЗИНА,
кандидат философских наук

В МЕСТНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

В. В. Романович. Религия и психические болезни. Алма-Ата, «Казахстан», 1977, 68 стр., 1400 экз., 8 коп.

Ж. А. Буламбаев. Дыхание планеты. Алма-Ата, «Казахстан», 1977, 64 стр., 15500 экз., 15 коп.

Издательство «Казахстан» продолжает выпуск брошюр из серии «Ученые беседуют с верующими». Написанные просто и доходчиво, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию, они подвергают атеистическому осмыслению сложные проблемы современной науки.

Книга В. В. Романовича «Религия и психические болезни» посвящена рассмотрению во многом еще загадочного психического мира человека, на который религия до сих пор заявляет права, противопоставляя научному знанию свое понимание психических процессов. Перед автором стояла нелегкая задача: не впадая в упрощение, дать ответы на ряд существенных вопросов — что представляют собой нарушения нормальной психической жизни человека? Какие реальные, а не сверхъестественные причины лежат в их основе? Как религиозный настрой влияет на механизм психической деятельности?

В. В. Романович заостряет внимание читателей на тех реальных элементах психики, анализ которых позволяет увидеть и по-

нять, как и отчего возникают нарушения в этой важнейшей сфере жизни человека. На конкретных примерах раскрывается природа некогда таинственных явлений — галлюцинаций, истерических и эпилептических припадков. Объясненные наукой, они помогают понять причину их появления у людей, фанатично преданных религиозной идее. В этом случае происходит своеобразная трансформация образов, усиленная работой воображения. Она имеет иную природу (это важное обстоятельство правильно выделяет автор книги), нежели нарушения у психически больных людей.

Подчеркивая, что отсутствие правильных научных знаний является одним из психологических источников веры в сверхъестественное, книга раскрывает причину своеобразного психологического заражения коллектива людей вследствие их совместных культовых действий, выступающих в качестве мощного средства общего внушения и самовнушения. Отдельную главу — «Страх создал богов» — автор посвящает разбору этого доминирующего среди религиозных переживаний чувства как внутреннего источника и духовной основы повседневной жизни верующего человека. Комбинация религиозного страха и иллюзии утешения помогает удерживать людей во власти церкви.

В своих выводах В. В. Романович не ставит знака равенства между религиозностью и расстройствами психики, однако подводит читателей к научно обоснованному выводу о том, что комплекс религиозных идей, склонность к мистическим, сверхъестественным убеждениям способны усилить предрасположенность к нервным заболеваниям и послужить толчком к их началу или углублению. Нет сомнения, что эта работа окажется нужной и для пропагандистов атеизма, и для широкого круга читателей.

Ярко иллюстрированная книга Ж. А. Буламбаева «Дыхание планеты» посвящена постижению грозных явлений природы — землетрясений, извержений вулканов, гигантских морских волн — цунами. Авторский рассказ построен на раскрытии и сопоставлении религиозной и научной точек зрения относительно причин, природы стихийных бедствий, их катастрофических последствий.

В главе «Вулканы» автор приводит схему строения нашей планеты, показывает на конкретных фактах, что в результате длительных наблюдений и данных сейсмической науки ученые могут предсказать силу и особенности будущей вулканической деятельности. Такое знание позволяет защитить людей и материальные ценности от тягостных последствий этих природных катастроф.

Тему одной из глав составляют землетрясения, которые до сих пор служители культа используют для укрепления религиозной веры. Здесь автор также использует конкретную сумму знаний, опираясь на которые наука подымается до верного предсказания будущего грозного события природы — его места, времени и силы.

Рассказывая о причинах, вызывающих стихийные бедствия, автор подводит читателей к мысли о том, что в природе нет явлений сверхъестественного порядка. И вулканы, и землетрясения, и цунами— это естественные процессы, следствия закономерностей внутренней жизни нашей планеты. Науке известно теперь многое об особенностях этой жизни, и она уже может помогать человеку в борьбе со стихией.

Брошюры, выпущенные издательством «Казахстан», утверждают материалистическое мировоззрение, не оставляют места для религиозных домыслов.

А. ПАК

г. Джамбул

Новинки литературы

Ф. Бэкон. СОЧИНЕНИЯ. В 2-х т., 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2. М., «Мысль», 1978, 575 стр. с илл., 80 000 экз., 2 руб. 50 коп.

Ю. В. Гагарин. ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ И АТЕИЗМА НАРОДА КОМИ. М., «Наука», 1978, 326 стр., 1800 экз., 2 руб. 40 коп.

Ю. С. Гуров. ВОСПИТАНИЕ АТЕИСТИЧЕСКОЙ УБЕЖДЕННОСТИ У РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ. М., об-во «Знание» РСФСР, 1977, 36 стр., 10 000 экз., 5 коп.

А. С. Елеонская. РУССКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА. М., «Наука», 1978, 267 стр., 8000 экз., 1 руб. 20 коп.

М. Т. Кочарян. ПОЛЬ ГОЛЬБАХ. М., «Мысль», 1978, 187 стр., 50 000 экз., 25 коп.

В. Ларичев. ПОИСКИ ПРЕДКОВ АДАМА. Рассказы археолога. М., Политиздат, 1978, 127 стр., 200 000 экз., 20 коп.

А. С. Онищенко. СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС, РЕЛИГИЯ, АТЕИЗМ. Киев, «Наукова думка», 1977, 344 стр., 3650 экз., 1 руб. 60 коп.

Г. И. Петров. ОТЛУЧЕНИЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО ОТ ЦЕРКВИ. М., «Знание», 1978, 112 стр., 100 000 экз., 20 коп.

В. Д. Печников. СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ. М., об-во «Знание» РСФСР, 1978, 38 стр., 10 000 экз., 5 коп.

П. А. Тельтевский. ВЕЛИКИЙ УСТЮГ. Архитектура и искусство XVII—XIX вв. М., «Искусство», 1977, 179 стр. с илл., 30 000 экз., 3 руб. 70 коп.

И. П. Тимченио. К ДУХОВНОЙ СВОБОДЕ! М., Политиздат, 1978, 79 стр., 100 000 экз., 15 коп.

«ЧЕЛОВЕК И ЕГО БЫТИЕ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ». М., «Наука», 1978, 279 стр., 9100 экз., 1 руб. 40 коп.

А. Б. Чертков. ПАСХА. 3-е изд. М., Политиздат, 1978, 62 стр., 100 000 экз., 5 коп.

С. Я. Шейнман-Топштейн. ПЛАТОН И ВЕДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. М., «Наука», 1978, 199 стр., 10 000 экз., 75 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

А. В. Белов. Спекуляция на недугах. «Здоровье», 1978, № 8, стр. 28—29.

Б. Э. Быховский. Луч света во мраке схоластики (о Сигере Брабантском). «Вопросы философии», 1978, № 2, стр. 122—132.

И. Григулевич. «Красный папа» (Иоанн XXIII). «Новое время», 1978, № 3, стр. 27—30.

В. Дудинцев. В лабиринте противоречий; **К. Икрамов.** Духовный предел Крохалева (о повести В. Тендрякова «Затмение», напечатанной в журнале «Дружба народов», 1977, № 5). «Литературное обозрение», 1977, № 12, стр. 54—60.

В. Иорданский. Тропическая Африка: архаичное сознание и пространство. «Азия и Африка сегодня». 1978, № 1, стр. 33—35.

А. Н. Кочетов. Вселенная, время, пространство в мировоззрении буддистов. «Философские науки», 1978, № 2, стр. 115—124.

Б. Ю. Кузмицкас. Трансцендентальная антрополо[гия] Карла Ранера. «Вопросы философии» 1978, № 1, стр. 150—156.

П. Курочкин, А. Окулов Свобода совести. «Агитатор», 1978, № 3, стр. 52—55.

К. Леви-Стросс. Миф, ритуал и генетика. «Приро[да]». 1978, № 1, стр. 90—106.

Е. Маят. Индивидуальны[й] подход в атеистическо[м] воспитании. «Агитатор» 1978, № 2, стр. 41—43.

Г. Навлицкая. Танцы к[...]гура. «Азия и Афри[ка] сегодня», 1978, № 1, ст[р.] 45—47.

С. С. Неретина. Мир [в] миниатюре. «Природа» 1978, № 1, стр. 107—114.

Ю. Пересунько. «Забыт[ый] гул погибших городов. «Вокруг света», 197[8], № 1, стр. 50—53.

Ю. Смелков. Плохой х[о]роший человек (реценз[ия] на повесть В. Тендряко[ва] «Затмение», напечатанну[ю] в журнале «Дружба на[ро]дов», 1977, № 5). «Новы[й] мир», 1978, № 2, стр. 267[—]271.

М. Л. Соколовская. Сев[ер]ное раскольничье общеж[и]тельство первой полови[ны] XVIII века и структура [...] земель. «Истор[ия] СССР», 1978, № 1, с[тр.] 157—167.

А. Н. Хохлов. Н. Я. Би[чу]рин и его труды о Мон[го]лии и Китае. «Вопро[сы] истории», 1978, № 1, с[тр.] 55—72.

Л. Е. Шапошников. Вл. [Со]ловьев и современная п[ра]вославная философия ис[то]рии. «Философск[ие] науки», 1978, № 2, [стр.] 107—114.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

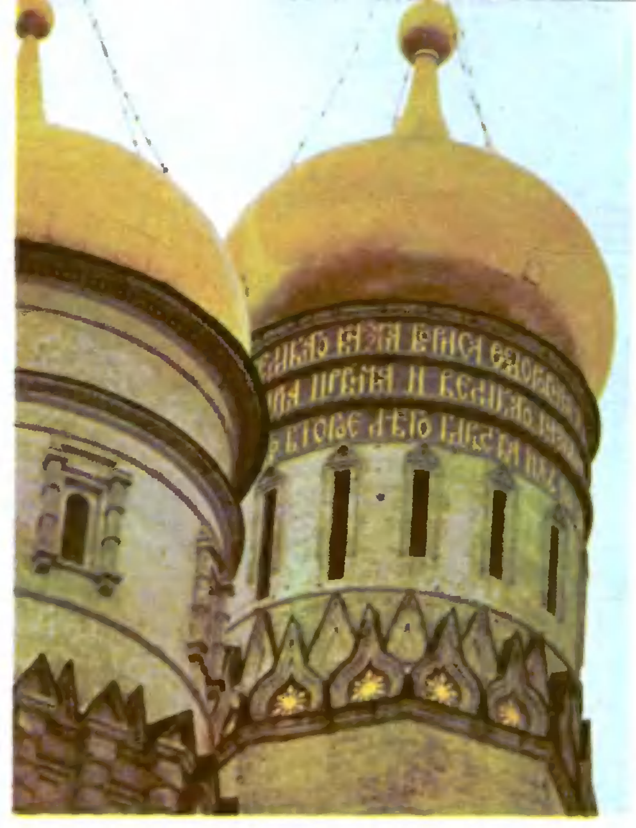
ЗАЙЦЕВ Вячеслав Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и научного коммунизма Архангельского лесотехнического института. В нашем журнале выступает впервые.

ДАВЫДОВ Александр Никонович — этнограф, старший научный сотрудник Архангельского музея деревянного зодчества. В нашем журнале выступает впервые.

ИЛЬИНСКИЙ Юрий Борисович — член Союза писателей СССР, автор книг «Опаленная юность», «9-й класс сражается», «За ядовитыми змеями», «Городок на Днестре» и других. В нашем журнале выступает впервые.

А 05247.
Сдано в набор 16. III. 78. г.
Подписано к печати 25. IV. 78 г.
Тираж 441 000 экз.
Зак. 01357.
Формат 60×90¹/₈.
Печатных листов 10.
Ордена Ленина комбинат печати «Радянська Україна».
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Золотая надпись, которая трижды опоясывает верхний ярус Ивана Великого, гласит: «Изволением Святыя Троицы повелением Великого нашего Государя Царя и Великого князя Бориса Федоровича всея Руси самодержца и сына его благоверного Великого государя и Великого князя Федора Борисовича всея Руси храм совершен и позлащен во второе лето государства их 108»... Надпись сделана при Борисе Годунове, когда столп был надстроен и увенчан золотым куполом. Обозначенный славянскими буквами год 108 означает 7108 год «от сотворения мира», что соответствует 1600 году нашего летосчисления.

Цена 30 коп.
70602